

ISSN 2658-7637

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет»

**ТРУДЫ КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XXIV

Сборник научных трудов

Под общей редакцией А.М. Белавина

Пермь
ПГГПУ
2024

УДК 904(470.53)
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)
Т 782

Труды Камской археолого-этнографической экспедиции.
Т 782 Выпуск XXIV. Антропологические и этнологические исследования: история и современность: сборник научных трудов / под общей редакцией А.М. Белавина; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Пермь, 2024. – 135 с.: ил. – Текст (визуальный): непосредственный.

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции». Сборник будет полезен специалистам по истории, этнографии и фольклористике Евразии, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, научным работникам, сотрудникам музеев.

УДК 904(470.53)
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. А.М. Белавин;
д-р ист. наук, проф. Н.Б. Крыласова (гл. ред.);
д-р ист. наук Е.Л. Лычагина;
канд. ист. наук Н.С. Батуева (отв. за выпуск);
канд. ист. наук, доц. А.Н. Сарапулов;
канд. ист. наук, доц. Ю.А. Подосёнова

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

УДК 902/378

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-3-16

Н.В. Григорьева¹, М.С. Павлова¹, В.О. Левашко², А.С. Новиков²**ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ НА БАЗЕ СТАРОЛАДОЖСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ***¹Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация²Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Пушкин, Российская Федерация

Освещается тема сотрудничества Староладожской археологической экспедиции и студенческих практик вузов, в первую очередь результаты многолетней совместной работы с ЛГУ им. А.С. Пушкина. Текст статьи состоит из трёх частей. Первая является историческим экскурсом, в котором показано, что экспедиция изначально была организована как база студенческой практики кафедры археологии Ленинградского университета. Вторая часть раскрывает составляющие сотрудничества, с точки зрения археологов, для которых практика – это прежде всего гарантированная возможность проведения масштабных энергозатратных полевых работ, с постоянным притоком кадров и возможность долгосрочного планирования программы раскопок. Также определяются отдельные обязывающие моменты сотрудничества, которые оказывают влияние на организацию работы экспедиции, такие как: период адаптации практикантов, необходимость обучения, проведение экскурсий и лекций, установленные вузом сроки. В третьей части руководители студенческой археологической практики ЛГУ им. Пушкина обобщили 30-летний опыт её проведения в рамках Староладожской археологической экспедиции, сделав акцент на психолого-педагогических и социологических аспектах.

Ключевые слова: Старая Ладога, студенты, археологическая практика, Староладожская археологическая экспедиция, ЛГУ им. Пушкина.

N.V. Grigoreva¹, M.S. Pavlova¹, V.O. Levashko², A.S. Novikov²**THE STAROLADOZHSKAYA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION
AS AN EXPERIENCE OF ARCHAEOLOGICAL PRACTICE
AMONG HISTORY STUDENTS**¹Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy
of Sciences (IHMC RAS), Saint-Petersburg, Russian Federation²Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Saint-Petersburg, Russian Federation

This article covers the cooperation between the Staroladozhskaya Archaeological Expedition and student practices of higher educational institutions, particularly Pushkin Leningrad State University. The text is divided into three parts. The initial section provides a historical overview,

© Григорьева Н.В., Павлова М.С., Левашко В.О., Новиков А.С., 2024

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00515 «Формирование ранней городской структуры и культурного ландшафта Северной Руси на материале археологического комплекса Старой Ладоги».

demonstrating that the expedition was initially established as a foundation for student training at the Department of Archaeology of Leningrad University. The following section outlines the aspects of cooperation as viewed by archaeologists. For them, cooperation provides a reliable means of conducting large-scale, energy-intensive fieldwork, a steady supply of personnel, and the ability to plan excavations over the long term. Several binding moments of cooperation, such as the obligatory adaptation period for trainees, the need for training, excursions and lectures, and the deadlines set by the university, influence the organisation of the expedition work. The third section is a summary of the 30-year experience of the implementation of student archaeological practice at Pushkin Leningrad State University within the framework of the Staroladozhskaya archaeological expedition, with emphasis on psychological, pedagogical and sociological aspects.

Keywords: *Staraya Ladoga, students, archaeological practice, Staroladozhskaya Archaeological Expedition, Pushkin Leningrad State University.*

Староладожская археологическая экспедиция: немного истории

Староладожская археологическая экспедиция (далее – САЭ) имеет продолжительную историю. Она была основана по инициативе профессора вновь образованного археологического отделения истфака ЛГУ В.И. Равдоникаса* в 1938 г. как постоянное научно-учебное подразделение для проведения полевой практики студентов. Старая Ладога в качестве базы была выбрана не случайно. Кроме доступного расположения, недалеко от г. Ленинграда (Санкт-Петербурга), в селе и его округе находятся более 50 археологических памятников разных эпох – стоянки, селища, грунтовые и курганные могильники, сопки, а также Земляное городище – раннегородское поселение средневекового времени с уникальным «мокрым» слоем. Концентрация различных археологических объектов гарантировала студентам широту знакомства с их разнообразием и методиками изучения в течение неограниченного количества времени.

Археологические памятники в районе Старой Ладogi были хорошо известны в научных кругах задолго до инициативы В.И. Равдоникаса и неоднократно становились объектами образовательных студенческих «небольших экспедиций». В 1880 г. село специально посетили слушатели Археологического института вместе с проф. А.А. Иностранцевым. Они стали свидетелями обнаружения грунтового могильника при выработке известнякового карьера недалеко от Никольского монастыря [Об осмотре ... , 1880, с. 13].

В 1922 г. преподаватель Археологического института А.А. Миллер трижды выезжал в Ладогу со студентами Археологического отделения Петроградского университета. В ходе поездок он проводил разведочные работы на Земляном городище и расчистки основания стены каменной крепости между Воротной и Стрелочной башнями [Тихонов, 2022, с. 91]. Поездки не были спонтанными. Ещё в 1909 г. А.А. Миллер, будучи сотрудником Этнографического отдела Рус-

* В.И. Равдоникас (1894–1976 гг.) – известный советский археолог, в сферу научных интересов которого входили памятники северо-запада России от неолита до средневековья, возглавил кафедру археологии ЛГУ осенью 1936 г. [Тихонов, 2003, с. 167].

ского музея, поддержал инициативу Н.И. Репникова о начале раскопок на Земляном городище в Старой Ладогe с целью пополнения археологической коллекции. Он был хорошо осведомлён о ходе и результатах работ, неоднократно докладывал о них на заседаниях отдела, а в 1913 г. посетил лично [Тихонов, 2022, с. 91]. В 1919 г. на Совете института А.А. Миллер в качестве практического занятия для слушателей на летний семестр предложил научную экскурсию с целью осмотра памятников Старой Ладогe, но тогда предпочтение было отдано другой инициативе [Тихонов, 2003, с. 142]. По этой причине первая практическая поездка студентов состоялась только спустя 3 года, в 1922 г. В это время помимо Археологического института А.А. Миллер продолжает работать в Русском музее, возглавляя этнографический отдел, и в ГАИМК* [Тихонов, 2003, с. 163]. К сожалению, в Научном архиве сохранилась лишь краткая информация о проведённых в Ладогe работах и папка с подборкой материалов: выписки из письменных источников и отчётов предшественников (Н.Е. Бранденбурга и Н.И. Репникова), зарисовки, обмеры, наброски чертежей. И.Л. Тихонов предположил, что А.А. Миллер в дальнейшем намеревался сам заняться исследованием памятников Старой Ладогe [Тихонов, 2022, с. 92]. Об этом свидетельствует сохранившаяся записка о намерении продолжить изучение Земляного городища Этнографическим отделом Русского музея с привлечением специалистов – почвоведов и геологов из Института археологической технологии РАИМК** [Тихонов, 2022, с. 92]. Таким образом, имеется достаточно оснований предполагать о существовавших планах проведения ежегодной археологической практики студентов университета в Старой Ладогe в экспедиции под руководством А.А. Миллера. Однако в 1923 г. он начинает масштабную Северо-Кавказскую экспедицию, и именно она становится базовой для прохождения летней практики [Тихонов, 2003, с. 163; Тихонов, 2022, с. 92]. Сказать, что Старая Ладога полностью перестала интересовать А.А. Миллера, нельзя. Он возвращается сюда с археологическими разведками в 1923 и 1924 гг. [Назаренко, 1970, л. 2] и, возможно, его научные интересы были бы реализованы, однако репрессии 1930-х гг. прервали творческий и жизненный путь ученого (1933 г. он был арестован, а в 1935 г. умер в лагере в Казахстане) [Тихонов, 2003, с. 164].

Очевидный научный и образовательный потенциал Старой Ладогe в полной мере был реализован В.И. Равдоникасом. Староладожская экспедиция ЛГУ работала с перерывом на период Великой Отечественной войны в течение 11 полевых сезонов, с 1938 по 1959 г. В работе экспедиции принимали активное участие сотрудники ИИМК АН СССР и Государственного Эрмитажа [Новое в археологии ..., 2018, с. 7]. Студенты с первых дней вовлекались в исследовательский процесс: выполняли не только земляные работы, приобретая навыки разборки культурного слоя и расчистки объектов, но и учились снимать глазомерные планы,

* Государственная академия истории материальной культуры.

** Российская академия истории материальной культуры.

выполнять чертежи и проводить фиксацию на раскопе. В городе в межсезонье проходило знакомство с приёмами камеральной обработки находок [Равдоникас, 1949, с. 8, 11]. Фамилии студентов указаны на серии полевых архивных чертежей экспедиции (напр., см. рис. 1). В полевых дневниках руководителя и сотрудников экспедиции находим списки практикантов, а также порученные им задания, напр., см.: [Новое в археологии ... , 2018, с. 40, 41; Дневник раскопок ... , 1938, л. 3, 4] и др. Старшие сотрудники в обязательном порядке уделяли время образованию студентов и рассказам об археологических богатствах Ладogi, см.: [Новое в археологии ... , 2018, с. 29, 31] и др. Руководитель, проверяя качество проделанной студентами работы и ежедневные записи, в личном дневнике иногда выражал неудовольствие результатом, напр., см.: [Новое в археологии ... , 2018, с. 31]. Все эти разрозненные детали позволяют достаточно полно представить образовательный процесс, реализуемый в рамках экспедиции, и приобретаемые участниками навыки.

В 1950-х гг. любопытным эпизодом, связанным с освоением практических навыков ведения археологических раскопок, является участие в САЭ группы школьников из г. Тихвина под руководством школьного учителя И.П. Крупейченко (1957–1959 гг.). Последний был увлечённым краеведом и патриотом своей малой родины, активным популяризатором знаний о родном крае среди местных жителей. После САЭ он в течение многих лет проводил раскопки раннесредневековых курганов в Тихвинском районе. При этом в личных дневниках И.П. Крупейченко зафиксирована методика раскопок курганных насыпей, усвоенная в ходе образовательной лекции сотрудницы САЭ О.И. Давидан [Крупейченко, 1959, л. 32–39].

После окончания работ В.И. Равдоникаса Староладожская археологическая экспедиция воссоздаётся заново по инициативе ЛОИА АН СССР в 1972 г. На долгие годы её руководителем становится А.Н. Кирпичников. Информация об участии в работах экспедиции студентов начинает встречаться в отчётах разных отрядов экспедиции с 1973 г. Упоминаются студенты Ленинградского и Новосибирского университетов, Архангельского педагогического института, ЛГПИ им. А.И. Герцена, учащиеся ЛИС-техникума, ЛИТМО, ЛЭТИ, ЛИСИ (Отчёты В.П. Петренко, Е.А. Рябина о раскопках в Старой Ладогe и её округе 1973–1982 гг.; [Седых, 2015, с. 275]). В полевом Отчёте 1984 г. отмечено, что экспедиция является базой практики студентов ЛГУ и действует координированно с Объединением музеев Ленинградской области, Инспекцией охраны памятников Управления культуры Леноблисполкома, Областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и недавно созданным Староладожским музеем-заповедником [Кирпичников, 1985, л. 1]. В дальнейшем, помимо студентов-практикантов исторического факультета ЛГУ с ответственным руководителем от кафедры, также упоминаются аспиранты и «ряд студентов других высших заведений страны, в том числе из Сыктыв-

кара и Ярославля», см.: [Кирпичников, 1986, л. 1] и отчёты последующих лет. С начала 1990-х гг. в составе экспедиции появляются упоминания об участии в работе студентов-иностранцев [Кирпичников, 1991, л. 2].

Сотрудничество экспедиции с историческим факультетом Санкт-Петербургского университета (СПбГУ, бывш. ЛГУ им. Жданова) продолжалось до середины 1990-х гг., а в 1995 г. впервые в Ладоге появляются студенты-практиканты Ленинградского областного педагогического университета (совр. Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина) [Кирпичников, 1995, л. 3].

В новейшее время, с начала 2000-х гг., в составе экспедиции проходили практику группы студентов из Казанского педагогического университета, Казанского государственного университета, Нижегородского государственного педагогического университета, Нижегородского государственного университета, кафедры музееведения и экскурсоводения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, студенты кафедры музееведения исторического факультета СПбГУ, Смольного университета Российской Академии образования, а также воспитанники Санкт-Петербургского суворовского военного училища МВД России (Отчёты А.Н. Кирпичникова о раскопках в Старой Ладоге 1995–2013 гг.).

С 2004 по 2009 г. на базе Староладожской экспедиции при финансовой поддержке Комитета по внешним связям и туризму Санкт-Петербурга проводилась образовательная программа для «иностранцев-соотечественников» [Кирпичников, 2004, с. 5–6], которая из «школы-экспедиции» получила развитие в рамках Программы «Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет». Задачи последней, разумеется, были шире летней студенческой практики вуза; её проведение дополняло, а в какой-то мере и расширяло рамки стандартного образовательного процесса, в котором находились учащиеся [Плешков, Толстой, 2006, с. 3; Кирпичников, 2006, с. 223].

Экспедиция продолжает принимать студенческие практики по сей день и открыта для сотрудничества с вузами, в том числе и техническими. Так, в 2021 г. выездное занятие в Старой Ладоге было организовано для учащихся кафедры геодезии, землеустройства и кадастров Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета, в ходе которого проводилась учебная топографическая съёмка археологического памятника. В 2023 г. начаты совместные работы с кафедрой геофизики Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II по изучению археологических объектов Староладожского комплекса с использованием геофизических методов.

Студенческие практики и археологическая экспедиция: особенности взаимодействия

Академические экспедиции в России неразрывно связаны со студенческими практиками. Последние во многом являются основной движущей силой широкоплощадных полевых исследований, а также делают возможным долгосроч-

ное планирование проведения работ. САЭ не является исключением, и студенческие археологические практики играют важную роль в её проведении.

Безусловно, организаторы любой отдельно взятой экспедиции отметят свои положительные моменты и особенности взаимодействия со студенческими практиками, исходя из имеющегося опыта, а при сравнении проявится как общее, так и частное. В данной статье приводятся наблюдения, сделанные в ходе деятельности САЭ.

Для САЭ учащиеся вузов – это основной источник человеческих ресурсов для проведения энергозатратных полевых работ. Немногочисленный коллектив научных сотрудников организует и направляет процесс раскопок, выполняет разборку наиболее сложных объектов, полевую графическую и фотофиксацию, камеральную обработку находок.

Наличие долговременных партнерских отношений с вузами в рамках проведения студенческих практик даёт возможность планировать многолетние исследования, так как они стабильно обеспечены работниками. Это крайне важно для сложных многослойных памятников Староладожского комплекса, раскопки которых проблематично выполнить в рамках одного полевого сезона; практически отсутствует спешка, так как работы могут быть законсервированы на любом этапе и продолжены в следующем году.

Студенческие практики обеспечивают постоянный приток кадров для экспедиции. В каждом потоке находятся заинтересованные молодые люди, которые готовы неоднократно возвращаться; ребята, которые пишут студенческие работы по археологическим материалам; те, кто помогают в межсезонье завершать камеральную обработку материалов; помогают с чертёжными работами.

САЭ становится первым опытом для студентов, что даёт возможность выучить их под действующие в экспедиции стандарты, а не переучивать. В данном случае речь идёт не о специалистах, а именно о рядовом квалифицированном составе, который в дальнейшем способствует процессу раскопок в контроле за работой новичков.

Присутствие студентов обеспечивает широкий информационный охват. Истории об участии в археологических раскопках активно транслируются среди родственников, друзей и знакомых. Стоит отметить формирование и поддержание позитивного имиджа экспедиции благодаря молодежи. У студентов, как правило, остаются преимущественно положительные эмоции о практике, а значит, и об экспедиции.

Наличие студенческой практики влияет на сроки археологической экспедиции и на особенности организации работ. Прежде всего приходится сталкиваться с периодом адаптации на старте. Ребятам требуется время привыкнуть к трудовой дисциплине, освоить методику работы, научиться «видеть» находки и объекты. На данном этапе задача руководителя экспедиции и его помощников

(начальники раскопов, участков, полевой лаборатории камеральной обработки материалов) – уделять время студентам: объяснять и показывать.

Учебная практика предполагает приобретение опыта всех специфических аспектов археологической полевой работы, что наилучшим образом происходит путем периодической смены деятельности. Каждый студент, по возможности, должен поучаствовать и в раздёрновке, и в расчистке объектов, и в зачистке раскопа под фиксацию, и в камеральной работе, и т.д. Необходимость постоянно «двигать» практиканта, безусловно, усложняет для руководящего состава экспедиции ведение полевых работ. В этом процессе большую роль играют руководители практики. Их помощь неоценима в решении организационных вопросов и транслировании студентам научных задач на понятном для них уровне.

Неотъемлемой частью полевой практики является проведение образовательных лекций и экскурсий. В Старой Ладогe для студентов организуются посещение Староладожского музея, обзорные экскурсии по достопримечательностям села (монастыри, церкви, сопки).

Непродолжительный срок практики (как правило, две недели) не всегда позволяет обеспечить участие всех студентов в разборке интересных участков и объектов. В этих случаях руководители экспедиции проводят зимние лекции-встречи, чтобы рассказать о результатах раскопок, если практикантам не удалось застать их в поле. В итоге у ребят формируется представление о полном цикле археологических раскопок. Хорошей практикой является проведение выставок находок и полевых фотографий в стенах учебных заведений-партнеров.

Археологическая практика студентов-историков: психолого-педагогические и социологические аспекты

С 1995 г. факультет истории и социальных наук Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина принимает участие в работе Староладожской археологической экспедиции [Документы по организации ...]. Это была первая летняя студенческая практика в истории университета, причём во второй половине 1990-х гг. в раскопках принимали участие не только студенты-историки, но и другие обучающиеся – географы, филологи, педагоги начального и дошкольного образования, математики, юристы и экономисты. Впрочем, уже в «нулевые» от такой практики отказались, отправляя на раскопки исключительно студентов-историков.

До 2013 г. археологическая практика проходила под руководством А.Н. Кирпичникова. С 2014 г. работу со студентами осуществляет Н.В. Григорьева, с 2021 г. присоединилась М.С. Павлова. За годы совместной деятельности студенты принимали участие в раскопках разных археологических памятников: Земляного городища, каменной крепости, Ладожского посада, грунтового могильника и селища на р. Заклюке.

За время участия студентов в археологических исследованиях сформировался системный подход к проведению археологической практики. Он включает в себя целый ряд важнейших составляющих.

Прежде всего это непосредственно участие в археологических исследованиях. Оно ни в коей мере не ограничивается исключительно участием в раскопках. В ходе практики студенты знакомятся с археологическими коллекциями ИИМК РАН и Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника, приобретают первичные навыки работы с материалами археологических раскопок. На протяжении всей практики перед ними с лекциями выступали археологи, историки и популяризаторы науки (среди которых А.Н. Кирпичников, В.А. Лапшин, А.А. Селин, А.В. Курбатов, Б.Г. Васильев, П.А. Васин и многие другие). На протяжении многих лет работа в Старой Ладоге для студентов завершалась участием в качестве слушателей в традиционной международной конференции «Старая Ладога – первая столица Руси».

Но «погружение в науку» в ходе археологической практики отнюдь не ограничивается исключительно археологией. На протяжении всей работы студенты активно пополняют свой багаж знаний. Помимо знакомства с памятниками самой Старой Ладогы, студенты-историки выезжают в гг. Волхов, Новую Ладугу, посещают другие памятные места Волховского района Ленинградской области. Это подкрепляет и обогащает уже существующие знания – история Новоладожских петровских верфей, рассказы о службе полковника А.В. Суворова в период его командования Суздальским полком в Новой Ладоге, погружение в атмосферу купеческой Новой Ладогы 2-й пол. XIX в. Отдельное внимание уделяется истории СССР 1-й пол. XX в., о которой молодые люди узнают в ходе посещения памятников периода индустриализации в г. Волхов и периода Великой Отечественной войны, прежде всего тех её событий, которые связаны с Ленинградской битвой, Ладогой и Дорогой жизни.

«Обучение науки и наукой» имеет ещё одну форму. С 2021 г. каждый студент – участник САЭ выступает перед сокурсниками и руководителями практики с докладом по той научной проблематике, которую он планирует разрабатывать в дальнейшем (тематика, объект, предмет, актуальность, степень изученности, краткий очерк источниковой базы исследования). После каждого доклада проходит дискуссия, и ключевая задача преподавателя – дать опыт публичного выступления с научным материалом, а также открытого обсуждения заслушанного выступления. В ходе работы над докладами и последующей их презентации студенты учатся преподносить и аргументированно отстаивать результаты своего научного исследования. В этом выражается специфика подхода факультета истории и социальных наук к обучению студентов: выбрав историческую проблематику на 1-м курсе, студент идёт к дипломной работе на 4-м или 5-м курсе, постепенно прорабатывая различные аспекты выбранной темы. Таким образом, вы-

страивается вполне стройная линия: доклад в Старой Ладоге на 1-м курсе – научно-исследовательская практика на 2-м курсе – курсовая работа на 3-м курсе – курсовая работа на 4-м курсе – дипломная работа на 5-м курсе.

Вероятное влияние участия в археологической практике можно проследить в том, что некоторые из студентов факультета истории и социальных наук делают археологию основой своей деятельности. Например, выпускник 2008 г. И.В. Стасюк в настоящее время является сотрудником Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН; окончивший обучение в 2017 г. А.С. Волков стал старшим научным сотрудником ГБУК ЛО «Музейное агентство» и преподаёт археологию на кафедре истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина; а выпускница 2022 г. К.С. Лучина поступила на работу в Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник.

Как показывают современные психологические исследования, выпускникам сегодняшних школ часто недостаёт элементарного опыта общения с коллегами, выработанных коммуникативных поведенческих практик, в том числе и осуществления совместной деятельности в коллективе сверстников [Ильинский, Копылова, 2012; Григорьева, Локаткова, 2014]. Такого рода опыт приобретается студентами как раз при прохождении археологической практики.

На протяжении двух недель ребята проживают совместно во временном общежитии, вместе ведут хозяйство, решают финансовые задачи, проблемы питания и многие другие бытовые ситуации, сами организуют и проводят праздники («Экватор практики» и «Посвящение в археологи»), оказывают друг другу помощь и поддержку в трудные минуты. Первоначальное недопонимание, а иногда даже и неприязнь друг к другу в этом тесном маленьком мирке очень быстро сменяется самыми дружескими чувствами, добрым отношением и пониманием товарищей. Студенты осознают: недостатки и слабости товарищей – это не то, что может стать препятствием в общении, а сильные стороны каждой личности можно обратить на пользу целой группы людей (иногда вместе с тем увеличивая и объёмы пользы, получаемой носителем этой самой условной «сильной стороны»). Студенты за эти две недели начинают понимать свою ответственность перед товарищами – тот, кто готов прийти на помощь, сам может на неё рассчитывать в нужный момент.

Немаловажным фактором является и то, что университетские руководители практики на протяжении всех лет работы в археологической экспедиции стараются поддерживать среди молодых людей благоприятную рабочую атмосферу. Вообще, за эти годы была сформирована и многократно отработана методология работы преподавателей, подразумевающая буквально порядок повседневной жизнедеятельности. Преподаватели особое внимание уделяют даже не участию студентов в самих раскопках (это прерогатива профессиональных археологов, вмешательство в дела которых может считаться как минимум моветоном), а именно организации студенческой жизни. Реализуемая при этом методология

включает в себя, с одной стороны, контроль и необходимое руководство жизнью студентов (поддержание распорядка дня, координация досуга, решение экономических вопросов и т.д.), а с другой – предоставление им максимальной самостоятельности и ответственности за принятие и реализацию решений. Принцип прост: чем скорее студенты осознают ответственность за свои действия и начнут принимать решения самостоятельно, тем успешнее будет их дальнейшая профессиональная, да и частная жизнь. Упомянутая методология прекрасно коррелирует с наиболее актуальным в современной педагогике субъект-субъектным подходом, подразумевающим паритетное участие в образовательном процессе преподавателя и обучающегося [Ахмерова, 2011; Кольчик, Митякова, 2023]. И такой подход оправдывает себя уже на протяжении многих лет. С одной стороны, он позволяет избегать чрезвычайных происшествий (за всё время работы студентов в Ладоге не зафиксировано ни одной серьёзной травмы или иного подобного инцидента), а с другой стороны, даёт возможность студентам-первокурсникам получить опыт самостоятельного принятия рациональных решений. Как показывает практика экспедиций, то, что вначале кажется студенту излишне обременительным и даже в чём-то обидным (например, непременно реализуемое расписание рабочего дня и отдыха), со временем становится абсолютно необходимым и востребованным не только в ходе практики, но и в дальнейшем. Личные наблюдения авторов демонстрируют, что наибольшей организованностью отличаются именно те студенты и студенческие группы, которые прошли через Старую Ладогу.

Отметим также, что рефлексия опыта проведения археологической практики студентов в рамках САЭ требует привлечения и социологического инструментария. Таким образом, мы предлагаем экспериментальную попытку измерения результатов археологической практики посредством социологического опроса* [Опрос, 2024].

Итак, по результатам опроса было выделено несколько ключевых положений. Прежде всего 100 % опрошенных оценивают опыт прохождения археологической практики определённо положительно и в эмоциональном и в личностном плане и с точки зрения получения новых знаний, умений и навыков по своему профилю обучения; 91 % респондентов хотели бы повторить пережитый на археологической практике опыт.

Материалы опроса фиксируют определённые психологические трансформации опрошенных студентов. 73 % респондентов отмечают положительную динамику в отношениях с коллективом (курсом, группой), при этом 9 % опрошенных наблюдают улучшение отношений лишь с некоторыми членами коллектива,

* Проведение опроса всё ещё продолжается, а в данной статье предложены результаты анкетирования 33 респондентов, проходивших археологическую практику с 2013 по 2023 г. и участвовавших в опросе с 15 января по 1 февраля 2024 г.

а 18 % изменений не фиксируют. Также 27 % опрошенных говорят об изменении в своем отношении к окружающим (из них 18 % от общего числа респондентов стали терпимее относиться к недостаткам окружающих).

Бытовые аспекты также оказались в числе положений опроса, вызвавших отклик респондентов. Так, 64 % опрошенных констатируют изменения в собственных бытовых навыках после прохождения практики (сюда входят 46 % от общего числа опрошенных студентов, указавших улучшение навыков приготовления пищи, и 18 % повысивших общий уровень организации быта).

Также в ряде случаев опрос фиксирует изменение избранной студентом научной проблематики: 36 % респондентов после прохождения археологической практики начали внедрять археологические материалы и археологическую методологию в свои научные исследования.

Таким образом, проведённый социологический опрос позволил сделать несколько важных выводов. Во-первых, опыт сосуществования во время участия в археологической экспедиции влечёт за собой положительные изменения в восприятии студентом коллектива и окружающих в целом. Во-вторых, новый бытовой опыт закономерно повлечёт за собою освоение новых умений и навыков в этой сфере. В-третьих, участие в археологических раскопках обеспечивает знакомство с археологическими методами исследования.

Суммируя всё вышеозначенное, отметим ключевое положение. Археологическая практика студентов-историков, проводимая в рамках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН, является важнейшим образовательным, научно-исследовательским и личностным подспорьем в профессиональной и частной жизни упомянутых студентов.

Библиографический список

1. *Ахмерова Д.Ф.* Субъект-субъектное взаимодействие студентов и преподавателей в воспитательно-образовательном процессе вуза // Начальная школа плюс До и После. 2011. № 8. С. 14–17.

2. *Григорьева М.В., Локаткова О.Н.* Структура психологической готовности выпускников школ к взаимодействию с образовательной средой вуза // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. № 2. С. 103–107.

3. *Дневник раскопок в Старой Ладогe за 06.07–19.08.1938 г.* / сост. Г.П. Гроздилов // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1938. № 192.

4. *Документы по организации археологической практики* (договоры на практику, отчёты руководителей практики, отчёты заведующего кафедрой о проведении практической подготовки). Внутренний архив кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина // ВАКИ ЛГУ. Ф. 1. О. 1. Д. 1.

5. Ильинский С.В., Копылова М.В. Взаимосвязь личностных характеристик выпускника школы с его профессиональной направленностью // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2012. № 2. С. 25–38.
6. Кирпичников А.Н. Неотпитая чаша // Старая Ладога. Первая международная археологическая экспедиция-школа. СПб., 2004. С. 5–16.
7. Кирпичников А.Н. Отчёт об археологических раскопках в Старой Ладого в 1984 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1985. № 139.
8. Кирпичников А.Н. Отчёт об археологических раскопках в Старой Ладого в 1984 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1986. № 169.
9. Кирпичников А.Н. Отчёт об археологических раскопках Староладожской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в пос. Старая Ладога в 1990 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1991. Д. 104.
10. Кирпичников А.Н. Отчёт о раскопках Староладожской археологической экспедиции в июле 1995 г. в посёлке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1995. Д. 24.
11. Кирпичников А.Н. Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2005 году // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006. Реформы в России. XVI – начало XX в. СПб., 2006. С. 222–262.
12. Кольчик И.В., Митякова О.И. Субъект-субъектные отношения как модель модернизации высшего образования // Инновационные технологии в образовательной деятельности: материалы XXV Междунар. науч.-метод. конф. (Нижний Новгород, 08 февраля 2023 г.). Н. Новгород: Нижегород. гос. тех. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2023. С. 234–238.
13. Крупейченко И.П. Дневник об участии в Староладожской экспедиции // ТИМАХМ. НВФ-4386.
14. Назаренко В.А. Отчёт о работе волховского отряда Северо-западной археологической экспедиции ЛГУ. 1970 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1970. Д. 82.
15. Новое в археологии Старой Ладого: материалы и исследования (Труды ИИМК РАН. Т. LIII) / под ред. Н.И. Платоновой и В.А. Лапшина. СПб., 2018. 536 с.
16. Об осмотре летом и осенью 1880 г. членами и слушателями Археологического института памятников древности и их работах в архивах // Сборник археологического института. СПб, 1880. Вып. 5. С. 13.
17. Опрос, 2024: материалы социологического опроса «Рефлексия прохождения археологической практики на базе Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН» // ВАКИ ЛГУ. Ф. 1 О. 1 Д. 2.
18. Плешков В.Н., Толстой М.Н. От редакции // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006. Реформы в России. XVI – начало XX в. СПб., 2006. С. 3.
19. Равдоникас В.И. Археология в Ленинградском государственном университете // Учёные записки ЛГУ. № 85. Серия исторических наук. Археология. Вып. 13. Л., 1949. С. 3–11.

20. *Седых В.Н.* Несколько слов о студенческой жизни и не только // Наш дом на Менделеевской, 5: Воспоминания универсантов-историков. СПб.: Скифия, 2015. С. 272–276.

21. *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 332 с.

22. *Тихонов И.Л.* Старая Ладога между Н.И. Репниковым и А.А. Миллером (к вопросу о взаимоотношениях учёных) // Ладожские чтения. История, археология, искусство. Вып. 1. Старая Ладога: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 2022. С. 87–96.

Сведения об авторах

Григорьева Наталья Владимировна, младший научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН); 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, литера А; e-mail: mak-kon4@yandex.ru

Левашко Вадим Олегович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»; 197506, Санкт-Петербург, Сестрорецк, ул. Воскова, д. 6, кв. 11; e-mail: v.levashko@lengu.ru

Новиков Александр Сергеевич, старший преподаватель кафедры истории ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»; 198215, Санкт-Петербург, бул. Новаторов, д. 64, кв. 6; e-mail: kafmfistori@lengu.ru

Павлова Марианна Сергеевна, младший научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН); 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, литера А; e-mail: marler@inbox.ru

Grigoreva Natalia Vladimirovna, Department Member, Department of slavic-finnish archeology at Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences (IHMC RAS), 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: mak-kon4@yandex.ru

Levashko Vadim Olegovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Leningrad State University named after A.S. Pushkin; 197506 Saint-Petersburg, Sestroretsk, Voskova street, 6/11; e-mail v.levashko@lengu.ru

Novikov Alexander Sergeevich, Senior lecturer of the Department of History of Leningrad State University named after A.S. Pushkin; 198215 Saint-Petersburg, Novatorov boulevard, 64/6; e-mail kafmfistori@lengu.ru

Pavlova Marianna Sergeevna, Department Member, Department of slavic-finnish archeology at Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences (IHMC RAS), 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: marler@inbox.ru

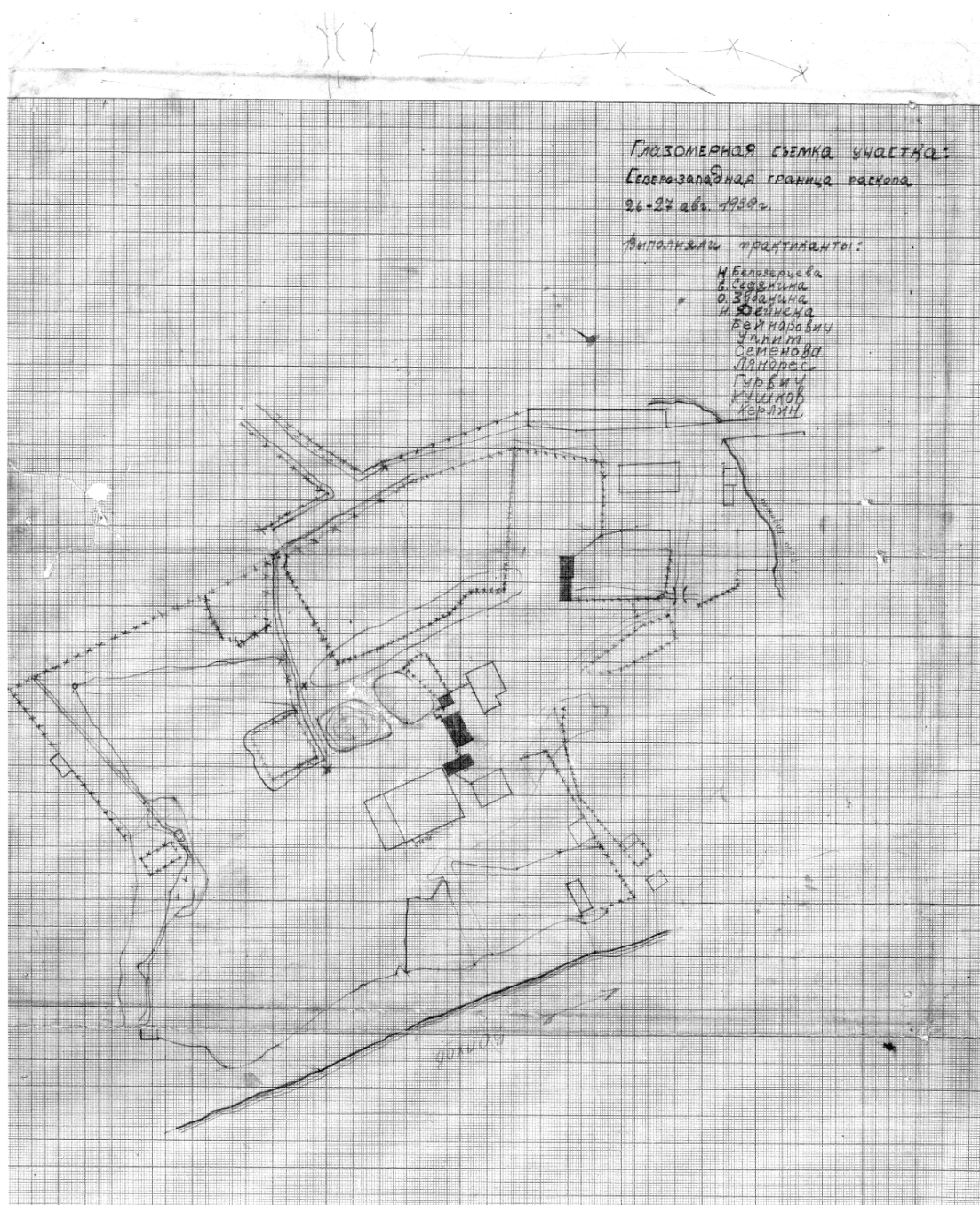

Рис 1. Глазомерный план Земляного городища, выполненный
и подписанный студентами-практикантами Староладожской
археологической экспедиции под руководством В.И. Равдоникаса. 1939 г.
(НА ИИМК РАН. Ф. РІ ед. хр. 13676. 1939 г.)

УДК 069.6: 902]: [378.4: 37] (470.56-25)

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-17-24

О.Е. Хмелевская¹**МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ ОРЕНБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ В ПРАВОВОЕ ПОЛЕ**¹Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Российская Федерация

Представлены итоги проведённой реорганизации Музея археологии ОГПУ и опыт введения в правовое поле археологических коллекций музея исходя из его особенностей, материальных и кадровых ресурсов. Охарактеризованы приоритетные направления в деятельности музея. Предложены к обсуждению дальнейшие стратегии развития музея, в связи с изменением его организационной структуры в части представления археологических материалов, просветительской работы, популяризации археологического наследия исходя из возможностей ведомственного музея. Проанализированы необходимые учётные мероприятия для организации фондового и дофондового хранения. Рассмотрены вопросы организации учётной, хранительской и выставочной работы музея в соответствии с актуальной нормативно-правовой базой по организации деятельности музеев применительно к музеям, не входящим в структуру Министерства культуры Российской Федерации, на примере Музея археологии ОГПУ. Очерчен круг проблем, не решённых на сегодняшний день по движению музейных предметов, – проведение реставрации и организация выездных выставок.

Ключевые слова: ведомственный музей, вузовский музей, археологические коллекции, учёт и хранение археологических коллекций, делопроизводство музея, реорганизация ведомственного музея.

O.E. Khmelevskaya¹**MUSEUM OF ARCHEOLOGY OF ORENBURG STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY: EXPERIENCE OF INTRODUCTION
TO THE LEGAL FIELD**¹Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

The results of the reorganization of the OGPU Museum of Archaeology and the experience of introducing the museum's archaeological collections into the legal field based on its features, material and human resources are presented. The priority directions in the museum's activities are characterized. Further strategies for the development of the museum are proposed for discussion: changing its organizational structure, presenting archaeological materials, educational work, and popularization of the archaeological heritage. The necessary accounting measures for the organization of stock and pre-fund storage are analyzed. The issues of organizing the accounting, curatorial and exhibition work of the museum in accordance with the current regulatory framework are considered. The peculiarities of the organization of the activities of museums that are not part of

the structure of the Ministry of Culture of the Russian Federation are highlighted, using the example of the OSPU Museum of archaeology. A range of topical issues on the movement of museum objects is outlined. Attention is paid to the issues of restoration and organization of field exhibitions.

Keywords: *departmental museum, university museum, archaeological collections, accounting and storage of archaeological collections, office management of the museum, reorganization of the departmental museum, Museum funds of the Russian Federation.*

Проблема введения в правовое поле музейных коллекций актуальна, прежде всего для академических и вузовских музеев, не входящих в структуру музеев Министерства культуры РФ. Каждый музей, опираясь на разработанные нормативно-правовые акты, решает обозначенную проблему, исходя из тех ресурсов, которые он имеет. Нельзя не согласиться с мнением, что вузовские музеи являются одними из крупнейших хранителей археологических материалов [Герасимов, 2012, с. 145]. Проблемы учёта и хранения археологических коллекций в музеях уже неоднократно рассматривались и наиболее детально, на наш взгляд, в работах С.Л. Воробьевой [Воробьева, 2016; 2019а, б]. Отдельно данная проблематика рассматривалась относительно археологических коллекций вузовских и академических музеев ([Бердникова, 2014; Камалетдинов, 2020] и др.).

Цель данной публикации состоит в предложении к обсуждению опыта введения в правовое поле археологических коллекций музеев археологии Оренбургского государственного педагогического университета (далее – Музей археологии ОГПУ).

Имеющий 20-летнюю историю Музей археологии ОГПУ был создан в 2004 г. [Документы ... , л. 1]. Основными задачами деятельности музея были представление археологических коллекций, использование их в исследовательской и образовательной деятельности для «повышения уровня учебного процесса» [Хмелевская, 2019, с. 21; Краева, 2022, с. 257]. Организационная форма музея неоднократно менялась по тем или иным причинам [Краева, 2022; Хмелевская, 2019]. Первоначально музей являлся самостоятельным структурным подразделением. Музеем как таковым считался лишь экспозиционный зал, в котором экспонировались предметы, однако фонды числились за лабораторией и в ней же хранились, хотя экспозиция и хранение – это всегда части одного целого. И вполне логичным было включение музея в структуру археологической лаборатории в январе 2006 г. при её реорганизации в «учебную» [Документы ... , л. 2]. Такое решение, видимо, было принято в связи с тем, что музей, являясь самостоятельным структурным подразделением, не имел бы возможности содержать фонды, так как бюджетное финансирование отсутствовало, а зарабатывать самостоятельно музей не имел возможности.

За столь короткий период, учитывая, что в штате музея был только один сотрудник – заведующий музеем, сформировать необходимую учётную документацию охранного характера не удалось. Учёт был представлен фактически полевыми описями и журналом учёта коллекций. Уже в ноябре 2006 г. учётно-

хранительская деятельность музея, в числе прочих музеев, была подвергнута проверке Поволжским управлением Росохранкультуры [Документы ... , л. 3, 5]. Проверка была выездная и носила комплексный характер. Для ознакомления с ведением документооборота были запрошены все виды учётной документации – книги поступлений основного фонда и инвентарные книги, описи документов и археологических предметов, справки о движении фондов и их численности. Была произведена оценка материально-технической базы музея и условий хранения собрания музея. В акте по результатам проверки отмечено «хорошее техническое состояние экспозиционного зала и хранилищ» [Документы ... , л. 8]. Кабинет, в котором размещалась экспозиция музея, и помещение лаборатории, в котором хранились не экспонируемые в данный момент музейные предметы, были отремонтированы, оборудованы стеллажами и шкафами. Однако не обеспечивались нормативные требования к хранению и безопасности предметов археологических коллекций, так как хранение было организовано в единственном помещении лаборатории, где работали сотрудники.

Особое внимание в ходе проверки было уделено фактическому отсутствию в музее учётных мероприятий, предусмотренных законодательством и действующими нормативно-правовыми актами, прежде всего документации, носящей охранный характер. По результатам проверки отмечалось, что «порядок учёта и хранения музейных предметов и музейных коллекций не определён и осуществляется с грубыми нарушениями с полным несоответствием Инструкции по учёту и хранению музейных ценностей». Хранение осуществляется по коллекциям без должной регистрации и учёта. Приём предметов на постоянное хранение, их регистрация в книгах поступлений основного и научно-вспомогательного фондов, а также передача на ответственное хранение и ведение регистрационных журналов и книг не ведётся». Зафиксированы отсутствие ведения учёта температурно-влажностного режима, возможности опечатывания витрин и помещений музея, контроля наличия и состояния сохранности, профилактических осмотров, контроля реставрационных мероприятий. Отмечены недостатки в организации учёта и хранения археологических предметов с содержанием драгметаллов, к учёту и хранению которых законодательство предъявляет особые требования [Документы ... , л. 9, 11]. В плане мероприятий по устранению выявленных недочётов были отражены самые неотложные из них при участии практически всех сотрудников лаборатории. В первую очередь они были направлены на обеспечение безопасности и физической сохранности археологических предметов (приобретение сейфа для особо ценных экспонатов, установка дополнительной охранной сигнализации). Одним из планируемых мероприятий было заключение договора на хранение и использование археологических коллекций с Оренбургским областным краеведческим музеем [Документы ... , л. 16]. Однако непонятно, на каких условиях Музей археологии мог бы использовать эти предметы. Фактически стояла угроза утраты фондов в связи с передачей в один из государственных музеев.

В 2009 г. музей преобразован в учебно-методический кабинет по археологии [Краева, 2022, с. 257]. Вероятно, в связи с тем, что было сложно соблюдать требования законодательства, предъявляемые к музейным учреждениям любого подчинения, в собрании которых находились предметы археологии. Это была попытка руководства избежать требований, предъявляемых к музейным учреждениям. Само название «музей» в учредительных документах накладывает на учредителя ряд серьёзных обязательств по обеспечению сохранности, физической безопасности предметов, осуществлению учётных мероприятий. Однако изменение фактического наименования не снимает ответственности, если какое-либо учреждение хранит и использует археологические предметы. Связано это в первую очередь с тем, что предметы археологии являются федеральной собственностью и подлежат включению в государственную часть Музейного фонда РФ, согласно п. 13. ст. 45.1 ФЗ № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации от 25 июня 2002 г. До 2013 г. часть археологических коллекций была передана в Оренбургский областной краеведческий музей, однако его помещения также были практически заполнены.

В 2013 г. руководство ОГПУ вновь получило предписание о передаче коллекций в государственную часть музейного фонда РФ теперь уже от Управления Минкультуры России по Приволжскому федеральному округу в связи с имеющимися археологическими коллекциями при археологической лаборатории. Фактически для этого необходимо было произвести все необходимые учётные мероприятия и зарегистрировать коллекции в Государственном каталоге Музейного фонда РФ. Несколько ранее получения предписания в университете обновилось руководство, что отчасти поспособствовало решению имеющихся проблем. В археологических фондах была проведена инвентаризация, составлены описи на основную массу коллекций. В 2015 г. под фондохранилище коллекций археологической лаборатории было выделено отдельное помещение [Документы ... , л. 21]. За счёт хоздоговорных средств лаборатории был осуществлён косметический ремонт, кабинет оборудован металлической дверью, решёткой на окне, стеллажами, установлена пожарная и охранная сигнализация. Таким образом, коллекции были перемещены из лаборатории в отдельное фондохранилище. Дополнительно в помощь заведующему учебно-методического кабинета по археологии один из сотрудников лаборатории стал исполнять обязанности хранителя, фактически ставки данного специалиста выделено не было. В 2016 г. была создана фондово-закупочная комиссия (ФЗК) при археологической лаборатории для упорядочивания деятельности по документальному оформлению новых поступлений археологических предметов и коллекций. Однако фактически свою деятельность она не осуществляла, разработанный порядок приёма предметов в фонды лаборатории по-прежнему отсутствовал.

В 2017 г. сменилось руководство археологической лабораторией. Для того чтобы сохранить научную археологическую коллекцию в университете, новым руководством было принято решение привести к соответствию с требованиями

законодательства РФ документооборот музея, а также организовать учётную работу, так как необходимый учёт в музее практически отсутствовал (имелись лишь коллекционные описи и книга поступлений, в которой было зарегистрировано только 12 коллекций). Началась работа по проверке ранее зарегистрированных коллекций, регистрация в книгах вторичного учёта (инвентарные книги), фотофиксация. Был получен КОПУК музея – код по классификатору органов, предприятий и учреждений культуры, в результате появилась возможность предоставления отчёта по форме 8-НК о количестве фондов и их движении в системе Минкультуры РФ, который представляется независимо от ведомственной принадлежности. Летом 2019 г. было выделено 0,5 хоздоговорной ставки специалиста по учёту и хранению музейных фондов, на которого легла работа по организации учётных мероприятий, обеспечению соблюдения требований к хранению и подготовка охранной документации и маркировки. Осенью 2019 г. из хоздоговорных средств археологической лаборатории была приобретена автоматизированная информационная система (АИС «Музей») ГИВЦ Минкультуры РФ, что позволило начать ведение электронной базы собрания музея и посредством системы производить в дальнейшем централизованный учёт коллекций музея во ФГИС «Госкаталог Музейного фонда РФ». Начались научная инвентаризация и регистрация предметов в инвентарных книгах. Все записи о предметах дублировались в автоматизированной системе и дополнялись фотографиями для последующей регистрации в Госкаталоге. В течение 2019–2020 гг. поколлекционно произведена регистрация на временное хранение до экспертизы ФЗК археологических предметов, ещё не включённых в состав основного фонда музея, присвоены учётные номера.

1 января 2020 г. утверждено Положение о музее археологии ОГПУ [Положение о музее ... , 2019], и учебно-методический кабинет был вновь реорганизован в Музей археологии ОГПУ [Краева, 2019, с. 257]. Разработан документ, определяющий условия использования музейных предметов сторонними исследователями [Положение о порядке ... , 2020]. В марте музей прошёл регистрацию в реестре музеев Госкаталога Музейного фонда РФ и начал предоставлять сведения о музейных предметах, зарегистрированных в книге поступлений основного фонда, в соответствии с Положением о Государственном каталоге Музейного фонда РФ и Положением о Музейном фонде РФ [Положение о Государственном ... , 2017; Положение о Музейном ... , 2019]. В сентябре 2020 г. был пересмотрен состав фондово-закупочной комиссии, а также принято положение, в котором был определён порядок приёма новых поступлений в музей археологии ОГПУ, а также предусмотрено включение в качестве приглашённых экспертов реставраторов и других профильных специалистов [Положение о фондово-закупочной ... , 2020]. Таким образом, в музее появилась возможность принятия решений о передаче предметов на реставрацию. В настоящее время идёт планомерный перевод предметов, находящихся на временном хранении, в основной фонд музея и

регистрация в Госкаталоге Музейного фонда РФ – фактически передача в государственную часть музейного фонда РФ. В 2022 г. разработана и утверждена внутримузейная инструкция Музея археологии ОГПУ [Инструкция ... , 2022].

К 2024 г. музеем зарегистрировано более 5 тыс. предметов. Однако музей по-прежнему финансируется из хоздоговорных средств археологической лаборатории, несмотря на то, что музей выполняет ту же работу в плане учётно-хранительской работы, что и государственные музеи, которые финансируются за счёт бюджетных средств. Не менее сложно обстоят дела с реставрацией предметов, включённых в государственную часть Музейного фонда РФ. С данными предметами имеют право работать только аттестованные Министерством культуры РФ специалисты, однако в нашем регионе реставраторы по керамике, металлу и другим материалам, характерным для археологических предметов, отсутствуют на сегодняшний момент [Единые правила ... , 2020]. Таким образом, большое значение имеет первичная постраскопочная консервация предметов.

Отдельно следует отметить необходимость бухгалтерского учёта археологических музейных коллекций на забалансовых счетах. Эти данные синхронизируются с данными государственного учёта (первичного в книге поступлений основного фонда и централизованного в Госкаталоге) [Письмо Минфина ... , 2019]. Также с ведомственных музеев не снимается ответственность по регистрации всех сделок с музейными предметами: выдача на экспонирование и временные выставки в другие музеи, передача на реставрацию с предварительным запросом разрешения на осуществление данных мероприятий в Госкаталоге и страхованием предметов. Причём если государственные музеи системы Минкультуры РФ могут осуществлять запросы по этим операциям с предоставлением документов через личный кабинет в Госкаталоге, но для вузовских музеев пока данная процедура в упрощённом порядке не предусмотрена, что создаёт дополнительные сложности, так как взаимодействие с Министерством культуры посредством обычной переписки значительно затягивается.

Таким образом, анализируя опыт введения в правовое поле археологических коллекций Музея археологии ОГПУ, следует отметить, что, несмотря на ограниченность кадровых ресурсов и финансирования, проведение подобной работы возможно, но при верном определении приоритетов. В первую очередь необходимо привести к нормативным требованиям хранение, соблюсти требования безопасности и физической сохранности, а также организовать учётно-хранительскую работу в соответствии с действующими правилами организации и учёта [Единые правила ... , 2020] и последующими изменениями [Приказ № 1503 ... , 2019; Приказ № 1414 ... , 2020]. Однако сложнее выделить ресурсы на экспозиционную и просветительскую деятельность, хотя они также являются основными для музея. В связи с этим на расширение деятельности по популяризации и представлению археологического наследия, проведению реставрации, рутинной работы по учёту и хранению необходимо целевое государственное фи-

нансирование, потому как рассмотренный опыт Музея археологии ОГПУ связан с необходимостью сделать археологические коллекции доступными для посетителей и исследователей в пределах родного региона.

Библиографический список

1. Бердникова Н.Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология, Этнология, Антропология». 2014. Т. 10. С. 94–109.
2. Воробьева С.Л. Комплектование, учёт, хранение и научное описание археологических коллекций в музеях: правовые аспекты и практический опыт. Уфа, 2019а. 160 с.
3. Воробьева С.Л. Приём археологических коллекций в музеях: правовые аспекты и особенности учёта (на примере работы Национального музея Республики Башкортостан) // Археология евразийских степей. 2019б, № 5. С. 11–23.
4. Воробьева С.Л. Специфика научной инвентаризации (вторичного учёта) археологических коллекций (на примере работы Национального музея Республики Башкортостан) // Вопросы музеологии. 2016, с. 108–123.
5. Герасимов Ю.В. Каталогизация археологических фондов в Российских музеях: история и перспективы // Вопросы музеологии. 2012. № 5. С. 139–147.
6. Документы и материалы по организации Музея археологии, переписка // Архив Археологической лаборатории ОГПУ. I – 5/2022.
7. Единые правила организации комплектования, учёта, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, утверждены приказом Министерства культуры РФ от 23.07.2020 г. № 827.
8. Инструкция по учёту и хранению музейных предметов Музея археологии ОГПУ. Оренбург, 2022. 48 с.
9. Камалетдинов Д.А. Научно-фондовая работа в Академическом музее (на примере Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН) // Известия Уфимского научного центра РАН. 2020. № 4. С. 86–88.
10. Краева Л.А. Роль университетского музея археологии в учебном процессе // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши. Екатеринбург, 2022. С. 256–262.
11. Письмо Минфина России «Об отражении в бухгалтерском учёте информации о музейных предметах и музейных коллекциях» от 16 октября 2019 г. № 02-06-10/79605.
12. Положение о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации. Утверждено приказом МК РФ от 01.12.2017 г. № 2012.
13. Положение о Музее археологии ОГПУ. Оренбург, 2019. 8 с.
14. Положение о Музейном фонде Российской Федерации. Утверждено приказом МК РФ от 15.01.2019 г. № 17.

15. *Положение о порядке и условиях доступа к музейным предметам и музейным коллекциям Музея археологии ОГПУ*. Оренбург, 2020. 15 с.

16. *Положение о фондово-закупочной комиссии Музея археологии ОГПУ*. Оренбург, 2020. 4 с.

17. *Приказ № 1503 «О внесении изменений в приказ Министерства культуры Российской Федерации от 23.07.2020 № 827 «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учёта, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» от 24.11.2020 г.*

18. *Приказ № 1414 «О внесении изменений в приказ Министерства культуры Российской Федерации от 23.07.2020 № 827 «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учёта, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» от 26.08.2021 г.*

19. *Хмелевская О.Е.* Музейные фонды археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета: специфика, проблемы, векторы развития // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019. № 9. С. 21–25.

Сведения об авторах

Хмелевская Ольга Евгеньевна, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» (ОГПУ); Оренбург, ул. Пролетарская, д. 298, кв. 189.

Khmelevskaya Olga Evgenievna, Orenburg State Pedagogical University (OSPU), Orenburg, Proletarskaya str., 298, sq. 189.

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-25-32

Л.В. Половников¹**РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В КОЧЁВСКОМ
МУНИЦИПАЛЬНОМ ОКРУГЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ В БАССЕЙНЕ
РЕКИ ОНОЛВЫ В 2018 ГОДУ**

¹Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Российская Федерация

Приводятся сведения о полевых результатах, полученных в ходе археологической разведки в 2018 г. в Кочёвском муниципальном округе. Были проанализированы архивные материалы, с их помощью получилось разыскать археологические памятники, определить границы, сделать актуальные топографические планы. Удалось провести беседы с местными жителями, которые рассказали о традициях и легендах, связанных с объектами культурного наследия.

Ключевые слова: памятник, разведка, селище, городище, могильник.

L.V. Polovnikov¹**THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN THE
KOCHEVSKY MUNICIPAL DISTRICT OF THE PERM TERRITORY
IN THE ONOLVA RIVER BASIN IN 2018**

¹Perm national research polytechnic university, Perm, Russian Federation

Information is provided on the field results obtained during the archaeological survey in 2018 in the Kochevsky municipal district. Archival materials were analyzed, with their help it turned out to find archaeological sites, determine boundaries, and make up-to-date topographic plans. We managed to have conversations with local residents, who told us about the traditions and legends associated with cultural heritage sites.

Keywords: archaeological site, exploration, settlement, settlement, burial ground.

Летом 2018 г. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции была проведена археологическая разведка в бассейне р. Онолвы в Кочёвском муниципальном округе Пермского края. Общая протяжённость маршрута составила 51 км.

В ходе полевых исследований были осмотрены 7 уже известных археологических памятников: Вежайка, могильник; Вежайка, селище; Малая Коча, селище; Борино, поселение-городище; Урьинский, могильник; Большая Коча, могильник; Усть-Онолва I, поселение.

Вежайка, могильник

Памятник расположен в 0,4 км к востоку от юго-восточной оконечности д. Вежайки, на левом берегу р. Вежайки, в 0,6 км к востоку от её берега. Площадь памятника составляет 16 794 м² [Приказ Министерства ... от 23.07.2015].

Могильник открыт К.М. Русановой в 1975 г. На распахиваемой площадке в 1 км к северо-востоку от деревни Вежайки ею были найдены бусы, пронизкалошадка и рукоять кинжала. Памятник был отнесен исследовательницей к VIII–X вв. [Памятники ... , 1996, с. 264]. В 2014 г. С.И. Абдуловой был проведён мониторинг состояния объектов археологического наследия. На тот момент площадка памятника распахивалась. Был обнаружен подъёмный материал (человеческие кости, зубы лошади) [Абдулова, 2014, с. 27–28].

Состояние памятника на момент осмотра в 2018 г.

Площадка памятника задернована и поросла травой. Вдоль восточной оконечности могильника проходит дорога, являющаяся старым трактом д. Сеполь – д. Большая Коча. Подъёмного материала не обнаружено. Памятник не подвержен антропогенному воздействию.

Вежайка, селище

Памятник расположен на западной окраине д. Вежайки, на левом берегу р. Вежайки, его площадь составляет 51 600 м² [Приказ Министерства ... от 20.07.2015].

Селище открыто К.М. Русановой в 1975 г., она же хронологически отнесла его к VIII–X вв. [Памятники ... , 1996, с. 264]. В 1997 г. в ходе разведки С.И. Абдуловой было отмечено, что площадка селища располагается на западной окраине д. Вежайки, ранее территория селища была застроена, однако в связи с вымиранием деревни она от построек освобождена [Абдулова, 1998]. В 2014 г. был проведён осмотр отрядом КАЭЭ. В результате осмотра выяснилось, что селище располагается под постройками д. Вежайки. Культурный слой уничтожен деревенским слоем [Абдулова, 2014, с. 28–30].

Состояние памятника на момент осмотра в 2018 г.

Площадка памятника задернована и используется под сенокосы и под выпас скота, от построек она практически освобождена. Подъёмного материала не обнаружено.

Малая Коча, селище

Памятник расположен по адресу д. Малая Коча, в центральной части, левый берег р. Онолва. Площадь памятника 10 800 м² [Приказ Министерства ... от 17.08.2016].

Селище было открыто В.Ю. Лещенко в 1967 г. Им была произведена зачистка обнажения, снят план памятника. Была найдена керамика ломоватовско-родановского времени. Памятник датирован VII–X вв. [Памятники ... , 1996, с. 273] В 2014 г. памятник был осмотрен С.И. Абдуловой [Абдулова, 2014, с. 35–36].

Состояние памятника на момент осмотра в 2018 г.

Памятник практически полностью застроен жилыми и хозяйственными постройками, а также разрушается пахотой д. Малая Коча. Юго-западная часть территории памятника сnivelирована в процессе устройства грунтовой дороги. Подъёмного материала не обнаружено.

Борино, поселение-городище

Памятник находится в 1,6 км к юго-западу от южной окраины д. Борино на левом берегу р. Онолвы. Площадь памятника 11 533 м² [Приказ Министерства ... от 16.08.2016].

Памятник известен с XIX в. По сообщению И.Я. Кривощёкова, городище носит название Курег-кар, что переводится как «Куриный городок» и находится на вершине высокого холма, где сохранились земляные укрепления [Кривощёков, 1914, с. 87]. Аналогичную информацию приводит И.А. Талицкая, ссылаясь на вышеуказанного исследователя [Талицкая, 1952, с. 178]. В новейшее время городище обследовано С.И. Абдуловой [Абдулова, 2014, с. 21–23]. Памятник датируется X–XIII вв. [Памятники ... , 1996, с. 273].

Состояние памятника на момент осмотра в 2018 г.

Площадка полностью заросла смешанным лесом с преобладанием ели. Городище окружено валом, образовавшимся в результате порезки склона. При обследовании была обнаружена яма неясного происхождения размерами 2 × 2 м. На площадке памятника установлен деревянный идол. Подъёмного материала не обнаружено.

Местное население знает о памятнике. Гору, на которой он расположен, называют Курёгкармыс, т.е. «гора Куриного города», гора, Чёлпанамыс – «Каравайная гора». Деревянного идола установили благодаря усилиям школьного учителя истории из с. Большая Коча В.И. Гагарина. По рассказам местных, городище иногда посещают туристы, для них сделаны указательные таблички.

Т.Г. Голева опубликовала статью, в которой даётся анализ преданий о данном месте. Первоначальные рассказы о городище были связаны с сокровищами, которые зарыты на площадке памятника. Далее рассказы повествуют о первых жителях – «чуди» и их деятельности. В XXI в. жители ближайших деревень уже не связывают жителей городища с легендарной «чудью», а «определяют, как разбойников, богатырей, старый народ» [Голева, 2021, с. 148].

Ямы неясного происхождения, скорее всего, следует связывать с кладоискательством. Есть свидетельства о подкопах, о прощупывании колодца: «Земля называется Курэгкар. Там де есть колодец и большой колокол внутри. Его когда-то хотели разрушить... Взберешься туда, на самой горе есть дыра, просунешь туда длинный шест, он там качается. Как пещера там (д. Боруна, 2008, запись А. Цыбина)» [Цит. по: Голева, 2021, с. 148].

Урьинский могильник

Памятник расположен в д. Урья, в 0,2 км к юго-востоку, левый берег р. Онолвы. В 200 м выше могильника по течению реки Онолвы в неё впадает река Урья. Площадь памятника 42 576 м² [Приказ Министерства ... от 02.08.2016].

Памятник известен с XIX в. Некоторые вещи поступили в коллекцию Теплоуховых и были датированы А.А. Спицыным X в., а позднее И.А. Талицкой – VI–IX вв. [Талицкая, 1952, с. 179]. Стационарные исследования проводились: В.Ф. Генингом в 1952 г., Р.Д. Голдиной в 1970 г. [Генинг, Голдина, 1970, с. 30–56]. Памятник был обследован С.И. Абдуловой в результате разведки в 1997 г. Разведочной группе местные жители рассказали о находящемся здесь памятнике, местность называется «чудским могильником», который каким-то образом связывается с проводящимся здесь ежегодно обрядом «быкобоя». Кроме того, жители близлежащих деревень осознают ценность памятника и не только сами не ведут на его территории земляных работ, но и предупреждают пришлых [Абдулова, 1998].

Состояние памятника на момент осмотра в 2018 г.

Состояние памятника можно охарактеризовать как удовлетворительное. Площадка памятника задернована и используется местными жителями для выпаса скота. Ранее памятник подвергался распашке. Подъёмного материала не обнаружено. Местные жители до сих пор помнят о могильнике и даже приходили на раскопки под руководством Р.Д. Голдиной. Нашу разведочную группу проинформировали о том, что население, которое проживало на Курэргкармыс (*Борино, городище-поселение – Л.П.*), теперь захоронено на р. Урье, на мысу.

Большая Коча, могильник

Памятник расположен в центральной части с. Большая Коча. над бывшей плотиной, в 0,3 км к востоку-юго-востоку от часовни, на левом берегу р. Онолвы. Площадь памятника 20 903 м² [Приказ Министерства ... от 09.07.2015].

Могильник известен с XIX в. И.Я. Кривощёков указывает его местоположение в селе Большая Коча возле мельничной плотины. Вещи из этого могильника датируются А.А. Спицыным VIII–X вв. [Кривощёков, 1914, с. 87]. Эту же информацию сообщает И.А. Талицкая, упоминая о «чудском» могильнике в селе Большая Коча [Талицкая, 1952, с. 177–178]. Предметы из этого села поступали в коллекцию Теплоуховых.

В 1997 г. и в 2014 г. могильник был осмотрен отрядами КАЭЭ под руководством С.И. Абдуловой. Было установлено, что на месте мельничной плотины ныне располагается мост через р. Онолву. Территория памятника разрушается жилыми постройками и дорогой. Много вещей найдено местными жителями, однако показывать их они отказались. По опросам местных жителей были установлены границы памятника [Абдулова, 2014, с. 20–21].

Состояние памятника на момент осмотра в 2018 г.

Площадка памятника застроена жилыми и хозяйственными сооружениями, занята огородами. По территории могильника в направлении запад-восток проходит дорога, при строительстве которой была срезана часть грунта и уничтожена часть могильника. С обеих сторон дороги, вдоль неё, проходит ЛЭП. Подъёмный материал не обнаружен.

При опросе местных жителей выяснилось, что праздник быкобоя проводится именно в с. Большая Коча в день святых Флора и Лавра 31 августа, на берегу р. Онолвы. В советское время праздник был упразднен. В настоящее время он праздновался 29 августа 1999 г., 27 августа 2000 г., 30 августа 2009 г. [Голева, 2020, с. 91]. А в последний раз – перед приездом нашей разведочной группы – 31 августа 2018 г. Причём молодое поколение связывало праздничные гуляния с Днем села. В настоящее время праздник не проводится.

Усть-Онолва I, поселение

Памятник расположен по адресу Пермский край, д. Усть-Онолва, на южной окраине, на левом берегу р. Онолвы, левый берег р. Косы. Площадь памятника 35 617 м² [Приказ Министерства ... от 20.07.2015].

Памятник открыт К.М. Русановой в 1975 г. Ею же в 1975–1976 гг. произведены раскопки. Найдены многочисленные кремневые изделия, неолитическая керамика [Памятники ... , 1996, с. 265]. В рамках мониторинга объектов археологического наследия городище было обследовано С.И. Абдуловой в 2014 г. [Абдулова, 2014, с. 68–70].

Состояние памятника на момент осмотра в 2018 г.

Памятник застроен жилыми и хозяйственными постройками, находится под огородами. Свободной остаётся только юго-восточная часть. Однако ранее на ней располагалось плотбище, которое в значительной мере могло повредить имевшиеся здесь культурные напластования.

При осмотре территории был обнаружен подъёмный материал.

1. Первичный отщеп с вентральной ретушью по левому краю из светло-бежевого кремния (рис. 1/1).
2. Фрагмент пластины с дорсальной ретушью из серо-коричневого халцедона (рис. 1/2).
3. Чешуйка из тёмно-коричневого кремния (рис. 1/3).
4. Фрагмент стенки сосуда с гребенчатым орнаментом. Цвет серо-коричневый, в тесте наблюдается примесь мелкотолчёной раковины и песка (рис. 2/1).
5. Фрагмент венчика. Цвет серо-коричневый, в тесте наблюдается примесь мелкотолчёной раковины и песка (рис. 2/2).
6. Фрагмент венчика. Цвет серо-коричневый, в тесте наблюдается примесь мелкотолчёной раковины и песка (рис. 2/3).

Таким образом, подъёмный материал представляет значительный временной промежуток: мезолит (каменные орудия), неолит (керамика) и не противоречит датировке и предыдущим исследованиям.

В ходе проведения археологической разведки было зафиксировано разрушение объектов археологического наследия в результате воздействия природных и антропогенных факторов. Вежайка, селище, Малая Коча, селище, Большая Коча, могильник, Усть-Онолва, поселение страдают от интенсивной антропогенной деятельности в связи с тем, что они располагаются на территории населённого пункта. Для их сохранности требуется интенсивный контроль органов по охране объектов культурного наследия. Местное население осведомлено о некоторых памятниках археологии, на их территории или рядом проводит разные ритуальные практики.

Библиографический список

1. *Абдулова С.И.* Отчёт о выполнении работ по государственному контракту № 72 от 10 июня 2014 г. «Проведение мониторинга состояния объектов археологического наследия Пермского края, расположенных на территории Коми-Пермяцкого округа» // Архив ГИООН ПК Ф. 3. Оп. 2. Д. 384.
2. *Абдулова С.И.* Отчёт о разведке в Кочёвском районе Коми-Пермяцкого автономного округа. Пермь, 1998 // Архив инспекции по охране памятников истории и культуры Пермского края. Ф. 2/1, о. 2, д. 6.
3. *Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1970. Вып. 9: Памятники Ломоватовской культуры. С. 30–56.
4. *Голева Т.Г.* Жертвенный обряд коми-пермяков в селе Большая Коча // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2020. № 3. С. 85–96.
5. *Голева Т.Г.* Предания коми-пермяков о древнем городище Курэгкарь // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2021. № 19. С. 149.
6. *Кривощёков И.Я.* Словарь географо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии с приложением карты бассейна реки Камы и иллюстрациями. Пермь: Электротипография «Труд», 1914. 839 с.
7. *Памятники истории и культуры Пермской области. Т. 1. Материалы к археологической карте Пермской области.* Пермь: Арабеск, 1996. 309 с.
8. *Приказ* Министерства культуры Пермского края от 09.07.2015 № СЭД-27-01-10-429 «Об установлении границ территории, предмета охраны и режима использования территории объекта археологического наследия – ансамбля “Большая Коча, могильник”» [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie.permkrai.ru/dokumenty/215264> (дата обращения: 23.02.2024).
9. *Приказ* Министерства культуры Пермского края от 20.07.2015 № СЭД-27-01-10-460 «Об установлении границ территории, предмета охраны и режима использования территории объекта археологического наследия – па-

мятника “Усть-Онолва I, поселение”» [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie.permkrai.ru/dokumenty/215237> (дата обращения: 23.02.2024).

10. *Приказ* Министерства культуры Пермского края от 20.07.2015 № СЭД-27-01-10-451 «Об установлении границ территории, предмета охраны и режима использования территории объекта археологического наследия – памятника “Вежайка, селище”» [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie.permkrai.ru/dokumenty/215245> (дата обращения: 23.02.2024).

11. *Приказ* Министерства культуры Пермского края от 23.07.2015 № СЭД-27-01-10-547 «Об установлении границ территории, предмета охраны и режима использования территории объекта археологического наследия – памятника “Вежайка, могильник”» [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie.permkrai.ru/dokumenty/215170> (дата обращения: 23.02.2024).

12. *Приказ* Министерства культуры Пермского края от 02.08.2016 № СЭД-27-01-10-333 «Об установлении границ территории, предмета охраны и режима использования территории объекта археологического наследия – ансамбля “Урьинский могильник”, VII–IX вв.» [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie.permkrai.ru/dokumenty/214731> (дата обращения: 23.02.2024).

13. *Приказ* Министерства культуры Пермского края от 16.08.2016 № СЭД-27-01-10-430 «Об установлении границы территории, предмета охраны и режима использования территории объекта археологического наследия – памятника “Борино, поселение-городище”» [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie.permkrai.ru/dokumenty/214668> (дата обращения: 23.02.2024).

14. *Приказ* Министерства культуры Пермского края от 17.08.2016 № СЭД-27-01-10-459 «Об установлении границ территории, предмета охраны и режима использования территории объекта археологического наследия – памятника “Малая Коча, селище”» [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie.permkrai.ru/dokumenty/214619> (дата обращения: 23.02.2024).

15. *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Кама // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья № 27. Вып. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 226 с.

Сведения об авторе

Половников Леонид Вячеславович, ассистент, ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; Пермь; e-mail: lv_polovnikoff@mail.ru

Polovnikov Leonid Vyacheslavovich, assistant, Perm national research polytechnic university, 614030, Perm E-mail: lv_polovnikoff@mail.ru

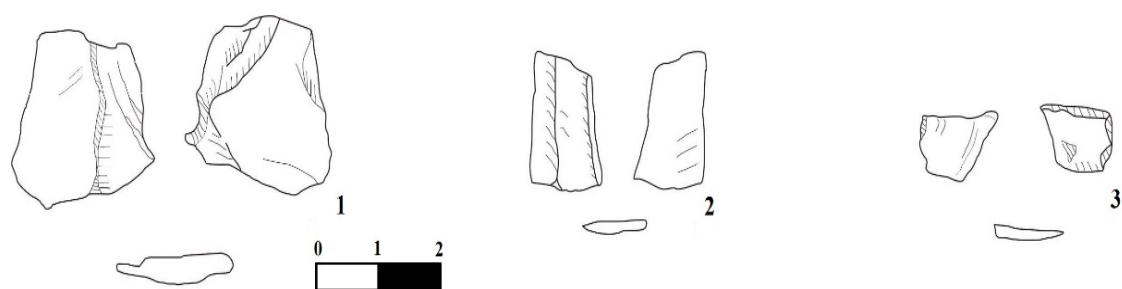

Рис. 1. Усть-Онолва I, поселение. Подъёмный материал: 1 – отщеп; 2 – пластина; 3 – чешуйка

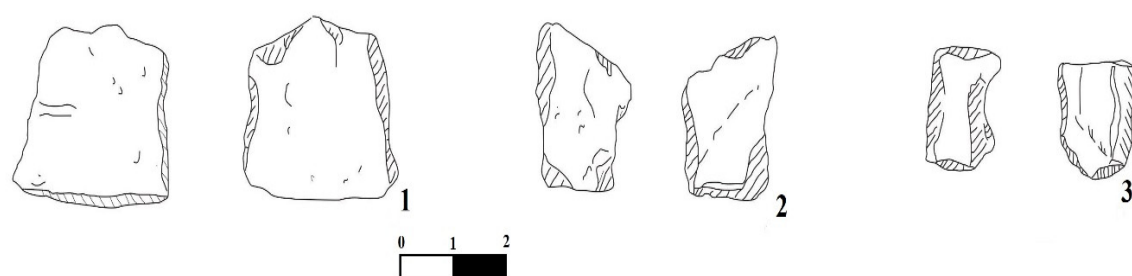

Рис. 2. Усть-Онолва I, поселение. Подъёмный материал: 1–3 – керамика

УДК 902.2 / 351.853

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-33-41

Е.В. Чуйкина¹**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ПЕРМСКОМ РАЙОНЕ
ПЕРМСКОГО КРАЯ В 2022 ГОДУ**

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация

Приводятся результаты разведок в бассейнах рек Качка и Мулянка в Пермском муниципальном районе Пермского края в 2022 г. Обследованы три городища, одно из которых выявлено в ходе разведки. Вызывает интерес редко встречающаяся на городищах Пермского Прикамья оборонительная система городища «Большакино I («Копенка»)» в виде эскарпов. Проведена проверка локаций памятников в бассейне р. Качка, указанных в сборнике Талицкой.

Ключевые слова: археологическая разведка, бассейн реки Качка, городища, эскарпы, проверка архивных сведений

E.V. Chuikina¹**ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN THE PERM DISTRICT
OF THE PERM REGION IN 2022**

¹Perm State University, Perm, Russian Federation

The results of exploration in the basin of the Kachka River and the Mulyanka River in the Perm municipal district of the Perm Region in 2022 are presented. Three settlements were surveyed, one of which was founded during the exploration. The defensive system of the Bolshakino I (Kopenka) settlement in the form of escarpments, which is rarely found in the settlements of the Perm Kama region, is of interest. The locations of monuments in the basin of the Kachka river, indicated in the Talitskaya collection, were checked.

Keywords: archaeological exploration, the Kachka River basin, settlements, escarpments, checking archived information.

В 2022 г. были проведены разведки на территории Пермского муниципального округа Пермского края на отдельных памятниках и в бассейне р. Качка. Целью работ было обследование выявленных объектов археологического наследия, проверка их современного состояния, определение границ их территорий, а также подготовка документации для Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края (ГИООКН) для организации дальнейшей процедуры включения в реестр.

Проведены работы на трёх городищах и проверены места двух локаций, указанных в сборнике И.А. Талицкой в бассейне р. Качка [Талицкая, 1952].

1. «Болдино I, городище»

Городище было выявлено в 1966 г. пермским краеведом Михаилом Васильевичем Шварёвым. Им была составлена схема места расположения памятника и выполнено описание городища. Все эти материалы М.В. Шварёв направил письмом в Камскую археологическую экспедицию Пермского государственного университета. Однако работы по обследованию городища археологами в тот период не были проведены, и информация о памятнике осталась в архиве. В 2020 г. при плановой обработке архива КАЭ было обнаружено указанное письмо. Сверка информации из письма со списком стоящих на государственном учёте памятников археологии показала, что данное городище до сих пор не известно пермским археологам. В археологической литературе также не было обнаружено сведений об этом памятнике.

В 2020 г. был проведён визуальный осмотр места, обозначенного в письме Шварёва, в результате которого городище было чётко локализовано: топографические привязки из письма 1966 г. на местности сохранились. Была проведена фотофиксация обнаруженного археологического объекта, сняты координаты характерных точек и подготовлено заявление в ГИООКН Пермского края о включении указанного объекта в список объектов культурного наследия. Приказом ГИООКН № Пр-55-01-06-93 от 24.03.2021 ОАН «Болдино I, городище» был включён в перечень выявленных объектов культурного наследия Пермского края [Официальный сайт ГИООКН].

Имя М.В. Шварёва известно в связи с открытием им Субботинского I и II городищ около Перми. Дополнительно были проведены изыскания, касающиеся личности этого краеведа [Чуйкина, Гайдаш, 2021].

Объект археологического наследия «Болдино I, городище» находится в 2,7 км к востоку-северо-востоку от центра д. Болдино, в 4 км к юго-юго-западу от КПП на въезде в военный пос. Сокол. Городище расположено на высоком (до 50 м над уровнем р. Подборная) мысовидном выступе правого коренного берега р. Подборная, притока р. Усолка. Находится в лесном массиве, площадка ровная, вытянутой подпрямоугольной формы. Территория городища и склоны мыса залесены, поросли кустарником, местами завалены буреломом.

С запада, юга и востока естественными границами городища являются крутые склоны оврагов, с севера городище защищено валами и рвами.

Оборонительная система городища состоит из двух валов и рвов. Внутренний вал дуговидной формы, длиной 80 м, высотой до 2 м. Внешний вал слабовыгнутой дуговидной формы, длиной 130 м, высотой 1–1,5 м. Рвы фиксируются с наружной стороны валов, глубиной до 0,5–0,7 м. Расстояние между валами составляет порядка 80–90 м. Через валы и вдоль внешнего вала фиксируются старые колеи от проезда техники (возможно, трелёвочные волоки).

В ходе работ 2022 г. на городище было заложено 3 шурфа – на мысу, на площадке между валами и с напольной стороны внешнего вала. Культурные слои представлены суглинками с галькой мощностью до 0,3 м, за пределами ва-

лов не встречены. В шурфах обнаружено несколько фрагментов лепной керамики, в том числе с венчиками плоской формы и орнаментом в виде насечки (рис. 1, 1).

Городище «Болдино I» входит в систему расселения мулянской племенной территории, поскольку поблизости от него расположено более 10 одновременных селищ, а в радиусе 10 км известно шесть городищ. Вид на долину р. Подборная и р. Нижняя Мулянка, в сторону с. Баш-Култаево, где расположены три из указанных городищ, как раз открывается с площадки обследованного городища.

2. «Верх-Качка I, городище»

Сведения о городище встречаются в литературе с начала XX в. Так, в статье П.С. Богословского 1924 г. приводятся следующие сведения: «Верх-Кочкинское городище. В приходской летописи, составл. прот. Г. Некрасовым, Нижне-Муллинской церкви, Перм. у. находится, м. пр. следующая запись: “В пределах прихода находятся земляные городки. Близ деревни Верх-Качки, в 10 верстах от села, на горе, при крутом скате на запад, находится городок, обнесенный земляным валом, с канавой с внешней стороны, – вал образует тупой угол, спускаясь по склонам к реке Качке. <...> Городки называются жителями «Чудскими», прежде находили ножи, топорики малого размера, черепья глиняной посуды, весьма грубого изделия. Следов построек никто из жителей не замечал и не слышал от прежних жителей”. Верх-Качкинское городище до сих пор не исследовано» [Богословский, 1924, с. 89–90].

Сведения Богословского в кратком виде были включены в каталог археологических объектов И.А. Талицкой [Талицкая, 1952, № 693].

Локализация городища проведена лишь в начале XXI в. разведками М.Л. Перескокова (2009) и М.К. Юковой (2015), но без проведения земляных работ [Перескоков, 2009; Юкова, 2015]. Однако до 2022 г. объект археологического наследия «Верх-Качка I, городище» на государственном учёте не состоял и в списки выявленных археологических объектов включён не был.

Объект археологического наследия «Верх-Качка I, городище» находится в 3 км к западу-северо-западу от дамбы пруда д. Болгары, в 3,3 км к юго-юго-востоку от дамбы пруда д. Шугуровка, в 0,7 км к северу от урочища «Верхняя Качка» (место расположения бывшей деревни Верх-Качка на современной карте). Городище расположено на мысовидном выступе правого коренного берега р. Малая Качка, правого притока р. Качка. Городище возвышается над уровнем реки на высоту до 20 м. Площадка вытянутой подпрямоугольной формы, с небольшим понижением в мысовой части. С юго-запада и юго-востока естественными границами городища являются крутые склоны горы, с северо-востока городище защищено валом и рвом.

Оборонительная система городища состоит из вала, рва и эскарпа. К настоящему времени вал значительно распахан, однако фиксируется на местности. Его длина составляет до 80 м, высота до 2 м в центральной части. Ров

фиксируется с наружной стороны вала достаточно слабо. Северо-западный склон мыса, на котором расположено городище, более пологий. Очевидно, в связи с этим по его краю был устроен эскарп.

Территория городища и окрестностей ранее распахивалась, в настоящее время не используется, поросла травой, кустарником и отдельно стоящими деревьями. Мысовая часть городища и его склоны в западной части залесены. По южному краю площадки городища с востока на запад проходит полевая дорога, ведущая на край мыса. Площадка на мысу городища используется жителями окрестных населенных пунктов как место отдыха, на площадке фиксируются кострища, запасы дров, бытовой мусор.

В ходе работ 2022 г. на городище было заложено 2 шурфа – в центральной части площадки и с напольной стороны вала.

Культурный слой выявлен лишь на площадке городища и представлен тёмно-коричневым суглинком мощностью до 0,2 м. В шурфе обнаружено несколько неорнаментированных фрагментов лепной керамики (рис. 1, 2), а также фрагмент трубчатой кости.

Городище «Верх-Качка» входило в систему расселения качкинской племенной территории, которая включает в себя 20 памятников (2 городища, 1 могильник, 17 селищ). Центральными памятниками территории считаются Мало-Слудское городище и Качкинский могильник [Перескоков, 2018, с. 108].

3. «Большакино I («Копенка»), городище»

Выявлено в ходе разведки.

Объект археологического наследия «Большакино I («Копенка»), городище» находится в 0,65–1,0 км к востоку-юго-востоку от центра д. Большакино (магазин), в 6,6 км к юго-западу от церкви в с. Нижние Муллы и в 1,2–1,5 км к северо-востоку от дамбы пруда в д. Шугуровка.

Городище находится на отдельно расположенном вытянутом узком холме, на правом берегу р. Ключевка, правого притока р. Качка. Холм возвышается над уровнем реки на высоту до 20 м. С юга, у его подошвы, имеется ключ с чистой, но очень жёсткой водой, так как гора сложена известняками, мергелями и гипсами (селенит).

Площадка городища вытянутой, слегка изогнутой ладьевидной формы. Восточный и северный склоны имеют значительную крутизну (до 45–50 °), а южный и западный склоны более пологие. Таким образом, естественными границами городища являются крутые склоны горы, а также пусть и более пологий, но тем не менее обрывистый южный склон.

На юго-западном, западном и северо-западном склонах зафиксированы две линии оборонительных сооружений, выполненных в виде эскарпов. Внешний эскарп начинается над ключом на небольшой высоте от подножья горы, проходит поперёк горы в направлении на север-северо-запад, затем поворачивает на северо-восток, доходя до начала крутого северного склона. Его общая длина составляет

100–110 м, высота подрезки склона 0,7–2 м. Внутренний эскарп более короткий, его длина составляет до 30 м, он находится ближе к вершине горы и расположен поперёк склона горы в направлении на север. Высота его до 2 м, в настоящее время этот эскарп несколько оплыл, нижний край его подрезки фиксируется не четко.

В 2022 г. на городище было заложено 4 шурфа – на вершине, на площадке над внутренним эскарпом, между эскарпами и в начале восточного склона. Выявлены суглинистые культурные слои мощностью 0,2–0,4 м. Более 100 фрагментов лепной керамики с примесью толчёной раковины найдено в шурфе на площадке над внутренним эскарпом, в остальных шурфах находки единичны. Встречались плоские венчики, в том числе с линиями зубчатого штампа или насечками (всего 11 фрагментов). Орнамент на стенках бедный, выявлен один рисунок – одинарная линия треугольных вдавлений (на 4 фрагментах) (рис. 1, 3). Также обнаружены фрагменты костей животных и фрагменты створок раковин речной перловицы.

Городища с оборонительной системой в виде эскарпов в качестве как основного, так и вспомогательного элемента обороны, встречаются в Прикамье и на соседних территориях. Однако изучению объектов с эскарпами и определению их хронологической принадлежности археологами до сих пор практически не уделялось внимания. На территории Пермского края эскарпы встречаются, например, на «Ирьяк I (Абина гора), городище», «Гиблая I, городище» в Осинском округе и в других местах. Башкирские археологи в последние годы активно изучают городища с эскарпами, считая их специфической особенностью бахмутинской культуры [Колонских, 2017, с. 62–67].

Данная гора издавна известна местным жителям под названием «Копёнка», так как ещё до 1980-х гг. была совершенно «лысой» (без деревьев) и своим видом напоминала копну сена. По некоторым сведениям, гора считалась «местом силы», а молодёжь из окрестных деревень устраивала здесь гуляния и «плясала топотуху».

По совокупности признаков все три обследованных городища относятся к периоду железного века – рубежа тысячелетий – первой половине I тыс. н. э.

Дальнейшее изучение городищ перспективно, так как пока их территории свободны от застройки. Однако, учитывая тенденцию к постоянному расширению дачных посёлков, необходимо максимально быстро реализовать процедуру включения выявленных памятников в Единый государственный реестр объектов культурного наследия и фиксации их границ в Едином государственном реестре недвижимости, а также вести периодический мониторинг их состояния.

По итогам полевых работ были подготовлены заявления в ГИООН Пермского края о включении обследованных объектов в список выявленных объектов культурного наследия. В 2023 г. инспекцией организовано проведение государственной историко-культурной экспертизы по включению указанных объектов в реестр.

4. Разведка в бассейне р. Качка – проверка локаций, указанных в сборнике И.А. Талицкой [Талицкая, 1952, № 691–693, 701].

Бассейн р. Качка был выбран для разведки как наименее исследованный в Пермском округе. Поблизости от бассейна р. Качки расположен бассейн р. Мулянка, схожий в ландшафтном, географическом и гидрографическом отношении. Однако количество известных археологических объектов в бассейне Мулянки значительно выше, чем в бассейне Качки. Единственная археологическая разведка в бассейне реки Качка была проведена в 1992 г. А.Е. Цеменковым, в ходе которой было выявлено 11 новых селищ [Цеменков, 1992].

4.1. «Качкинский могильник» – единственный из группы качкинских объектов, упоминаемых И.А. Талицкой, который в настоящее время находится на государственном учёте, поэтому нами не осматривался. Могильник раскапывался де Баем в 1895 г., А.В. Шмидтом в 1924 г. и В.Ф. Генингом в 1959 г. [Генинг, 1959, с. 196–209]. После этого могильник обследовался лишь в ходе разведок без проведения земляных работ.

4.2. «Дёминский могильник» локализовать не удалось.

В описании объекта у Талицкой указано, что «Дёмина, деревня Горшковского с/с. ... Близ деревни расположен могильник VIII–IX вв., находки из которого поступили в Гос. исторический музей», и даётся ссылка на статью И.Г. Остроумова 1926 г. Исходное описание места и находок у Остроумова ещё короче: «20. Дёмина – сел. Н.-Мулл. в. Мог. 8–9 в. (И.М.)» [Остроумов, 1926, с. 10], что означает, что с привязкой на селение Дёмина Нижне-Муллинской волости известен могильник 8–9 вв. н. э., а сокращение «И.М.» означает Исторический музей в Москве. В аннотации к статье указано, что список находок и памятников составлен на основании «печатных, рукописных и лично собранных сведений». К сожалению, источники собранных сведений не указаны.

Деревня Дёмино в окрестностях села Горшки – единственная, её местоположение не изменилось до сих пор, она расположена на правом берегу р. Могильная, правого притока р. Качка. Очевидно, что гидроним «Могильная» был каким-то образом связан со сведениями о наличии здесь могильника.

В настоящее время территория д. Дёмино значительно расширилась за счёт дач. По правому берегу р. Могильная территория застроена полностью от автомобильной дороги Пермь – Усть-Качка до подножья горы, дачные участки подходят вплотную к дороге и краю берега р. Могильная и распространены до места впадения её в р. Качка. Площадки террасы берега р. Могильная, на которых был бы перспективен поиск археологических объектов вокруг д. Дёмино, застроены дачами, огорожены заборами, доступ к ним отсутствует.

4.3. Место расположения «Митрохинских находок» («костища») локализовано, но наличие археологического объекта не подтверждено.

В сборнике Талицкой указано: «Митрохина, деревня Заболотского с/с. ... На пашне близ деревни найдены кости животных и несколько обломков керамики», и даётся ссылка на личный архив М.В. Талицкого 1935–1940 гг.

Однако первое упоминание об этом археологическом объекте в литературе мы находим в статье Н.А. Прокошева «Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье»: «...Не единственным является и Гляденовское костище, хотя, может быть, и самым богатым. В 15 км к западу от него, близ д. Митрохино Заболотского с/с имеется насыщенный культурный слой, возможно, указывающий на костище. Памятник этот науке пока не известен» [Прокошев, 1948, с. 183–202]. Откуда были взяты Прокошевым эти сведения, не известно.

Пермский археолог А.Н. Лепихин, исследовавший костища в Прикамье, в своей монографии упоминает Митрохинское костище и даёт ссылку на публикацию о нём в газете «Звезда» от 2 сентября 1938 г. Анализируя эти сведения, он подчёркивает, что «далеко не все характеризуемые авторами как костища памятники являются таковыми на самом деле. <...> Митрохинское костище названо так только в заметке в Пермской областной газете. Осмотревший его М.В. Талицкий нашёл на пашне лишь несколько костей и обломков керамики. Сплошного слоя костей там, по-видимому, не было» [Лепихин, 2007, с. 25–26].

К настоящему времени деревни Митрохино не существует, но место её расположения хорошо фиксируется по растительности и остаткам сооружений. Урочище Митрохино представляет собой обширную территорию на правом берегу р. Полуденная, правого притока р. Серяк, левого притока р. Качка, расположенную в 6,5 км к юго-западу от с. Горшки. Это длинный пологий склон от вершины горы (с отметкой 203 м) к берегу р. Полуденная в направлении на запад-северо-запад. Остатки деревни фиксируются в юго-западной части урочища. Данная территория используется как покос и охотничьи угодья. По всей территории урочища фиксируются следы от зондажа почвы с помощью металлодетектора (в среднем 0,3 × 0,3 м). При детальном осмотре выбросов грунта из этих ям каких-либо археологических предметов не обнаружено.

В шурфе, заложенном на небольшой ровной мысовидной площадке террасы между оврагом и ложбиной, признаков культурного слоя не выявлено.

Несмотря на то что разведкой не были подтверждены локации археологических объектов, указанных Талицкой, продолжение разведочных работ в бассейне р. Качка вполне перспективно.

Библиографический список

1. Богословский П.С. Археологические заметки // Пермский краеведческий сборник. Издание кружка по изучению Северного края при Пермском университете. Вып. I. Пермь: Тип. Райпотребсоюза, 1924. С. 89–90.

2. *Генинг В.Ф.* Могильник Качка // Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. М., 1959. С. 196–209.
3. *Колонских А.Г.* Укреплённые поселения Уфимско-Бельского междуречья // Вестник Вятского университета. 2017. № 12. С. 62–67.
4. *Лепихин А.Н.* Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Пермь, 2007. 224 с.
5. *Остроумов И.Г.* Список географических пунктов, в которых найдены доисторические памятники и предметы // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926. С. 5–11.
6. *Официальный сайт* Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края. Раздел «Объекты культурного наследия» [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie.permkrai.ru/obekty-kulturnogo-naslediya-permskogo-kraya/obekty-kulturnogo-naslediya-permskogo-kraya>
7. *Перескоков М.Л.* Отчёт об археологической разведке в Пермском и Добрянском районах Пермского края в 2009 году // Архив КАЭ ПГНИУ.
8. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь, 2018. 320 с.
9. *Прокошев Н.А.* Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье // Советская археология. Вып. 10. М.; Л., 1948. С. 183–202.
10. *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким) // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 27. М., 1952. 227 с.
11. *Цеменков А.Е.* Отчёт об археологической разведке в бассейне р. Качки в Пермском районе Пермской области в августе 1992 года // Архив ИА РАН. Ф. I. Оп. I. Д. 17340.
12. *Чуйкина Е.В., Гайдаш О.Г.* «Шварёво» городище [Электронный ресурс] // Открытый текст: электрон. период. изд. URL: <http://opentextnn.ru/history/archeology/shvarjovo-gorodishhe> (дата обращения: 16.04.2021).
13. *Юкова М.К.* Отчёт о проведении археологических полевых работ на территории Пермского района Пермского края в 2015 году // Архив КАЭ ПГНИУ.

Сведения об авторе

Чуйкина Екатерина Владимировна, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Научно-исследовательский центр «Камская археологическая экспедиция», ведущий инженер; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: katarina-ch@yandex.ru

Chuikina Ekaterina Vladimirovna, Perm State University, Research Center "Kama Archaeological Expedition", Leading Engineer, Russia; Perm, st. Bukireva, 15; e-mail: katarina-ch@yandex.ru

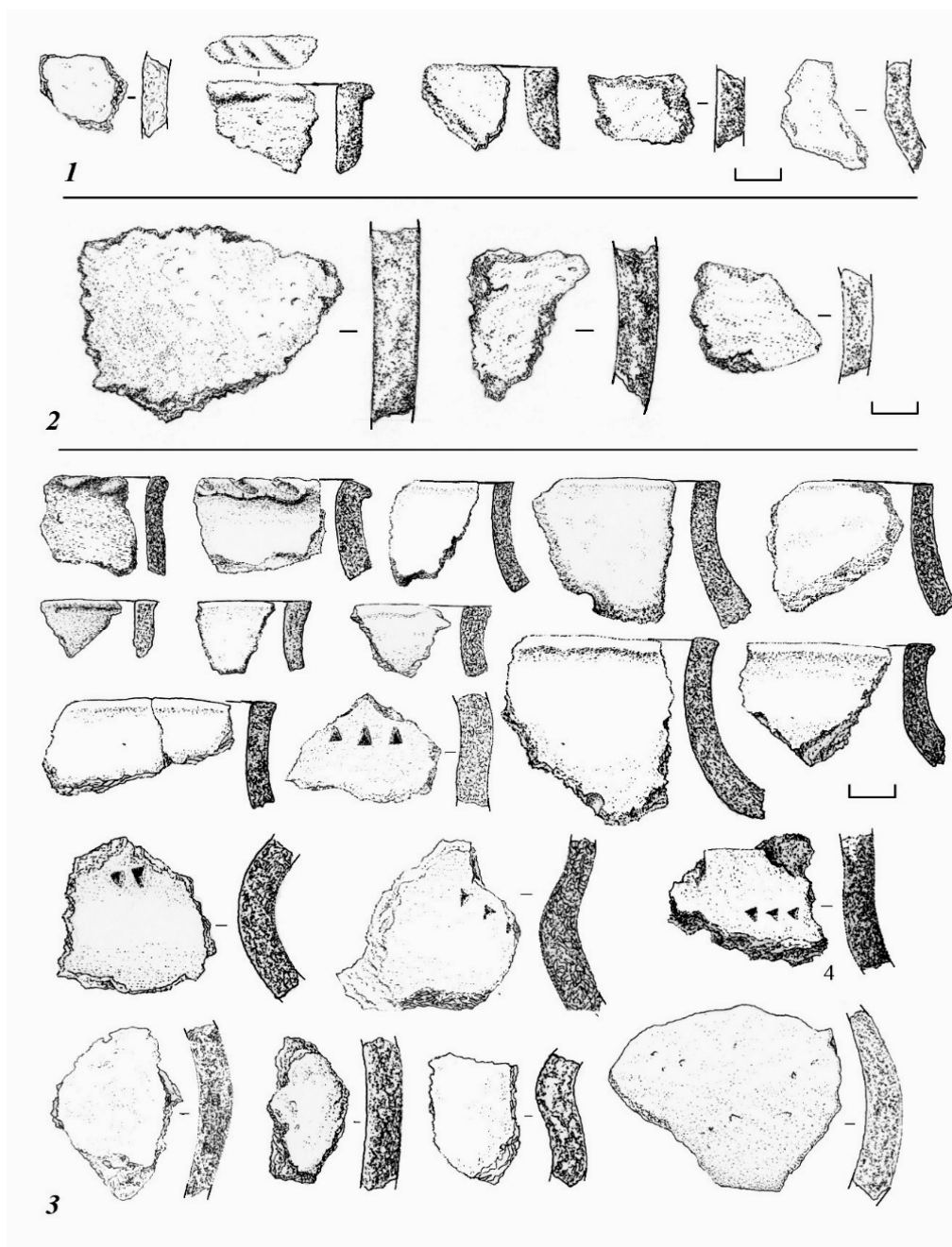

Рис. 1. Керамика из разведочных шурфов: 1 – «Болдино I, городище»;
2 – «Верх-Качка I, городище»; 3 – «Большакино I («Копёнка»), городище»

УДК 902.2

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-42-47

Д.А. Демаков¹**ПЕРВЫЕ ИТОГИ РАЗВЕДКИ ПО ЛЕВОМУ БЕРЕГУ р. КОСА
В ОКРЕСТНОСТЯХ п. УСТЬ-ОНОЛВА, ПЕРМСКИЙ КРАЙ***

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

Представлены первые результаты археологической разведки, проведённой отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции по левому берегу р. Коса в окрестностях п. Усть-Онолва в Кочёвском муниципальном округе Пермского края.

В результате археологических полевых работ проведена шурфовка на поселении Усть-Онолва I, собран подъёмный материал. Нами получена коллекция предметов, которая позволила расширить хронологическую и культурную принадлежность памятника, удалось отобрать естественно-научные образцы для реконструкции природной среды в период бытования памятника. Доказана перспективность исследования памятника посредством археологических раскопок. По итогам архивных исследований и земляных археологических работ удалось выявить и поставить на государственную охрану новый археологический памятник каменного века – стоянку Усть-Онолва II.

Ключевые слова: археологическая разведка, р. Коса, выявленный памятник, шурф, каменный век, уточнение учётных данных.

D.A. Demakov¹**THE FIRST RESULTS OF EXPLORATION ALONG THE LEFT BANK
OF THE KOSA RIVER IN THE VICINITY OF UST-ONOLVA,
PERM TERRITORY**

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

The article presents the first results of an archaeological survey conducted by a detachment of the Kama archaeological and ethnographic expedition along the left bank of the Kosa River in the vicinity of the village of Ust-Onolva in the Kochevsky Municipal District of the Perm Region.

As a result of archaeological field work, a excavation was carried out at the settlement of Ust-Onolva I, lifting material was collected. We have obtained a collection of objects that allowed us to expand the chronological and cultural affiliation of the settlement, we managed to select natural science samples for the reconstruction of the natural environment during the period of settlement 's existence. The prospects for the study of the settlement by archaeological excavations have been proved.

Based on the results of archival research and excavation archaeological work, it was possible to identify and put under state protection a new archaeological site of the Stone Age – the Ust-Onolva II, site.

Keywords: archaeological exploration, Kosa River, identified site, pit, Stone Age, clarification of accounting data.

© Демаков Д.А., 2024

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-68-10023 (<https://rscf.ru/project/23-68-10023>).

Первые археологические разведки в окрестностях п. Усть-Онолва были проведены в 1975 г. К.М. Русановой. В ходе разведки она открыла поселение Усть-Онолва I. В этом же году ею проведены раскопки на площади 66 м². Обнаружены фрагменты керамики и каменные изделия: скребки, скобели, ножи, ножевидные пластины, проколки, наконечники стрел, дротиков, нуклеусы, отщепы. Официальная датировка памятника: неолит, VI–IV тыс. до н. э., ананьинская культура, VIII–VI вв. до н. э.; ломоватовская культура, VI–VII вв. н. э.

Однако отчёт К.М. Русановой за 1975 г. отсутствует как в кабинете археологии ПГНИУ, так и в архиве Института археологии РАН. Место хранения черновиков отчёта и материалов раскопок на данный момент неизвестно. По результатам работ К.М. Русановой существует ряд разрозненных публикаций, из которых складывается противоречивая картина датировки и культурной принадлежности поселения Усть-Онолва I [Русанова, 1976; Мельничук, Старков, Чурилов, 2016].

Материалы последнего мониторинга состояния объектов археологического наследия Кочёвского муниципального округа (2014 г.) [Абдулова, 2014], а также разведки Л.В. Половникова (2018 г.) [Половников, 2018] показывают, что территория поселения Усть-Онолва I разрушается, на поверхности встречается подъёмный материал, представленный в основном каменным инвентарём.

С целью уточнения датировки памятника и его культурной принадлежности нами принято решение в 2023 г. провести разведку в окрестностях п. Усть-Онолва. В ходе подготовки к разведке мы проанализировали материалы, хранящиеся в архивах Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края, Краевого центра охраны памятников, Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии НИИ Археологии и антропологии ПГГПУ. В результате был обнаружен топографический план, составленный в 1975 г. К.М. Русановой на археологический памятник Усть-Онолва II, стоянка, который не находился на государственной охране.

В октябре 2023 г. отрядом КАЭЭ ПГГПУ под руководством Д.А. Демакова проведена археологическая разведка по левому берегу р. Коса в окрестностях п. Усть-Онолва.

Первым обследовался памятник Усть-Онолва I, поселение. Он расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Косы. Площадка памятника ровная, круто обрывается в пойму. Высота площадки над урезом воды 10–12 м. Большая часть памятника огорожена, занята огородами и покосами. Свободной остается только юго-восточная часть. Однако ранее на ней располагалось плотбище, которое в значительной мере могло повредить имевшиеся здесь культурные напластования. Склон террасы подвержен ветровой эрозии, осыпается. Территорию памятника пересекают грунтовые дороги и тропы.

В ходе осмотра памятника на осыпающемся склоне и тропе, идущей вдоль склона террасы, был собран подъёмный материал, представленный: наконечником и обломком наконечника, фрагментом шлифовальной плиты, отбойником,

тремя отщепами, сколом и дистальным фрагментом пластины (рис. 1). На основе характеристики наконечников стрел полученный материал может быть отнесён к гаринской энеолитической культуре [Лычагина, 2022б, с. 87].

В центральной части памятника, на огороженном покое, удалось обнаружить остатки раскопа К.М. Русановой. Здесь же, на склоне, встречались скопления подъёмного материала. В итоге нами было принято решение разбить на данном участке шурф площадью 1 м² с целью уточнения стратиграфии памятника, его хронологической и культурной принадлежности.

В связи с тем, что в XX в. на месте памятника функционировало плотбище, а сейчас существует активно эксплуатируемая грунтовая тропа, в ходе разбора шурфа мы столкнулись с тем, что почвенные слои здесь крайне уплотнены. Стратиграфия, прослеженная в шурфе: 1) дёрн – 0,02–0,03 м; 2) тёмно-серый суглинок с вкраплениями кирпичной крошки (слой, связанный с деятельностью плотбища) – 0,11–0,3 м; 3) бежевый суглинок (культурный слой) – 0,15–0,38 м (в заглублениях); 4) красная глина – материк.

В шурфе обнаружено 19 находок. Они представлены коваными гвоздями, отбойником, нуклеусом, отщепами, сколами, пластинами и чешуйками из кремневых и некремневых пород (рис. 2, 3). Полученный материал можно связать с функционированием памятника в период существования здесь плотбища, а также в мезолитическое время.

Коллекция каменного инвентаря близка к микролитическим материалам, полученным в ходе раскопок К.М. Русановой и отнесенным А.Ф. Мельничуком с соавторами к мезолиту [Мельничук, Старков, Чурилов, 2016, с. 229]. Можно предположить, что здесь существовала стоянка древнего человека, относящаяся к развитому этапу камской мезолитической культуры (VII тыс. до н. э.) [Лычагина, 2022а, с. 37].

Керамического материала в шурфе не обнаружено. По окончании работ из южной стенки шурфа отобрана палинологическая колонка с целью реконструкции природных условий в период бытования памятника. Органогенных материалов для радиоуглеродного датирования не обнаружено.

Далее нами был обследован земельный участок, на котором, согласно топографическому плану К.М. Русановой, находится памятник Усть-Онолва II, стоянка. Ярким маркером в его поиске являлось кладбище п. Усть-Онолва.

В центральной части предполагаемого памятника мы заложили шурф № 1 площадью 1 м². На глубине 0,14 м от дневной поверхности начали встречаться первые находки. Обобщённая стратиграфия памятника: 1) дёрн – до 0,1 м; 2) светло-серая плотная супесь (культурный слой) – до 0,2 м; 3) оранжево-бежевый плотный песок – материк. Всего в шурфе обнаружено 4 находки из кремня, представленные двумя отщепами, сколом с нуклеуса и чешуйкой (рис. 4).

Для уточнения восточной границы памятника в 40 м к востоку от шурфа № 1 заложен шурф № 2. Стратиграфическая ситуация в шурфе схожа с шурфом № 1, однако никаких артефактов в нём обнаружено не было.

Стоянка Усть-Онолва II располагается на надпойменной террасе левого берега р. Коса и возвышается над её уровнем на 10 м. Территория памятника представляет собой задернованную площадку, понижающуюся в западную, южную и восточную стороны, поросшую многолетними травами. В 70-х XX в. на площадке памятника располагалось плотбище, на котором происходило формирование плотов из брёвен для спуска на воду. Сейчас на территории памятника фиксируются участки, потревоженные антропогенной деятельностью, связанной с находящимся рядом кладбищем (замена забора кладбища, утилизация бытовых и ритуальных отходов).

Границы памятника определялись на основании геоморфологической ситуации и почвенных отложений, зафиксированных при земляных работах, по распространению подъёмного материала, а также на основании топографического плана первооткрывателя.

Стоянка имеет подпрямоугольную форму, с запада ограничена небольшим логом, по которому происходит сток талых вод в р. Коса, с севера – действующим кладбищем, с востока – лесом, с юга – понижением надпойменной террасы, которая переходит тут в пойму.

Состояние выявленного памятника неудовлетворительное. Культурные напластования повреждены антропогенной деятельностью (плотбище и кладбище). Полученный каменный инвентарь не несёт в себе надёжных культурных и хронологических маркеров, в связи с этим памятник имеет широкую датировку бытования: каменный век (X–III тыс. до н. э.).

Перейдём к выводам. В результате разведки удалось расширить хронологическую и культурную характеристику поселения Усть-Онолва I. Шурфовка доказала перспективность его исследования посредством археологических раскопок. Земляными работами удалось подтвердить существование памятника Усть-Онолва II, стоянка, выявленного ещё в 1975 г., но не находящегося на государственной охране. По окончании разведки информация о вновь выявленном объекте археологического наследия направлена в Государственную инспекцию по охране объектов культурного наследия Пермского края, на основании чего он был включён в перечень выявленных объектов культурного наследия Пермского края.

Библиографический список

1. *Абдулова С.И.* Отчёт о выполнении работ по государственному контракту № 72 от 10 июня 2014 г. «Проведение мониторинга состояния объектов археологического наследия Пермского края, расположенных на территории Коми-Пермяцкого округа» // Архив ГИООН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 384.
2. *Лычагина Е.Л.* Мезолит Среднего Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья: учеб. пособие. Пермь: ПГГПУ, 2022а. С. 33–50.
3. *Лычагина Е.Л.* Энеолит Среднего Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья: учеб. пособие. Пермь: ПГГПУ, 2022б. С. 75–96.

4. Мельничук А.Ф., Старков А.П., Чурилов Э.В. Поселение Усть-Онолва – памятник эпохи мезолита с микролитическим инвентарём в бассейне р. Косы // Музей в современном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. Кудымкар, 2016. С. 228–231.

5. Половников Л.В. Отчёт об археологической разведке в Кочёвском районе Пермского края в бассейне реки Онолвы 2018 году // Архив ЛАТАЭА ПГГПУ.

6. Русанова К.М. Работы в Коми-Пермяцком округе // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 202.

Сведения об авторе

Демаков Денис Александрович, научный сотрудник НИИ археологии и антропологии, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (г. Пермь, Российская Федерация); 614070, Пермь, ул. Студенческая, д. 25, кв. 22; e-mail: demakov-denis@mail.ru

Demakov Denis Alexandrovich, researcher at the Research Institute of Archaeology and Anthropology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). Student St, 25–22 Perm, RUSSIA. Zip/Postal: 614070. Email: demakov-denis@mail.ru

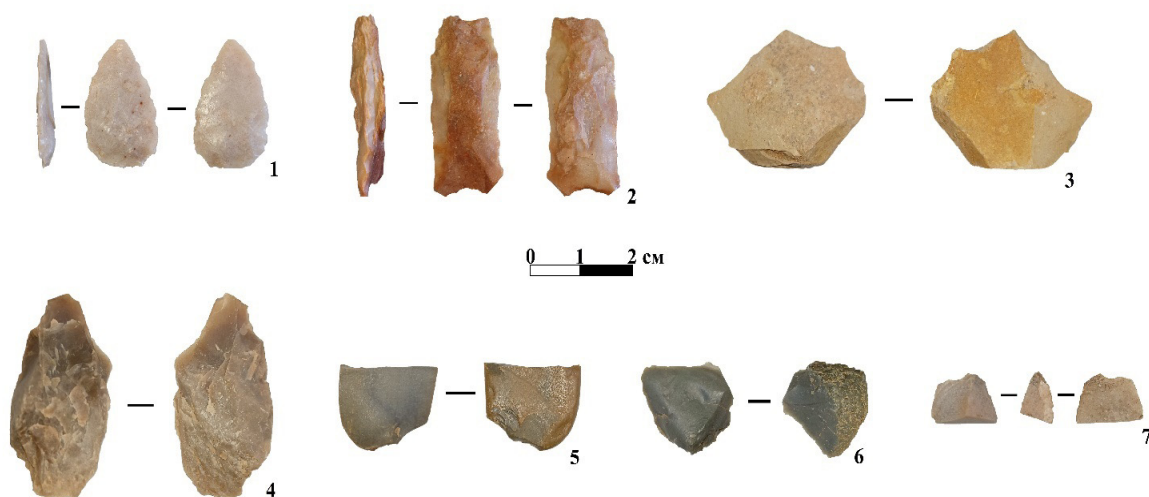

Рис. 1. Усть-Онолва I, поселение. Подъёмный материал:
1 – наконечник; 2 – наконечник; 3 – отщеп; 4 – скол; 5 – отщеп;
6 – отщеп; 7 – фрагмент пластины

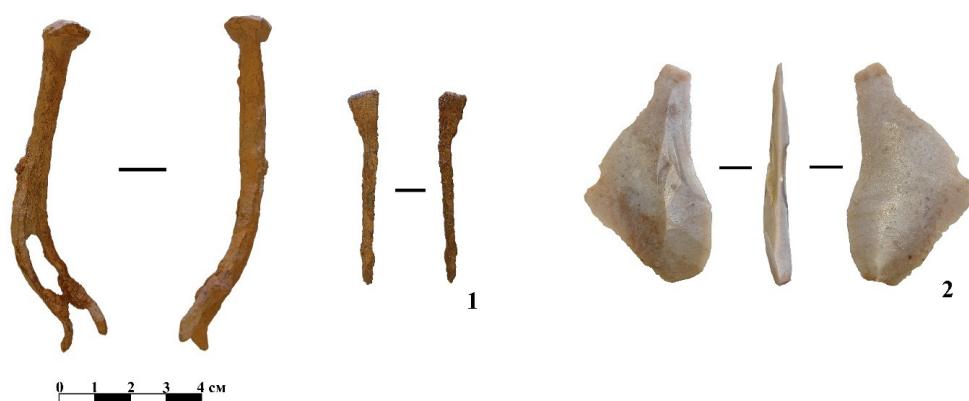

Рис. 2. Усть-Онолва I, поселение. Находки из шурфа:
1 – кованые гвозди; 2 – пластинчатый отщеп

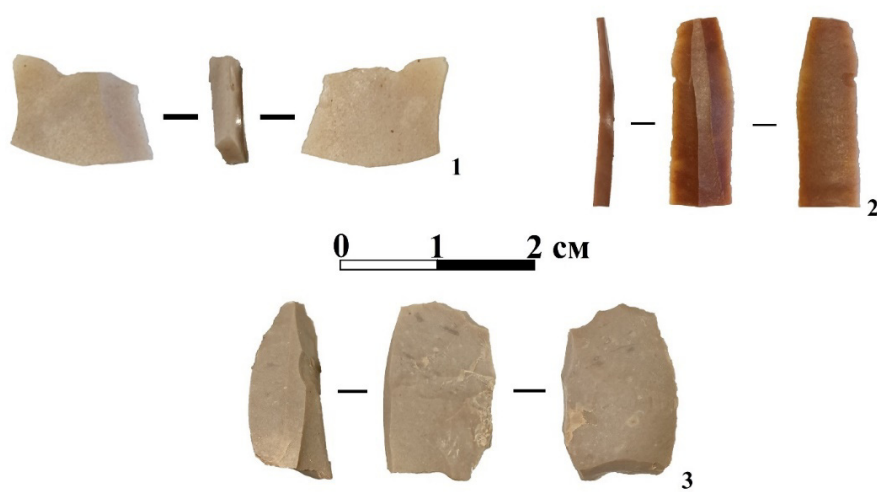

Рис. 3. Усть-Онолва I, поселение. Находки из шурфа:
1 – сечение пластины; 2 – пластина; 3 – нуклеус

Рис. 4. Усть-Онолва II, стоянка. Находки из шурфа:
1 – скол с нуклеуса; 2 – скол; 3 – скол

УДК 902.2 (571.55)

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-48-55

Д.Е. Власенко¹, О.Ю. Ячменёв¹**ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКА УСТЬ-МЕНЗА-14 В 2023 г.
(ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)**¹Забайкальский государственный университет,
Чита, Российская Федерация

Стоянка Усть-Менза-14 (Лагерная) была открыта в 2007 г. Объект связан со II правобережной надпойменной террасой р. Менза и входит в Усть-Мензинский археологический комплекс памятников (Западное Забайкалье). Общая площадь вскрытой верхней части отложений составила 183 м². В результате многолетних работ была выявлена многослойность памятника, датируемого промежутком от верхнего палеолита до бронзового века. В 2023 г. с целью выяснения границ объекта в 24 метрах от северо-восточной бровки раскопа был поставлен шурф площадью 4 м². В шурфе был обнаружен культурный слой эпохи ранней бронзы, залегающий в слое плотной каштановой супеси. Общее количество находок – 118 экз. Все находки, согласно стратиграфии и морфологии, предварительно датируются ранней бронзой, примерно 2 тыс. до н. э. В ходе камеральной обработки материала был применён метод ремонтажа, в результате чего получена важная информация по хозяйственной деятельности и процессу расщепления камня на открытом пункте. Также выявленный объект предположительно относится к Хэнтэйской культуре. Найденный материал расширит информативную базу по таежным районам юго-западного Забайкалья в эпоху бронзы.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, стоянка Усть-Менза-14, ранний бронзовый век, метод ремонтажа, Хэнтэйская культура.

D.E. Vlasenko¹, O.Yu. Yachmenev¹**STUDY OF THE UST-MENZA-14 SITE IN 2023
(WESTERN TRANSBAIKALIA)**¹Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

The Ust-Menza-14 (Lagernaya) site was opened in 2007. The site is connected to the second right-bank floodplain terrace of the river. Menza and is included in the Ust-Menzinsky archaeological complex of sites (Western Transbaikalia). The total area of the exposed upper part of the sediments was 183 square meters. As a result of many years of work, the multi-layered nature of the site was revealed, dating from the Upper Paleolithic to the Bronze Age. In 2023, in order to clarify the boundaries of the object, a pit with an area of 4 square meters was placed 24 meters from the north-eastern edge of the excavation. In the pit, a cultural layer of the Early Bronze Age was discovered, lying in a layer of dense chestnut sandy loam. The total number of finds is 118 specimens. All finds, according to stratigraphy and morphology, are tentatively dated to the Early Bronze Age, approximately 2 thousand BC. During the desk processing of the material, the repair method was used, as a result of which important information was obtained on economic activities and the process of splitting stone at an open

site. Also, presumably, the identified object belongs to the Khentei culture. The found material will expand the information base on the taiga regions of southwestern Transbaikalia in the Bronze Age.

Keywords: *Western Transbaikalia, Ust-Menza-14 site, Early Bronze Age, refitting method, Khentei culture.*

Усть-Мензинский археологический комплекс памятников расположен в Красночикойском районе Забайкальского края, в урочище при впадении р. Менза в р. Чикой (Западное Забайкалье) (рис. 1). С 1980 г. отрядом Чикойской археологической экспедиции под руководством М.В. Константинова на данной территории выявлено 18 памятников археологии [Усть-Менза, 2011, с. 302; Разгильдеева, 2017, с. 87].

Стоянка Усть-Менза-14 (Лагерная) была открыта в 2007 г. Объект связан со II правобережной надпойменной террасой р. Менза (см. рис. 1). Общая площадь вскрытой верхней части отложений составила 183 м² [Разгильдеева, Мороз, 2017, с. 21]. В результате многолетних работ археологами выявлена многослойность памятника, датируемого промежутком от верхнего палеолита до бронзового века [Разгильдеева, 2017, с. 85–87].

В 2023 г. с целью выяснения границ объекта в 24 метрах от северо-восточной бровки раскопа был поставлен шурф площадью 4 м² (рис. 2). Шурф вписан в общую квадратную сетку. Для обозначения использовались цифровые литеры 49, 50; буквенные литеры Т', У'. Наиболее полный профиль получен по линии Т', кв. 49, 50. Общая мощность неполного разреза составила 3 м.

В шурфе был обнаружен культурный слой эпохи ранней бронзы, залегающий в слое плотной каштановой супеси. Общее количество находок – 118 экз. Все находки, согласно стратиграфии и морфологии, предварительно датируются ранней бронзой, примерно 2 тыс. до н. э. Важно отметить, что из-за крестьянской распашки часть археологического материала оказалась переотложенной, на что указывают следы от плуга на стенках шурфа и близкое расположение части артефактов к пашенному слою.

Инвентарь включает: отщепы – 24 экз. (20,3 % от общей коллекции); обломки – 22 экз. (18,6 %); чешуйки – 16 экз. (13,6 %); осколки – 11 экз. (9,3 %); пластинки и их фрагменты – 11 экз. (9,3 %); технические сколы оживления плоскости расщепления – 9 экз. (7,6 %); микропластинки и их фрагменты – 7 экз. (5,9 %); фрагменты пластины – 2 экз. (1,7 %); опробованная отдельность сырья – 1 экз. (0,8 %); фрагмент тонкостенной керамики со штампованным орнаментом из пяти линий – 1 экз. (0,8 %) (рис. 3, б); образец охры – 1 экз. (0,8 %); орудия – 7 экз. (5,9 %): 1, 2) 2 галечных отбойника (рис. 3, 1); 3) галечный ретушер; 4) проксимальный фрагмент пластины с крутой ступенчатой ретушью со стороны дорсала по левому краю, возможно, скребло (рис. 3, 4); 5) двойной скребок на удлинённом отщепе, ретушь на обоих краях со стороны дорсала, на левом крае ступенчатая, крутая; на правом крае крутая (рис. 3, 2); 6) двусторонне обработанный полукру-

той ретушью вкладыш на пластинке (рис. 3, 5); 7) скребок на отщепе с крутой ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра поверхности (рис. 3, 3). Также в коллекцию входят проксимальный фрагмент пластины, пластинка и технический скол, которые имеют прерывистую мелкофасеточную ретушь, вероятно, случайную.

В ходе камеральной обработки материала использовался метод ремонта. Был собран скребок на отщепе с крутой краевой ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра поверхности с двумя ретушированными выемками для крепления (рис. 4). Размер орудия 4,3 x 2,6 x 0,9 см. Скребок состоит из 6 фрагментов, 3 из которых изначально считались за отдельные орудия. Можно предположить, что основная трещина, повлекшая за собой слом скребка на несколько мелких частей, возникла после непосредственного утилитарного использования орудия, на что указывает прохождение слома через одну из выемок. Определённую роль сыграл и материал скребка – кристаллическая и слоистая яшма, характерное сырьё для обработки, отличающееся хрупкостью. Наличие на памятнике скребковых изделий свидетельствует об определённой хозяйственной деятельности, происходившей на пункте, заключающейся предположительно в обработке шкур, дерева или рога. Однако только дальнейший трасологический анализ покажет, для обработки чего применялись данные изделия. О хозяйственной деятельности свидетельствуют и пять массивных камней, обнаруженных в слое с находками. Примечательно, что подавляющее большинство артефактов находится в их зоне. Возможно, это остатки какой-то конструкции, например, обкладки жилища или очага.

Помимо скребка, с помощью метода ремонта было определено, что 11 обломков из песчаника апплицируются друг с другом в единую не полную крупную галечную форму (рис. 5). Её размер 15,8 x 6,7 x 3,4 см. На гальке присутствуют следы апробации в виде мелких отщеповых снятий, выполненных с естественной поверхности. Вероятно, после апробации галька подверглась тепловой обработке, в результате чего распалась на множество разноразмерных фрагментов, получив при этом следы прокала. Именно на такую последовательность действий указывают отщеповые снятия, негативы которых сохранились на нескольких обломках на протяжении всей своей длины. Полученные обломки в дальнейшем могли использоваться для получения заготовок. Об этом можно судить по нескольким отщепам, выполненным на материале, схожем по структуре и цвету с обломками. Подтвердить тезис об одном из методов расщепления камня на выявленном объекте, при котором применялась термическая обработка, сможет только накопление и подробное изучение материала, полученного в результате новых раскопок.

Также в шурфе было найдено большое количество отщепов и обломков песчаника другой структуры. Среди них прослеживается несколько аппликаций при сборке в единую композицию, но подобные связи не превышают двух фраг-

ментов. Как и в прошлом пункте, более основательные выводы можно будет делать только при большем количестве материала.

По предварительному осмотру каменное сырье насчитывает 6 позиций: песчаник – 59 экз. (50,9 %); кремень – 41 экз. (35,3 %); яшма – 9 экз. (7,8 %); гнейс – 4 экз. (3,4 %); гранит – 2 экз. (1,7 %); халцедон – 1 экз. (0,9 %).

С культурного слоя были взяты образцы углей и охры, из стенки по линии Т' были отобраны 9 образцов для OSL-датирования, а из стенки по линии 50 взято 5 проб на фитоолиты.

Состав инвентаря с долей дебитаж в 87,3 % свидетельствует о том, что на данном пункте проводилась полная цепочка: от расщепления сырья до изготовления и использования орудий, однако на нём не обнаружено ни одной нуклеонидной формы, лишь единственный опробованный желвак и отремонтированная галька с негативами скалывания. Тем не менее, возможно, рассматриваемый пункт являлся мастерской. Сама стоянка могла находиться неподалеку, например, на месте культурного слоя 1 основного раскопа Усть-Мензы-14 (далее – пункт 1) (площадь 43 м²), где был обнаружен 81 артефакт (по составу – полная противоположность пункту 2: доля дебитаж лишь 9,9 %, в то время как орудия составляют 76,5 %), остатки кострищ и очаг. Возможно, оба пункта являются единой одновременно сосуществовавшей системой, либо совершенно разновременными памятниками, так как исследователи пункта 1 склонны считать его кратковременной стоянкой, вероятно, организованной в ходе удачной охоты – отдых, приготовление пищи и обработка сырых шкур [Разгильдеева, Мороз, 2017, с. 39]. Рассмотрение ситуации с возможным сосуществованием обоих пунктов, несомненно, будет темой отдельных исследований.

Предположительно, Усть-Менза-14, пункт 2 может входить в круг таёжных забайкальских памятников, относящихся к Хэнтэйской культуре эпохи ранней бронзы [Цыбиктаров, 2009; 2018], но для подтверждения этого тезиса выявленного материала пока недостаточно.

Итак, в результате работ 2023 г. на комплексе Усть-Менза был открыт пункт залегания материала раннего бронзового века, получивший название Усть-Менза-14, пункт 2. На объекте прослеживаются признаки как хозяйственной деятельности, так и процесса расщепления камня, предварительно, насколько это возможно, подтвержденные методом ремонта. Найденный материал расширит информативную базу по таёжным районам юго-западного Забайкалья эпохи бронзового века. Работы на пункте будут продолжены в последующих полевых сезонах, так как участок является крайне перспективным.

Библиографический список

1. *Разгильдеева И.И.* Комплекс стоянки-мастерской Усть-Менза-14 (Лагерная): средняя пора верхнего палеолита Забайкалья // *Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры Рос. акад. наук. СПб., 2017. Вып. 23. С. 84–104.*
2. *Разгильдеева И.И., Мороз П.В.* Контекстуальный анализ производственно-хозяйственной деятельности древних коллективов по данным кратковременных стоянок // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2017. № 2. С. 17–41.*
3. *Усть-Менза* / М.В. Константинов, А.В. Константинов, Л.В. Екимова, И.И. Разгильдеева // *Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 302–306.*
4. *Цыбиктаров А.Д.* Хэнтэйская культура эпохи раннего металла севера Центральной Азии // *Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 29 марта – 01 апреля 2009 г.). Иркутск: Иркут. нац. исслед. тех. ун-т, 2009. С. 62–70.*
5. *Цыбиктаров А.Д.* Этнокультурные процессы в Юго-Западном Забайкалье в эпоху поздней бронзы и раннего железа // *Известия Лаборатории древних технологий. 2018. № 14 (4). С. 42–63.*

Сведения об авторах

Власенко Дмитрий Евгеньевич, 3-й курс историко-филологического факультета, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»; Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: dmitrivlasenko2003@mail.ru

Ячменёв Олег Юрьевич, 4-й курс историко-филологического факультета, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»; Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: 19970725dyuu@gmail.com

Vlasenko Dmitry Evgenievich, 3rd year student, Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, st. Alexandro-Zavodskaya, 30, e-mail: dmitrivlasenko2003@mail.ru

Yachmenev Oleg Yurievich, 4th year student, Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, st. Alexandro-Zavodskaya, 30, e-mail: 19970725dyuu@gmail.com

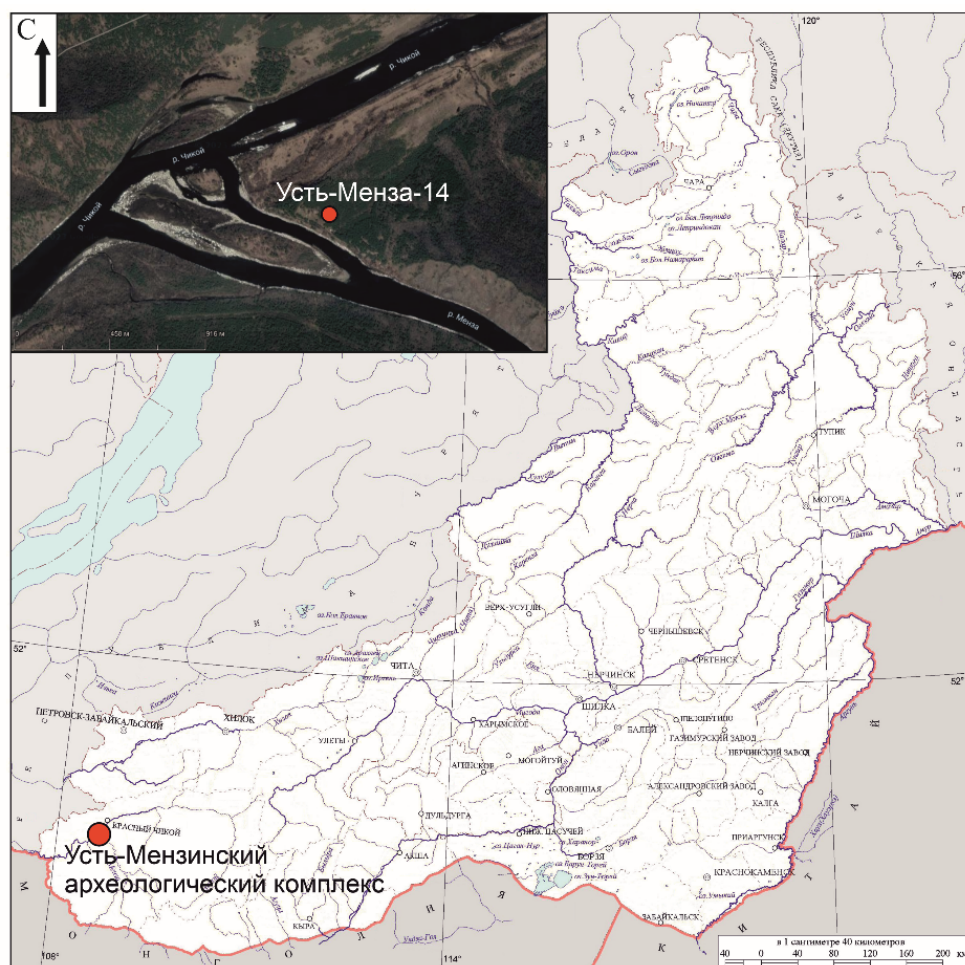

Рис. 1. Расположение Усть-Мензинского археологического комплекса и стоянки Усть-Менза-14

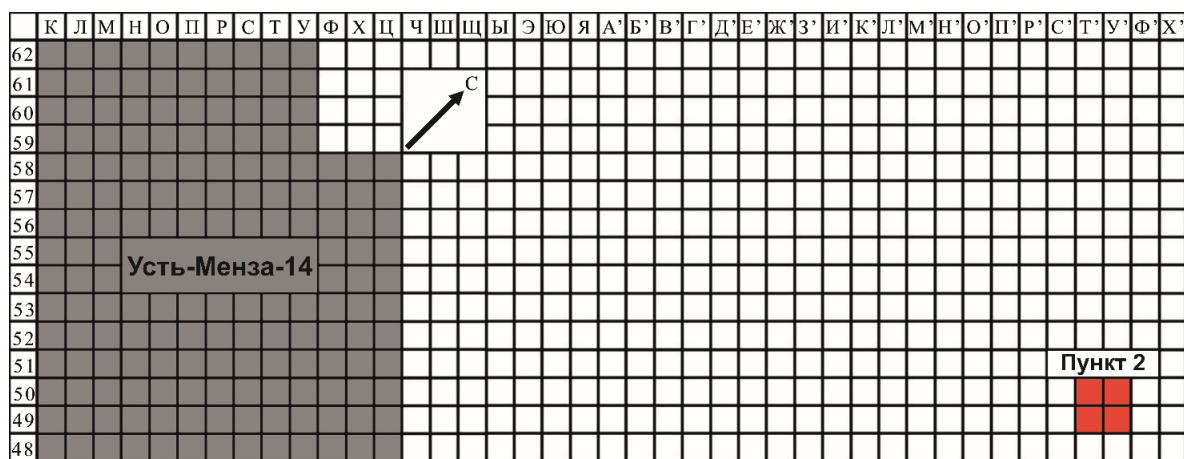

Рис. 2. Расположение пункта 2 относительно основного участка памятника Усть-Менза-14

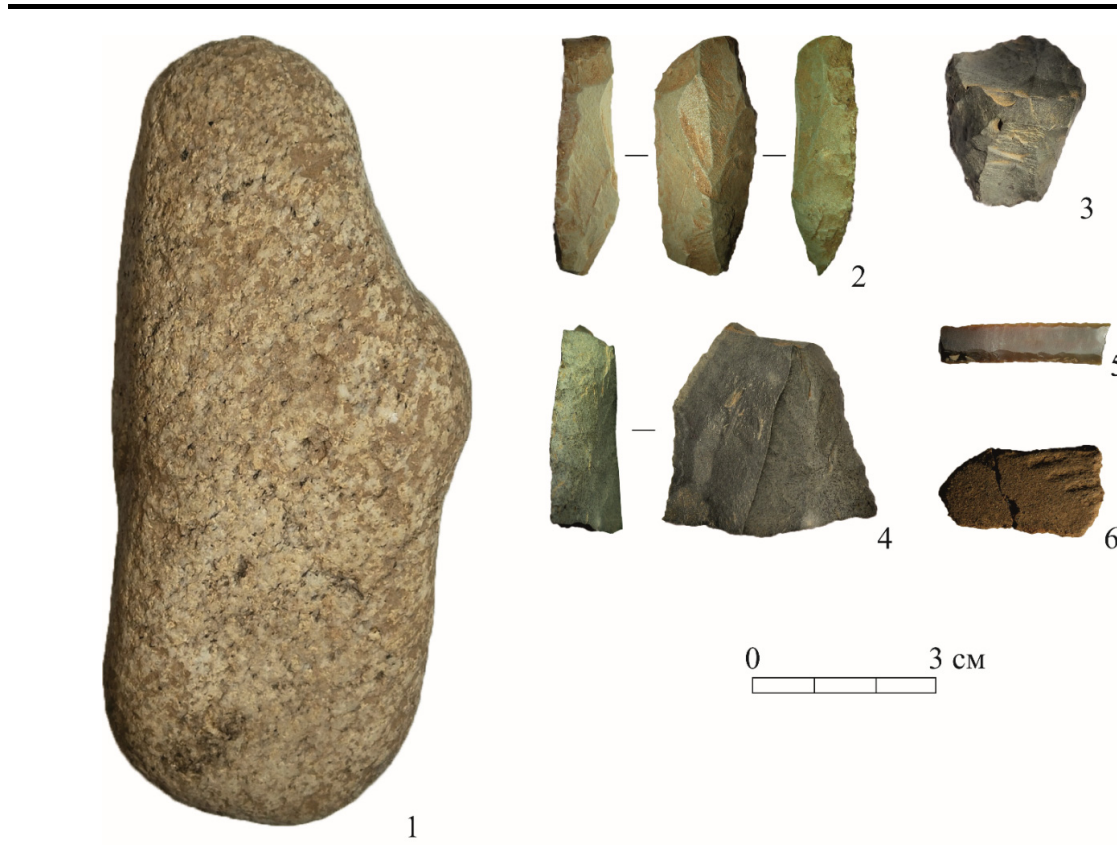

Рис. 3. Инвентарь раннего бронзового века памятника Усть-Менза-14, пункт 2: 1 – отбойник; 2, 3 – скребки; 4 – фрагмент пластины с ретушью; 5 – вкладыш; 6 – керамика

Рис. 4. Скребок, собранный с помощью метода ремонта

Рис. 5. Галечная форма, собранная с помощью метода ремонтажа

УДК 902.21

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-56-61

М.Е. Шмырина¹**ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ЧЕРДЫНСКОМ РАЙОНЕ
ПЕРМСКОГО КРАЯ В 2023 ГОДУ**

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

Представлены итоги археологической разведки в Чердынском районе Пермского края по левому берегу р. Лунва от устья р. Кысья до автомобильного моста через р. Лунва. Проводимая разведка была необходима как для уточнения сведений об известных памятниках, так и для поиска новых. Рассматриваемая территория активно исследуется археологическим сообществом с XIX в. до нашего времени, но по-прежнему остаются белые пятна на карте археологических памятников. В рамках разведки были осмотрены два известных памятника археологии – Лунва I, городище и Искорское городище, также был выявлен ранее неизвестный памятник – Лунвинский могильник. Все исследованные археологические памятники относятся к эпохе Средневековья. Поселенческие и погребальные памятники Чердынского района подвергаются грабительским раскопкам, что ставит перед исследователями необходимость проведения охранно-спасательных работ.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, Средневековье, археологическая разведка, городище, могильник.

М.Е. Shmyrina¹**THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN THE
CHERDYNKY DISTRICT OF THE PERM REGION IN 2023**

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

The results of archaeological exploration in the Cherdynsky district of Perm Krai along the left bank of the Lunda River from the mouth of the Kysya River to the automobile bridge over the Lunva River are presented. The exploration was necessary both to clarify information about famous monuments and to search for new ones. The territory in question has been actively explored by the archaeological community since the 19th century to the present day, but there are still "white spots" on the map of archaeological sites. As part of the exploration, two famous archaeological monuments were examined – Lynva I, the settlement and the Iskor settlement. An unknown Lunvin burial ground has been identified. All the archaeological sites studied date back to the Middle Ages. Settlement and burial grounds of the Cherdynsky district are subjected to predatory excavations, which poses the need for researchers to carry out security and rescue operations.

Keywords: Permian Pre-Urals, the Middle Ages, archaeological exploration, settlement, burial ground.

В сентябре 2023 г. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции была проведена разведка в Чердынском районе Пермского края по левому берегу р. Лунва от устья р. Кысья до автомобильного моста через р. Лунва.

Полевые работы осуществлялись на основании Открытого листа № 2007–2023 от 23 июня 2023 г., выданного Министерством культуры РФ на имя Марии Евгеньевны Шмыриной. Основной целью разведки являлось уточнение сведений об уже известных объектах археологического наследия, а также поиск новых археологических памятников. На территории, подлежащей разведке, расположено два известных памятника – Люнва I, городище и Искорское городище – древнейший центр раннефеодального княжества Перми Великой в XII–XV вв.

Люнва I, городище расположено на левом берегу р. Люнва в 2 км от посёлка Ныроб. Городище находится на коренном берегу на высоте около 4 м от уровня реки на подтреугольном мысу, возвышающемся над р. Люнвой. Памятник был открыт в 2006 г. П.А. Корчагиным во время раскопок Искорского городища. В 2008 г. исследован С.В. Шатуновым в рамках мониторинга объектов археологического наследия Чердынского района. Была проведена фотофиксация памятника, уточнены границы городища. В 2015 г. проведено комплексное обследование городища Д.В. Третьяковым. В центральной части городища заложили шурф. Были уточнены сведения о местонахождении объекта археологического наследия, уточнены границы, изучен культурный слой, проведена фотографическая фиксация площадки памятника [Отчёт по 1 этапу ... , 2015, с. 7]. В ходе работ на городище не было обнаружено археологического материала, хотя с топографической точки зрения площадку невозможно интерпретировать иначе как городище. Вероятно, памятник мог являться городищем-убежищем.

Искорское городище расположено в 5 км северо-восточнее села Искор. Памятник занимает подтреугольный мыс скалы высотой до 65 метров. Южная, западная и восточные стороны городища ограничены крутыми склонами мыса, с севера площадка памятника защищена тремя валами. Рвов у валов не обнаружено. Границы памятника определяются геоморфологическими особенностями и остатками укреплений. Время функционирования городища охватывает эпоху Средневековья (IX–XVI вв.). Были выявлены комплексы, относящиеся как к родановской археологической культуре, так и к периоду ранней русской колонизации Верхнего Прикамья в XV–XVI вв. [Скорнякова, 2020, с. 45].

Первое археологическое исследование памятника было произведено в 1819 г. под руководством чиновника Санкт-Петербургской учёной архивной комиссии В.Н. Берха. На городище было заложено пять траншей [Скорнякова, 2020, с. 43]. В конце XIX в. памятник исследовался С.И. Сергеевым и Н.Н. Новокрещенных. Дальнейшее изучение Искорского городища проводилось в середине XX в. И.А. Талицкой (1947 г.) и В.А. Обориным (1957 г.). Наиболее обширные раскопки на памятнике были проведены В.А. Обориным в 1975, 1976 и 1980 гг., в ходе которых было изучено более 500 м² [Оборин, 1975; 1976]. На современном этапе городище исследовалось П.А. Корчагиным (2001, 2003–2008 гг.) [Корчагин, 2001; 2004; 2007] и С.В. Скорняковой (2020, 2021 гг.). Ввиду большой

исторической значимости городище становится местом паломничества туристов и местных жителей, что негативно сказывается на состоянии культурного слоя памятника.

В ходе разведки был обнаружен ранее неизвестный памятник археологического наследия – Люнвинский могильник. Памятник расположен в 3 км к юго-востоку от северной окраины посёлка Ныроб. Площадка памятника охватывает три боровые террасы, спускающиеся к пойме ручья, впадающего в р. Люнва. С севера площадку ограничивает болотистая пойма. Южная, западная и восточная границы могильника обусловлены естественными склонами террас и распространением западин погребений. Террасы, на которых расположен памятник, характеризуются достаточно ровной поверхностью, исключения составляют грабительские вкопы, повреждающие культурный слой по всей площади могильника. Площадка памятника покрыта сосновым лесом и белым мхом, по памятнику проходят тропы и старая лесная дорога к р. Люнва. Границы памятника слабо фиксируются топографически и характеризуются распространением культурного слоя. Для территории Чердынского района характерна значительная археологическая изученность. Вероятно, могильник не был выявлен ранее в связи с отсутствием явной топографической выраженности. В последние годы на площадке могильника появились грабительские вкопы, которые позволили обнаружить памятник.

В ходе осмотра площадки Люнвинского могильника был собран подъёмный материал, представленный фрагментами медных котлов, бронзовых украшений, а также железными предметами. Обнаружено 10 пластин, которые, вероятно, являются фрагментами медных котлов (рис. 1: 1–10). Наиболее крупный фрагмент котла имеет размер 10 на 10 см. Для пластин характерно наличие следов нагара на внешней стороне. Два предмета имеют пластинчатые заклёпки, выполненные из того же материала, что и сами фрагменты котлов. Аналогичные медные котлы и их фрагменты находят распространение в погребальных памятниках Пермского Предуралья. Медные котлы встречаются в Прикамье как в период существования ломоватовской археологической культуры (VII – конец XI в.), так и в родановской археологической культуре (XII – XV вв.). В частности, аналогичные изделия были встречены в материалах могильника Телячий Брод, Антыбарского могильника, Плотниковского могильника [Свидетельство о ... , 2019].

Подъёмный материал Люнвинского могильника представлен также фрагментом обкладки ножен (рис. 1: 13). Предмет изготовлен из меди в виде согнутой узкой пластины. Аналогичные обкладки служили для скрепления деревянной основы ножен. Металлические, в том числе медные, обкладки ножен находят распространение на территории Пермского Предуралья в IX – первой половине X в., отдельные экземпляры встречаются в XI в. [Подосёнова, Крыласова, Данич, 2022, с. 85]. Также был встречен фрагмент бронзового слитка с насечками, который может являться частью биконьковой подвески (рис. 1: 15). Насечки, вероят-

но, представляют гриву коня. Биконьковые подвески достаточно широко представлены на археологических памятниках Пермского Предуралья с VII до конца XI в. [Крыласова, 2001, с. 69].

В ходе работ в шурфе № 1 был обнаружен бронзовый предмет неопределённого назначения (рис. 1: 14). Бронзовый слиток первоначально имел округлую форму, по центру располагаются углубления, которые могут являться клеймами. Вероятно, данный предмет является бронзовым слитком, металл которого использовался для дальнейшей переплавки.

Железные предметы представлены железным кольцом и предметом неопределённого назначения. Железное кольцо имеет диаметр 4 см и, вероятно, является фрагментом удила (рис. 1: 12). Кольца удила достаточно стандартны в своей форме и размере, что не позволяет относить представленные фрагменты к определённой группе и периоду бытования.

Полевые исследования 2023 г. в Чердынском районе Пермского края показали разрушение объектов археологического наследия ввиду воздействия на них в первую очередь антропогенных факторов, природное же воздействие не столь велико. Был обнаружен и включён в перечень выявленных объектов культурного наследия Люнвинский могильник. В настоящее время памятник подвергается активным грабительским раскопкам. Вероятно, без археологического изучения могильника и соответствующей охраны памятник будет уничтожен в ближайшие годы. Выявленный могильник относится к эпохе Средневековья, но более точные датировки невозможны без археологических раскопок. В соответствии с подъёмным материалом предварительно могильник можно датировать IX–XI вв.

Отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции были осмотрены все перспективные места по берегам р. Люнва в пределах маршрута разведки. Были обследованы возвышенности, склоны, берега реки, лесовозные дороги и лесные тропы. Полученные в ходе разведки археологические предметы были переданы на хранение в Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья.

Библиографический список

1. Корчагин П.А. Отчёт об археологических исследованиях на городище Искор Чердынского района Пермской области в августе-сентябре 2001 г. // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 122/7.

2. Корчагин П.А. Отчёт об археологических исследованиях на Троицком городище в г. Чердыни и на городище-святилище Искор в Чердынском районе Пермской области в 2004 году // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 152.

3. Корчагин П.А. Отчёт об охранных археологических исследованиях на памятниках «Чердынь. Посад. Культурный слой» в г. Чердыни, «Искорское городище-святилище» и археологической разведке в бассейне реки Колвы

в Чердынском районе Пермского края в июне – августе 2007 г. // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 233.

4. Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2001. 259 с.

5. Оборин В.А. Отчёт о разведках и раскопках в Пермской области в 1975 году // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 9.

6. Оборин В.А. Отчёт о раскопках в Пермской области в 1976 году // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 12.

7. Отчёт по 1 этапу государственного контракта № 80 от 20.07.2015 по проведению комплексного обследования объектов археологического наследия Пермского края (кроме Коми-Пермяцкого округа) / А.Ф. Мельничук, Н.С. Горшкова, А.В. Васильева и др. // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 469/1-2.

8. Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б., Данич А.В. Деревянные ножны с металлическими обкладками в средневековом Пермском Предуралье // Поволжская Археология / Акад. наук Республики Татарстан. 2022. № 2 (40). С. 72–88.

9. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2019622464 Российская Федерация. Погребальный обряд средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.) / К.В. Моряхина, Д.В. Шмуратко; заявитель ПГГПУ. – № 2019622417; заявл. 11.12.2019; опубл. 23.12.2019.

10. Скорнякова С.В. Отчёт по 3 этапу государственного контракта № 0156500000420000003 от 13.03.2020 по проведению охранных археологических раскопок на разрушающемся объекте археологического наследия «Искорское городище – древнейший центр» // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 717.

Сведения об авторе

Шмырина Мария Евгеньевна, ассистент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»; 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24; e-mail: shmyrinamaria@mail.ru

Shmyrina Maria Evgenievna, Assistant at the Department of National and Universal History, Archeology of the Perm State Humanitarian Pedagogical University, 614990, Perm, Sibirskay st., 24, e-mail: shmyrinamaria@mail.ru

Рис. 1. Предметы материальной культуры Люнвинского могильника:
1–10 – пластины медные; 11 – предмет железный; 12 – фрагмент удила;
13 – фрагмент медной обкладки ножен; 14 – слиток бронзовый;
15 – фрагмент биконьковой подвески

УДК 902.21

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-62-71

А.Р. Смертин^{1,2}**ГРУППА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ У д. КУЧИНО
В БАСЕЙНЕ р. ЧУСОВАЯ***¹Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, Российская Федерация²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

Река Чусовая – один из наиболее крупных водотоков в речной сети Прикамья (Пермское Предуралье). В её течении выделяется ряд средневековых памятников. В последние годы исследователями принято выделять их в юго-восточный локальный вариант ломоватово-родановской общности. Обособление памятников и пробелы в научных сведениях показывают необходимость в проведении разведочных работ. В 2023 г. обследован участок правого берега р. Чусовой. В частности, изучена группа средневековых памятников у д. Кучино, городища: «Кучино I (Колокольня)», «Кучино II (За Уралом)», «За Увалом I». Культурный слой был обнаружен только на первом городище. В разбитых шурфах и на поверхности найдены фрагменты глиняной посуды, глиняные шарики, железные фрагменты, шлаки и др. По распространению культурного слоя удалось установить заселение исключительно внутренней площадки. Памятник пригоден для полноценных археологических раскопок. Второе городище, вероятно, не было заселено, а последнее являлось убежищем (культурный слой отсутствует). На двух данных памятниках целесообразным является исследование фортификационных сооружений. Дальнейшее изучение региона необходимо в охранно-спасательных целях, а также для уточнения культурно-хронологической атрибуции ряда памятников, расширения их набора.

Ключевые слова: археологическая разведка, городище, Средневековье, река Чусовая, Пермское Предуралье, глиняные шарики, фортификация.

A.R. Smertin^{1,2}**THE GROUP OF MEDIEVAL HILLFORTS NEAR KUCHINO
IN THE BASIN OF THE CHUSOVAYA RIVER**¹Institute of Humanitarian Studies UB RAS, Perm, Russian Federation²Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russian Federation

The Chusovaya River is one of the largest rivers in the Kama region (Permian Pre-Urals). A number of medieval sites stand out here. Researchers have decided to single out the southeastern local variant of the Lomovatovo-Rodanovo community. The isolation of sites and gaps in scientific information show the need for exploration. In 2023, a section of the right coast of the Chusovaya River was surveyed. In particular, a group of medieval hillforts near the village of Kuchino has been studied: "Kuchino I (Kolokolnya)", "Kuchino II (Za Uralom)", "Za Uvalom I". The cultural layer was discovered only at the first hillfort. Fragments of pottery, clay balls, iron fragments, slag, etc. were found in the broken pits and on the surface. According to the spread of the cultural layer, it was possi-

© Смертин А.Р., 2024

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-68-10023 (<https://rscf.ru/project/23-68-10023>).

ble to establish settlement exclusively for the internal site. The site is suitable for full-fledged archaeological excavations. The second hillfort was probably not inhabited, and the last one was a refuge (there is no cultural layer). It is advisable to study fortifications on these two sites. Further study of the region is necessary for security and rescue purposes, as well as to clarify the cultural and chronological attribution of a number of sites, and the search for new sites.

Keywords: *archaeological exploration, hillfort, Middle Ages, Chusovaya river, Permian Pre-Urals, clay balls, fortification.*

Река Чусовая является левым притоком главной артерии Пермского Предуралья – реки Камы. Территория верхнего и среднего Прикамья (Пермское Предуралье) связано с бытованием нескольких средневековых культур: ломоватовской (V–XI вв.) и родановской (XII – начало XV в.) [Белавин, Крыласова, 2016, с. 36]. Памятники эпохи Средневековья на р. Чусовой достаточно компактно расположены и территориально отделены от основной массы одновременных памятников верхнего и среднего Прикамья. К югу от данной территории, в бассейне р. Сылвы, выделяются соседние неволинская культура (конец IV – начало IX в.) и культурно-хронологический горизонт постневолинских памятников (X–XIII вв.) [Голдина, 2012, с. 140].

Первые попытки отделения групп памятников друг от друга были предприняты А.В. Шмидтом в 1920-е гг. Автор определял культурное единство памятников Прикамья к северу от устья р. Чусовой и отождествлял их с предками пермяков [Шмидт, 1925, с. 57]. Позднее М.В. Талицкий по материалам Прикамья X–XIV вв. выделил особую – родановскую – культуру, называемую исследователем также и болгарской эпохой. Ареал распространения культуры М.В. Талицкий чётко не очерчивал и наносил на карту одновременные памятники на рр. Каме, Чепце, Чусовой, Сылве и притоках [Талицкий, 1941, рис. 33]. Далее, в 1950–1960-е гг., на основании анализа погребального обряда и распространения находок В.А. Оборин определял распространение ломоватовской и родановской археологических культур в границах Прикамья, между рр. Обвой, верхней Камой, Лупьей, Колвой, Вишерой, Язьвой. Юго-восточной границей исследователь называл р. Каму, так как на левом её берегу памятники распространялись единично. Таким образом, памятники на р. Чусовой хоть и были известны, но не выделялась как часть ломоватово-родановской общности [Оборин, 1970, с. 27]. Позднее, к 1985 г., деление средневековых памятников по бассейнам рек предприняла Р.Д. Голдина. Было выделено десять племенных групп, в том числе Чусовская [Голдина, 1985, с. 163]. Подобное деление поддерживалось в дальнейших работах коллег под авторством А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой, А.В. Вострокнутова и др., где выделялась Усьвинско-Чусовская группа памятников [Белавин, Крыласова, 2016, с. 33; Вострокнутов, 2020, с. 23–25].

Однако не раз ставился вопрос об особенном положении памятников р. Чусовой. В частности, И.Ю. Пастушенко отмечал тесные связи, тяготение южных территориальных групп родановской культуры к сылвенскому населению (на основании главным образом керамического материала) [Пастушенко,

1995, с. 106–107]. В качестве некоторого компромисса Усьвинско-Чусовская группа памятников выделялась (в частности, С.Л. Островским) в особенный юго-восточный локальный вариант ломоватово-родановской общности, характеризующийся проживанием в нём разнородного населения [Островский, 2003, с. 116, 119]. Таким образом, окончательно вопрос о культурном положении и своеобразии Усьвинско-Чусовских памятников не решён и требует отдельного изучения. Это только стимулирует продолжение полевых исследований в бассейне р. Чусовой как археологическими разведками, так и впоследствии раскопками.

В полевой сезон 2023 г. отрядом КАЭЭ ПГГПУ под руководством автора было совершено обследование правого берега р. Чусовой. В первой части маршрута было произведено открытие и разведочные раскопки Шушпанского могильника на р. Шушпанке, правом притоке р. Чусовой [Смертин, 2023]. Во второй части маршрута были осмотрены компактно расположенные у д. Кучино городища: «Кучино I (Колокольня)», «Кучино II (За Уралом)», «За Увалом I».

Археологические исследования в нижнем течении р. Чусовой (ниже г. Чусового) начали производиться со второй половины XIX в, но носили стихийный, любительский характер. Сборы находок в Почусовье во второй половине XIX в. производились семьёй Теплоуховых. В обобщающую работу А.А. Спицына «Древности Камской чуди» вошли некоторые находки с р. Чусовой, которые, однако, не были в точности локализованы [Спицын, 1902]. Первые научные исследования группы памятников у д. Кучино связаны с деятельностью отряда ГАИМК под руководством М.В. Талицкого в 1935 г. Исследователем произведена шурфовка городищ Кучино I–II, даны краткие описания [Талицкий, 1941, с. 129]. Установление границ памятников и их внесение в государственный список памятников археологии местного значения были осуществлены по итогам мониторинга 1999 г., произведенного отрядом КАЭЭ ПГПУ под руководством А.М. Белавина. По итогам этих работ появляются сведения о новом памятнике – «За Увалом I, городище». Позднее, в ходе разведки С.Л. Островского, были сняты планы памятников, уточнены географические характеристики; на первом городище собран подъёмный материал [Островский, 2004]. Дальнейшие работы на памятниках связаны с осуществлением мониторингов состояния и использования объектов археологического наследия сотрудниками КАЭ ПГУ: Д.А. Изосимовым в 2005 г., Д.А. Майстренко в 2011 г. В частности, уточнено состояние и границы городищ, произведена фотофиксация. Несмотря на первоначально кажущуюся обширность работ, в изучении даже известных памятников существуют пробелы. К примеру, на «Кучино I (Колокольня), городище» подробно неизвестна стратиграфия, а проведение археологических раскопок без разведочных данных невозможно. Кроме того, появились сведения о случаях ограбления ряда чусовских памятников в последние годы. Всё это обусловило необходимость проведения новых разведочных мероприятий.

Кучино I (Колокольня), городище

Городище располагается на значительном удалении от русла р. Чусовой, к северо-западу от д. Кучино Пермского края. Памятник занимает местность «гора Колокольня» и располагается на мысу, являющемся естественным выступом террасы в окружении холмисто-болотистой местности. Площадка памятника возвышается над поймой безымянного ручья на 9–12 м, имеет подтреугольную форму, ограничена со всех сторон крутыми склонами в пойму, а с северо-западной стороны граница проходит по переходу (расширению) мыса в террасу. Мыс вытянут в направлении северо-запад – юго-восток на 170 м и имеет ширину до 40 м, высота понижается к стрелке выступа.

С напольной стороны площадка защищена тремя валами и рвами, которые проходят через всю площадку по линии с северо-востока на юго-запад. Первый с напольной стороны – внешний – вал отделяет небольшой участок террасы перед мысом. Вал весьма оплывший, имеет дугообразную форму, высоту до 1,5 м, длину порядка 120 м, ширину 10 м. Его дублирует ров глубиной до 0,5 м. Второй с напольной стороны – средний – вал располагается на 50 м к юго-востоку от внешнего вала, имеет дугообразную форму, отделяет мыс от расширения террасы. Вал также оплыл, имеет высоту до 1 м, длину 55 м, ширину до 6–7 м. Его также дублирует ров глубиной до 0,5 м. Третий с напольной стороны – внутренний – вал располагается в 30 м к юго-востоку от среднего вала, имеет округлую форму [Островский, 2004] (рис. 1: I). Данный вал скорее напоминает овальный холм, как и был описан М.В. Талицким. Вал пребывает в удовлетворительном состоянии, имеет высоту 4 м, округлую форму, диаметр около 8–10 м [Талицкий, 1941, с. 129].

На внутренней площадке памятника М.В. Талицким заложены несколько шурфов, в которых найдено большое количество керамики X–XIII вв. с шнуровым орнаментом. Точная стратиграфия неизвестна. По данным М.В. Талицкого, памятник относится к эпохе развитого Средневековья и датируется X–XIII вв. [Талицкий, 1941, с. 129].

В ходе осмотра в 2023 г. на внутреннем валу зафиксированы глубокие ямы, описываемые и М.В. Талицким, и С.Л. Островским. Возможно, это остатки кладочной деятельности крестьян XIX в. либо остатки фортификационного сооружения. На внутренней площадке памятника было обнаружено несколько грабительских вкопов $20 \times 20 \times 20$ см, в отвалах грунта которых были найдены мелкие фрагменты лепной керамики, обломки железных предметов, металлургические шлаки. Во время текущей разведки было решено предпринять шурфовку площадки памятника. Во-первых, даже с учётом материалов М.В. Талицкого, неизвестна стратиграфия; во-вторых, непонятна топография памятника (распространение культурного слоя по площадкам). В совокупности достижение упомянутых позиций позволит оценить пригодность памятника для полноценных рекогносцировочных раскопок в будущем. Всего на площадке памятника было заложено два шурфа общей площадью 5 м².

Первый шурф размером 2×2 м был разбит на внутренней площадке, практически на самой стрелке городища, на месте грабительских вкопов. Стратиграфическая ситуация достаточно простая: под дерново-почвенным слоем № 1 (мощностью до 0,17 м) следовал тёмный серый суглинок № 2 (культурный слой мощностью 0,14–0,2 м), затем фиксировался светлый серый суглинок № 3 (подстилающий предматериковый слой мощностью 0,03–0,1 м), ниже шла плотная рыжая глина № 4 (материковый слой, вскрыт до 0,15 м). Артефакты были найдены сразу под дерново-почвенным слоем № 1 и распространялись только в слое тёмного серого суглинка № 2 (рис. 1: III).

Второй шурф размером 1×1 м был разбит между внутренним и средним валом, в средней части городища. В стратиграфии шурфа тёмный серый суглинок (культурный слой) отсутствовал, артефактов не найдено.

Между средним и внешним валом, а также снаружи городища на поверхности и в нарушениях слоя признаков культурных отложений и находок не обнаружено.

Исходя из шурфовки площадки городища, можно предварительно реконструировать характер жизнедеятельности поселения. Культурный слой и находки распространены только на внутренней площадке памятника. Предположительно, её можно считать жилой (слой больше насыщен отложениями жизнедеятельности и находками), а вторая и третья площадки либо были образованы позже, после возведения среднего и внешнего валов, либо использовались только в качестве укрытия, посад отсутствовал.

Все артефакты, найденные на памятнике, являются фрагментами изделий из железа, кремня, керамических изделий и сосудов, шлака. Значительное количество артефактов были перемещены с оригинального местоположения в ходе разграбления и являлись подъёмным материалом, однако большинство находок сделаны в границах шурфа 1. Изделие из камня является кресальным кремнем – 1 экз. (№ 6; -0,19; - 0,29), (рис. 1: II, 20). Характер сколов позволяет утверждать об его использовании в сочетании с кресалом (огнивом). Подобные находки аналогичного размера и разной формы широко представлены в средневековых материалах. Изделия из железа представлены частями неопределённых железных предметов – 3 экз. (№ 3; ПМ), (рис. 1: II, 22–24). Шлаки – 4 экз. (№ 4; ПМ) (рис. 1: II, 25) представлены образованиями аморфной формы, имеют пористую глобулярную структуру, обильные окислы железа и меди. Вместе с ними были найдены небольшие части глиняной обмазки – 2 экз. (№ 5; ПМ). Изделия из глины найдены в шурфе 1 и представлены небольшими высушенными и обожжёнными шариками – 13 экз. (№ 7–19) (рис. 1: II, 7–19). Они имеют диаметр до 2,5 см. Некоторые изделия имеют правильную сферическую форму, часть – асимметричные и слабо заглаженные. Назначение предметов не совсем ясно. Некоторые исследователи относят данную категорию находок к метательным снарядам для пращей [Руденко, 2021, с. 84], другие – к детскому комплексу игровых

предметов [Крыласова, 2015, с. 131]. В Прикамье подобные изделия найдены на Рождественском [Крыласова, 2015, рис. 5], Родановом городище [Сарапулов, 2020] в слоях XI–XIV вв. Остальной керамический материал представлен фрагментами лепных сосудов (рис. 1: II, 1–6). Всего было найдено 22 фрагмента сосудов. Сосуды не имеют визуально фиксируемых примесей в тесте. Толщина фрагментов составляет 0,5–0,9 см. Из всего комплекса лишь 6 фрагментов имеют орнамент – четырёхугольные наколы (рис. 1: II, 5–6), гребенчатый орнамент с расположением зубцов горизонтальной ёлочкой (рис. 1: II, 1–2, 4) и резной орнамент в виде креста, композиционно повторяющий гребёнку (рис. 1: II, 3). Образцы подобной орнаментации встречаются на позднеломоватовских (X–XI вв.) и родановских (XII–XV вв.) памятниках: Лаврятском, Рождественском, Саламатовском I городище, Телячий Брод и Плотниковском могильнике [Крыласова, Белавин, 2019, с. 127]. Произведенные работы подтверждают выводы предшественников о пока что предварительной датировке памятника X–XIII вв.

Кучино II (За Уралом), городище

Памятник тоже расположен в значительном удалении от русла р. Чусовой, к северо-западу от д. Кучино Пермского края. Расстояние до него от первого городища составляет 0,2 км к югу – юго-западу. Памятник занимает местность «за Уралом» и располагается на мысу, являющемся естественным выступом той же террасы над безымянным ручьём. Площадка памятника имеет подтреугольную форму, ограничена крутыми склонами в пойму со всех сторон, а с северо-западной стороны граница проходит по переходу (расширению) мыса в террасу. Мыс вытянут по направлению северо-запад – юго-восток на 126 м, максимальная ширина площадки 63 м, высота незначительно понижается к стрелке мыса.

С напольной стороны мыс отделяют практически прямые вал и ров. Фортификационные сооружения в удовлетворительном состоянии: высота вала составляет 2,5 м, длина 39 м; глубина рва составляет до 1,5 м. С северной стороны вал примыкает к краю площадки мыса, а с южной – не достаёт края на расстояние до 5 м [Островский, 2004]. Возможно, часть укреплений была разрушена проходящей лесной дорогой.

В заложенных М.В. Талицким шурфах культурного слоя обнаружено не было [Талицкий, 1941, с. 129]. В зафиксированных обнажениях в 2023 г. также не было выявлено культурных напластований. Подъёмного материала не обнаружено. Было решено не закладывать шурфов ввиду неперспективности данного мероприятия.

Памятник, вероятно, относится к эпохе развитого Средневековья и датируется X–XIII вв., синхронно памятнику «Кучино I (Колокольня), городище». По непонятной причине укрепленное поселение так и не было заселено в древности, о чём нам говорит отсутствие культурного слоя. На основании соседства с датированным памятником лишь предварительно возведение городища можно синхронно ограничить общим диапазоном X–XIII вв.

За Увалом I, городище

Памятник тоже расположен вдали от р. Чусовой, к северо-западу – западу от д. Кучино Пермского края. Расстояние до него от первого городища составляет 1 км к югу – юго-западу. Памятник занимает местность «за Увалом» и располагается на узком длинном мысу, являющемся естественным выступом террасы над заболоченной местностью. Площадка памятника возвышается над поймой на 6 м, имеет подтреугольную форму. Памятник со всех сторон ограничен крутыми склонами в пойму, с северо-западной стороны граница проходит по переходу (расширению) мыса в террасу. Мыс вытянут по направлению северо-запад – юго-восток на 50 м, его ширина составляет около 10 м у основания и 3 м на стрелке, высота незначительно понижается.

С напольной стороны мыс отделяет вал и ров. Они весьма оплывшие: высота вала составляет 0,8 м, длина 9,8 м, ширина 7,3 м; глубина рва составляет до 0,5 м, ширина в диапазоне 3,5–4,5 м [Островский, 2004].

В отличие от предыдущих городищ, «За Увалом I, городище» было выявлено только в ходе инвентаризации объектов археологического наследия в 1999 г. А.М. Белавиным. В ходе археологической разведки 2003 г. С.Л. Островский называет данный памятник «Кучино III (За Увалом), городище» [Островский, 2004]. В этом имеется логика, так как памятник действительно относится к группе оставшихся городищ и удобнее было бы оставить для них схожие названия и последовательную нумерацию. Ввиду того что памятник во всех документах всё же звучит в юридическом названии «За Увалом I, городище», менять его не видится разумным. На памятнике Д.А. Майстренко была произведена зачистка обнажения и разбит шурф, культурных напластований не выявлено.

В ходе работ 2023 г. нарушений слоя и археологического материала не обнаружено. Было решено не закладывать шурфов ввиду отсутствия перспективности данного мероприятия.

Памятник относится к эпохе развитого Средневековья и датируется X–XIII вв., вероятно, синхронно памятнику «Кучино I (Колокольня), городище». Вероятнее всего, городище являлось не жилым, а имело статус убежища. Небольшая площадь не позволила бы устроить ни крупных жилищ, ни производственных площадок. Подобные укрепленные поселения малой площади и без культурных напластований встречаются и в других локациях Почусовья и Прикамья [Смертин А.Р., Смертин П.Р., 2022, с. 83]. На основании соседства с датированным памятником лишь предварительно возведение городища можно синхронно обозначить общим диапазоном X–XIII вв.

Разведочные работы на группе поселенческих памятников у д. Кучино дали некоторые результаты. Впервые была задокументирована стратиграфия на «Кучино I (Колокольня), городище», установлена топография укрепленного поселения. Предыдущие исследователи многократно доказали отсутствие культурных напластований на остальных памятниках археологии в границах маршрута, поэтому их

шурфовка не предпринималась. «Кучино I (Колокольня) городище» являлось основным жилым центром в обследуемом районе. Его исследование позволит получить новую информацию о жизнеобеспечении в эпоху развитого Средневековья. Наличие новых разведочных данных позволяет спланировать полномасштабные археологические раскопки в непосредственной близости от шурфа 1. Городища «Кучино II (За Уралом)» и «За Увалом I» использовались, вероятно, не как жилые. Одно из них не было достроено, последнее было убежищем.

В ходе проведения археологической разведки было зафиксировано серьёзное разрушение некоторых осмотренных объектов археологического наследия в результате воздействия природных и антропогенных факторов. К негативному воздействию антропогенного фактора относятся устройство лесной дороги и частичное разграбление «Кучино I (Колокольня), городище»; устройство дороги и тропы на территории городищ «Кучино II (За Уралом)» и «За Увалом». Природное воздействие выражено в частичной заваленности деревьями.

Комплекс памятника «Кучино I (Колокольня), городище» укладывается в диапазон эпохи развитого Средневековья – X–XIII вв. Перспективным для разведочных работ видится продолжение поиска новых памятников, в частности, селищ на низких пойменных берегах для их постановки на государственную охрану, чтобы предотвратить их окончательную утрату в ходе хозяйственной деятельности. «Кучино I (Колокольня) городище» перспективно для полномасштабных археологических раскопок. А оставшиеся укрепленные поселения – исключительно для исследования фортификационных сооружений.

Библиографический список

1. Бела́вин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. 2016. № 1 (32). С. 28–41.
2. Вострокну́тов А.В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV века нашей эры: культурно-хронологическая и технологическая идентификация: моногр. СПб., 2020. 328 с.
3. Го́лдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1985. 280 с.
4. Го́лдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 139–166.
5. Крыласова Н.Б. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции (КАЭЭ). 2015. Вып. 10. С. 125–137.
6. Крыласова Н.Б., Бела́вин А.М. Эволюция «Прикамской чаши» в эпоху Средневековья // Археология евразийских степей. 2019. № 6. С. 121–137.

7. *Оборин В.А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 9. С. 3–30.
8. *Островский С.Л.* Археологические памятники юго-восточного локального варианта ломоватово-родановской общности. История и проблемы комплексного изучения // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции (КАЭЭ). Пермь, 2003. Вып. 3. С. 115–122.
9. *Островский С.Л.* Отчёт о разведке в Чусовском районе Пермской области в 2003 г. // Архив МАЭ ПГГПУ. Пермь, 2004.
10. *Пастушенко И.Ю.* История населения бассейна р. Сылвы в первой половине II тыс.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 205 с. // Архив УдГУ.
11. *Руденко К.А.* Миниатюрные изделия из глины именьковской культуры VI–VII вв. н.э. // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 4. С. 81–106.
12. *Сарапулов А.Н.* Отчёт о раскопках Полютово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2020 г. Пермь, 2020 // Архив МАЭ ПГГПУ.
13. *Смертин А.Р.* Шушпанский могильник – памятник эпохи Средневековья в бассейне Р. Чусовая // XVI Бадеровские чтения: сб. науч. ст. по материалам Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения О.Н. Бадера, Пермь, 27 ноября – 01 декабря 2023 года. Пермь: ПГНИУ, 2023. С. 232–236.
14. *Смертин А.Р. Смертин П.Р.* Археологические разведки по левому берегу реки Чусовой на территории чусовского городского округа в 2021–2022 гг. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции (КАЭЭ). 2023. Вып. 22. С. 75–88.
15. *Спицын А.А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием А.А. Спицына // Материалы по археологии России. СПб., 1902. №. 26. 150 с.
16. *Талицкий М.В.* Обследования по р. Чусовой в 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л. 1941. С. 125–130.
17. *Шмидт А.В.* Пермский округ в доисторическом прошлом // Экономика. 1925. № 29. С. 55–58.

Сведения об авторе

Смертин Андрей Романович, научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии Института гуманитарных исследований УрО РАН; 614013, Пермь, ул. Генкеля, 4; лаборант-исследователь НИИ «Археологии и антропологии» ПГГПУ; 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24; e-mail: arsmertin@mail.ru

Smertin Andrey Romanovich, research associate of the department history, archaeology and entography of Institute of Humanitarian Studies UB RAS, 614013, Perm, Genkelya str., 4; laboratory researcher at the Research Institute of Archaeology and antropology PSHPU, 614990, Perm, Sibirskaya str., 24, e-mail: arsmertin@mail.ru

Пермский край, Чусовской городской округ,
Кучино I (Колокольня), городище

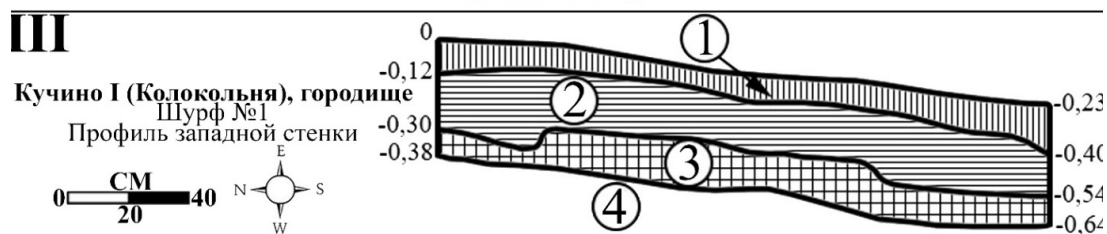
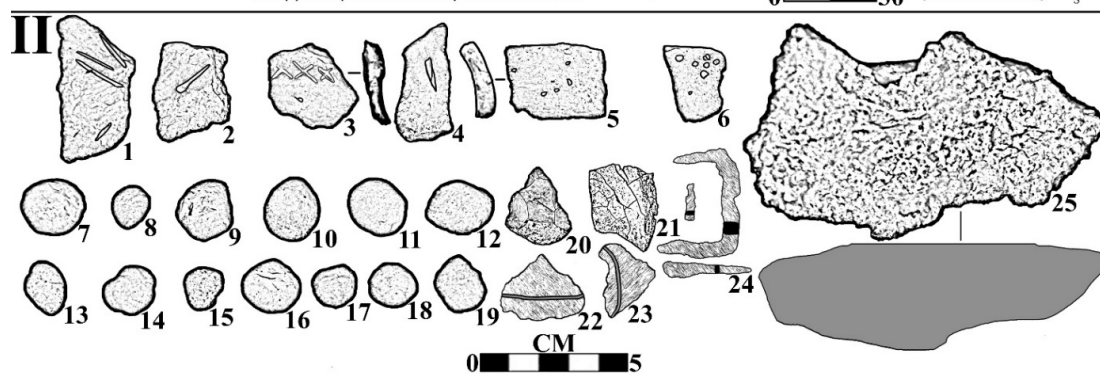
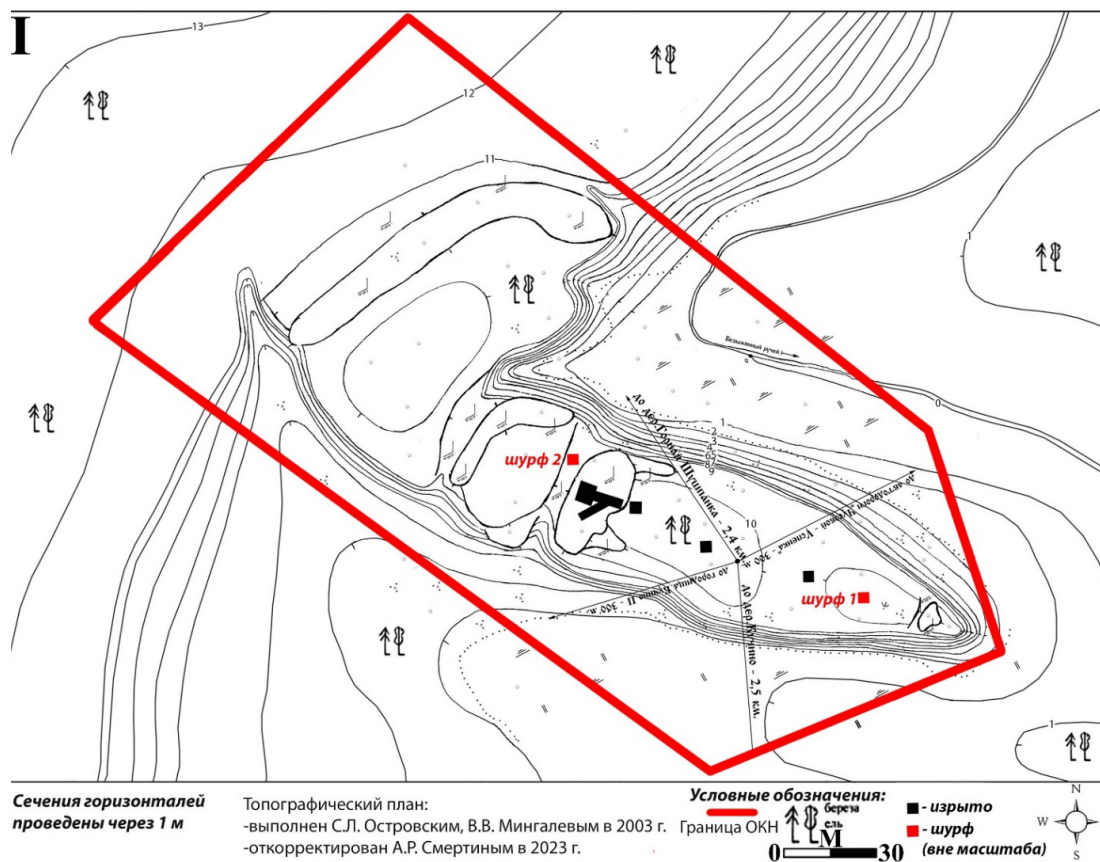

Рис. 1. Кучино I (Колокольня), городище: I – топографический план;
II – артефакты; III – стратиграфия: 1–6 – фрагменты глиняных сосудов;
7–19 – глиняные шарики; 20 – кресальный кремль; 21 – кость животного;
22–24 – фрагменты железных предметов; 25 – металлургический шлак

УДК 902.2

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-72-81

Н.С. Батуева¹, И.С. Голдобин¹, Л.И. Ханова¹**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО
ПОСЕЛЕНИЯ ДРАЧЁВО II В 2023 г.***¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

В работе представлены итоги полевых исследований поселения Драчёво II. Поселение Драчёво II было открыто в 2000 г. Первые археологические работы были проведены в 2001 г., однако их материалы и отчёт были утрачены. В 2023 г. были проведены раскопки памятника на 60 м². В результате был обнаружен значительный археологический материал – керамика, каменные и костяные изделия, а также кости животных и фрагмент лопатки человека. Камеральные и лабораторные исследования позволили отнести время заселения памятника к эпохе эппалеолита – раннего железного века.

Ключевые слова: эппалеолит, ранний железный век, Среднее Прикамье.

N.S. Batueva¹, I.S. Goldobin¹, L.I. Khanova¹**ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE MULTILAYER SETTLEMENT
OF DRACHEVO II IN 2023**¹Perm State University of Humanities and Pedagogy, Perm, Russian Federation

The paper presents the results of research into the settlement of Drachevo II. The Drachevo II settlement was discovered in 2000. The first field studies were carried out in 2001, but their materials and report were lost. In 2023, excavations of the monument were carried out on 60 sq. m. As a result, significant archaeological material was discovered – ceramics, stone and bone items, as well as animal bones and a fragment of a human scapula. Desk and laboratory studies made it possible to attribute the time of settlement of the monument to the Epipaleolithic era – the Early Iron Age.

Keywords: Epipaleolithic, Early Iron Age, Middle Kama region.

Введение

Поселение Драчёво II было открыто в 2000 г. сотрудниками Камской экспедиции Пермского университета А.Ф. Мельничуком и П.А. Корчагиным. Памятник находится в Осинском городском округе Пермского края.

В 2023 г. отрядом КАЭЭ ПГГПУ совместно с ПРОО «Археологи Прикамья» под руководством Н.С. Батуевой были проведены раскопки на площади 60 м² в северной части памятника [Батуева, 2023]. В результате исследований было обнаружено, что памятник сильно разрушается береговой эрозией с западной стороны, обрывом в его северной части. В центральной части раскопа, тяго-

© Батуева Н.С., Голдобин И.С., Ханова Л.И., 2024

* Работа проведена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-68-10023 (<https://rscf.ru/project/23-68-10023>).

теющей к западной его стороне, было зафиксировано разрушение слоя, связанное с существовавшей в XX в. столярной мастерской (со слов жителей поселка) на территории памятника. Кроме этого, в северной части раскопа был зафиксирован пёстро окрашенный слой (от светло-рыжих до тёмно-серых цветов), образовавшийся в результате скользящего сползания грунтовых масс, из-за искусственно образованного оврага с северной стороны раскопа. Таким образом, полевые исследования не позволили зафиксировать какие-либо очертания построек, связанных со временем функционирования поселения.

Материальная культура

Коллекция артефактов, обнаруженных при полевых исследованиях, состоит из 1 644 предметов и остеологического материала.

Каменные предметы были представлены 166 образцами, при этом основную массу находок составляют отходы производства (сколы) (68 экз. / 41 %) и обломки орудий (58 экз. / 34,5 %). Среди находок выделяются уникальные: отбойники и их фрагменты (14 экз. / 8,3 %), песты-тёрочки (7 экз. / 4,2 %), пластины (4 экз. / 2,4 %), фрагменты абразивов (3 экз. / 1,8 %), фрагменты молота (?) (2 экз. / 1,2 %).

Большинство находок изготовлено из кварцита серых оттенков, также присутствует группа артефактов, изготовленных из алевролита, песчаника, кремня, кварцитопесчаника, андезита.

Песты-тёрочки представлены небольшой серией из пяти целых и двух фрагментов орудий, изготовленных из кварцита серого, коричневого и бежевого цветов (рис. 1). Для исследования отобрано 4 экземпляра с ярко выраженными следами сработанности (табл. 1).

Таблица 1

Песты-тёрочки

Пест-тёрочник	Сырьё	Оттенок	Форма	Размер, мм	Рабочие поверхности
1	Кварцит	Серый	Продолговато-трапециевидная	132 × 82 × 62	Ярко выраженные: 3 и 4 грани по боковым сторонам, по одной большой полой площадке с каждой стороны
2	Кварцит	Коричневый	Продолговато-трапециевидная	133 × 73 × 63	Стёртые: 1 и 2 грани по боковым сторонам орудия имеют одинаковую (по размерам) поверхность и выпуклую часть посередине
3	Кварцит	Бежевый	Трапециевидная	112 × 97 × 63	2 грани: одна выпуклая, другая – выемчатая. С другой боковой стороны орудие скололось
4	Кварцит	Коричневый	Продолговато-овальная	146 × 60 × 73	2 стёртые площадки по боковым частям, различающиеся размерами

При сравнении описанных орудий можно выделить черты сходств и различий:

1) 3 из 5 пестов-тёрочников имеют заглаженные рабочие поверхности по боковым частям орудий, четвертый же имеет одну по причине скола рабочей поверхности с другой стороны, последний не имеет особенно выделенных рабочих поверхностей;

2) 3 из 5 орудий имеют по 1–2 грани на рабочих поверхностях;

3) размеры и форма у трех экземпляров схожие: они продолговато-трапециевидные или овальные, что даёт удобство для того, чтобы держать их в руке, а четвертое орудие более круглое и плоское. В длину более крупные орудия свыше 133 мм, в толщину примерно 62–70 мм. А вот ширина значительно различается у всех объектов: от 60 до 97 мм. Последний пест-тёрочник имеет маленькие размеры;

4) цвет у 4 из 5 найденных пестов-тёрочников преобладает коричневый и серый, основным материалом для изготовления являлся кварцит.

Интересными находками стали отбойники (рис. 2). Орудия представлены 2 целыми и 12 фрагментами орудий [Ханова, Батуева, 2024, с. 137–140].

На целом отбойнике из бурого кварцита, имеющем размеры $138 \times 63 \times 53$ мм, отмечаются 2 рабочие поверхности по боковым сторонам орудия. Орудие имеет продолговато-конусовидную форму.

Второй целый отбойник из серого кварцита имеет продолговато-трапециевидную форму и относительно небольшие размеры – $79 \times 36 \times 39$ мм. С одной боковой части имеет рабочую поверхность со следами сработанности.

Сравнение орудий приводит к следующим выводам:

1) орудия сделаны в основном из кварцита коричневых цветов;

2) размеры целых отбойников значительно различаются: от 79 до 138 мм в длину, от 36 до 63 мм в ширину и от 39 до 53 мм в толщину.

Пластины представлены 4 экземплярами. Пластины в основном были изготовлены из алевролита, кроме одной, выполненной из кварцитопесчаника. Основным цветом является тёмно-серый, лишь одно орудие выполнено из материала светло-коричневого оттенка. Размеры пластин имеют сильное различие: от 16 до 63 мм в длину, от 9 до 27 мм в ширину и от 3 до 16 мм в толщину. Стоит отметить, что на одной из пластин была зафиксирована вентральная ретушь.

Для сравнения были взяты пластины со стоянок, относящихся к позднему палеолиту Пермского Предуралья, в том числе и с поселения Драчёво I [Павлов, 2022, с. 11–33]. Чертами сходства являются вентральная ретушь, а также размеры пластин – на большинстве памятников данной эпохи заготовками для изготовления орудий чаще всего были узкие и средние пластины шириной 6–15 мм. Данные сравнения дают возможность полагать, что пластины, найденные на поселении Драчёво II, относятся к эпохе позднего палеолита.

Уникальными находками стали два фрагмента от молота (?) [Ханова, Батуева, 2024, с. 137–140].

Керамический материал, обнаруженный на памятнике при исследованиях в 2023 г., представлен чаще неорнаментированными фрагментами сосудов – примерно 15 % являются информативными (орнаментированными фрагментами или венчиками). Информативные фрагменты были подвергнуты типологическому анализу, благодаря которому было выделено 65 сосудов.

Всего в коллекции удалось выделить 32 профилированных сосуда и 7 непрофилированных сосудов. К сожалению, остальные венчики оказались малоинформативны. Выделяются сосуды, имеющие ребро на внутренней стороне стенки сосуда и на внешней стороне (рис. 3: 6; 4: 1). Толщина стенок большинства сосудов не превышает 0,7 см (77 %), в основном это фрагменты с толщиной стенок в диапазоне 0,4–0,5 см – 17 шт. / 26 %; 0,5–0,6 см – 8 шт. / 12 %; 0,6–0,7 см – 11 шт. / 17 %. Цвет посуды представлен оттенками серого, песочного и коричневого. По форме выделяются следующие типы торцов венчиков: округлые (40 %), уплощённые (32 %), приострѐнные (6 %); также встречаются торцы грибовидной формы: симметричной (1,5 %), внутренне симметричной (1,5 %) и внешне симметричной (6 %) [Горюнова, Савельев, 1981, с. 122–123].

Выделенные сосуды часто не имели орнаментацию – 41 % (рис. 3; табл. 2). Больше четверти сосудов (28 %) украшено насечками (рис. 4: 4, 6, 8): на 14 сосудах насечки нанесены по торцу венчика; на 3 сосудах – по внешнему краю и на 1 – по внутреннему. Реже встречается орнаментация ямочными вдавлениями – 10 сосудов (15 %) (рис. 3: 3; 4: 3): на 5 сосудах орнаментация ямочными вдавлениями встречается только по торцу венчика; 2 сосуда орнаментированы ямочками по внутренней стороне венчика; на 2 сосудах орнаментация ямочками встречается на внешних поверхностях стенок сосудов; 1 сосуд орнаментирован ямочными вдавлениями, переходящими с внешней стороны стенки на торец венчика. Остальные элементы орнамента встречаются значительно реже. Орнаментация сосудов достаточно бедная; сложные мотивы узоров встречаются крайне редко.

Таблица 2

Орнамент керамики поселения Драчёво II

Встречаемые элементы орнаментации	Количество, шт.	Процент от общего кол-ва сосудов, %
Ямочки	10	15
Насечки	18	28
Оттиски зубчатого/гребенчатого штампа	5	8
Шнуровой/ложношнуровой (?)	3	5
Вдавления	2	3
Резные элементы (без учёта насечек)	4	6
Без орнамента	27	41
ВСЕГО:	65	100

Поверхность исследованных сосудов обработана с использованием 3 приёмов безгрунтовочной обработки поверхности – заглаживанием, бороздчатым заглаживанием и лощением [Цетлин, 2012, с. 98, рис. 34]. Приёмом лощения обработаны поверхности 4 сосудов: 2 сосуда имеют лёгкое лощение в области венчика, на поверхности двух других сосудов лощение использовано при обработке внутренней стороны стенок. Оставшуюся часть коллекции составляют сосуды, поверхность которых обработана с помощью бороздчатого заглаживания (43 сосуда / 61 %) (рис. 3: 4, 5; 4: 2, 5), реже – простого (20 сосудов / 31 %).

Костяные изделия представлены 4 фрагментами, 1 наконечником и амулетом из зуба.

Костяной наконечник с едва намеченным черенком, образованным за счёт незначительного количества срезов на одном из концов, с треугольным сечением (рис. 5: 1).

Амулет изготовлен из зуба крупного рогатого скота (рис. 5: 2).

Остеологический материал представлен мелкими кальцинированными костями. Анализ остеологического материала был выполнен инженером первой категории ИЭРиЖ УрО РАН К.Ю. Коноваловой и показал, что на территории памятника были обнаружены кости животных – свиньи, лошади, собаки, крупного рогатого и мелкого рогатого скота.

Кроме этого, была обнаружена кость человека, которая была проанализирована П.Р. Смертиным, аспирантом ПГГПУ. Результаты исследования показали, что была обнаружена лопатка. Лопатка (левая) принадлежит взрослому человеку молодого возраста, не старше Maturus I – 35–45 лет. Кость разрушена и представлена одним фрагментом с сохранившейся суставной впадиной, основанием клювовидного отростка и акромиона. В целом данный фрагмент кости человека мы можем признать малоинформативным. Перспективно его изучение на молекулярном уровне.

Датировка памятника (его верхних слоев) была получена по керамике. АМС показал, что памятник можно отнести к III–IV вв. н. э.

Заключение

При первых полевых исследованиях, проведённых в 2000 г., поселение Драчёво II было отнесено к позднему этапу бронзового века. Однако исследования 2023 г. показали, что памятник является многослойным. Нижние слои можно отнести к периоду эппалеолита, что аргументируется находками пластин, соотносящихся с находками данного периода соседствующего памятника – Драчёво I, поселение. Выше идут слои, относящиеся к раннему железному веку. Обнаруженные материалы на поселении Драчёво II представлены каменными артефактами, изготовленными в основном из кварцита. Большую часть находок составляют отходы производства и обломки орудий, но также имеются уникальные находки – песты-тёрочки, отбойники, фрагменты молота (?). При исследовании керамической коллекции поселения Драчёво II было замечено сходство с образ-

цами Осинского городища, по материалам которого В.Ф. Генингом выделялась осинская культура, синхронная гляденовской. В коллекции материалов Осинского городища преобладали сосуды, толщина которых составляла 0,5–0,6 см. Преобладали сосуды с уплощённой формой венчика (48,5 %), реже встречались сосуды с округлой формой венчика и изредка встречались утолщённые и заострённые венчики. Орнаментацию сосудов В.Ф. Генинг описывал следующим образом: «Орнаментация посуды из городища крайне бедная. Чаще встречается орнамент по венчику сосуда (35 %). Здесь преобладают резные узоры в виде насечки или по верхнему срезу с наклоном вправо, реже влево, прямо или с чередованием наклона, или по краю – наружному или внутреннему и единично с обеих сторон. Орнамент, нанесённый гребенчатым штампом по верхнему срезу с наклоном вправо или влево или в виде ёлочка, встречается сравнительно редко, так же как и ямочные вдавления» [Генинг, 1959, с. 187]. Проблематика выделения осинской культуры поднималась такими исследователями, как В.А. Оборин [Оборин, 1964] и Ю.А. Поляков [Поляков, 1967], которые в противовес В.Ф. Генингу относили осинские памятники к локальной группе гляденовской культуры. Кроме этого, данный вопрос был затронут Р.Д. Голдиной [Голдина, 2014, с. 28], которая отмечала, что выделение осинских памятников неслучайно, в связи с открытием и исследованиями новых памятников в бассейне р. Тулвы. Таким образом, нам кажется актуальным и далёким от решения вопрос о месте осинских памятников в системе распространения племён носителей гляденовских традиций.

Датировка поздней бронзой северной части памятника в настоящее время не подтверждается, так как нами был обнаружен только один венчик, относящийся к посуде этого периода. Вероятно, датировка может подтвердиться при продолжении раскопок памятника. В итоге хотелось бы отметить, что поселение Драчёво II на сегодняшний день имеет аварийное состояние – разрушена почти вся площадь памятника, для исследований доступен небольшой участок на разрушающейся береговой террасе, на которой ранее находились участки и постройки.

Библиографический список

1. Батуева Н.С. Отчёт о раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Драчёво II, поселение» в Осинском городском округе Пермского края. Пермь, 2023 // Архив МАЭ ПГГПУ.
2. Генинг В.Ф. Осинское городище // Отчёты К (В) АЭ. М., 1959. Вып. 1. С. 164–195.
3. Голдина Р.Д. В.Ф. Генинг и проблемы изучения гляденовско-пьяноборского времени в Приуралье // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 26–45.
4. Горюнова О.И., Савельев Н.А. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири //

Описание и анализ археологических источников: сб. науч. тр. / Иркут. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Иркутск: ИГУ, 1981. 135 с.

5. *Оборин В.А.* О связях племён Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // Археология и этнография Башкирии. Т. 2. Уфа, 1964. С. 130–135.

6. *Павлов П.Ю.* Палеолитические памятники Пермского Приуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья: учеб. пособие / А.М. Белавин [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. Н.Б. Крыласовой; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 2022. С. 11–33.

7. *Поляков Ю.А.* Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. № 148. Пермь, 1967. С. 197–215.

8. *Ханова Л.И., Батуева Н.С.* Каменная индустрия поселения Драчёво II // LVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (г. Уфа, 31 января – 2 февраля 2024 г.): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. И.И. Бахшиев, В.И. Мухаметдинов. Уфа: Самрау, 2024. С. 137–140.

9. *Цетлин Ю.Б.* Древняя керамика. Теории и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Сведения об авторах

Батуева Надежда Сергеевна, преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»; 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24; e-mail: nadiabat@yandex.ru

Голдобин Илья Сергеевич, студент 3-го курса исторического факультета, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»; 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24; e-mail: ilya-golddd@mail.ru

Ханова Лилиана Ильсуровна, студентка 4-го курса исторического факультета, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»; 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24; e-mail: Khanova02@bk.ru

Batueva Nadezhda Sergeevna, lecturer of the Department of National and Universal History, Archeology, Perm State University of Humanities and Pedagogy, Perm, Russia, e-mail: nadiabat@yandex.ru

Goldobin Ilya Sergeevich, 3th year Student of Historical Faculty, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, e-mail: ilya-golddd@mail.ru

Khanova Liliana Ilsurovna, 4th year Student of Historical Faculty, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, e-mail: Khanova02@bk.ru

Рис. 1. Песты-тёрочки. Драчёво II, поселение

Рис. 2. Отбойник. Драчёво II, поселение

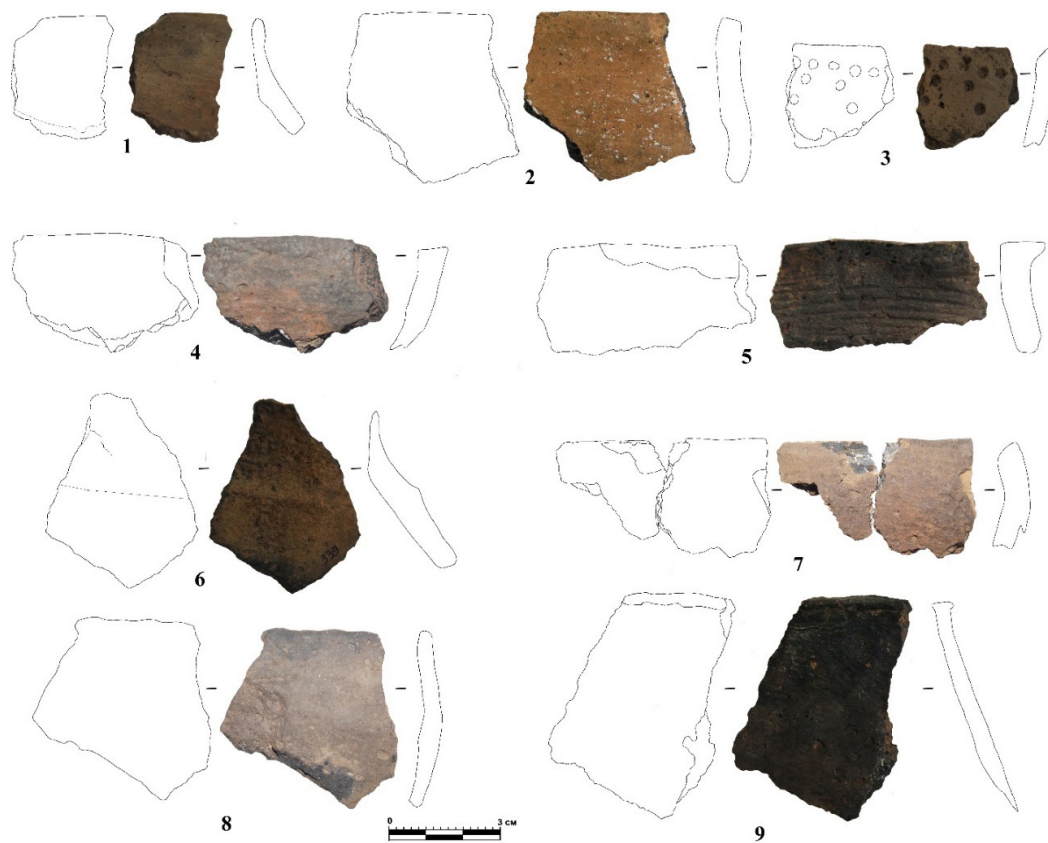

Рис. 3. Керамика. Драчёво II, поселение

Рис. 4. Керамика. Драчёво II, поселение

Рис. 5. Наконечник и амулет. Драчёво II, поселение

УДК 902/903

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-82-92

Е.Л. Лычагина^{1, 2}**ШЛИФОВАННЫЕ ОРУДИЯ ГАРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО II)***¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация²Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация

Приводятся результаты типологического анализа шлифованных орудий со стоянки Чашкинское Озеро II. Памятник исследовался автором статьи в 2021–2022 гг. В результате было изучено два жилища гаринской энеолитической культуры.

Коллекция шлифованных изделий состоит из 75 предметов. Основным сырьём для изготовления орудий служил хлоритовый сланец. Ведущими категориями орудий были топоры, тёсла и стамески. Остальные категории орудий (ножи, наконечники) представлены единичными формами. При выделении основных типов учитывалась форма орудия, при выделении подтипов – форма лезвия. У тёсел также выделялись варианты на основе отсутствия или наличия желобка. Для памятника характерны орудия трапецевидной и прямоугольной формы с дугообразным и прямым лезвием.

Подобное соотношение характерно и для других энеолитических поселений региона. Схожая картина наблюдается в Нижнем Прикамье и Камско-Вятском междуречье.

Особенностью стоянки является наличие большой группы стамесок, которые использовались для тонкой работы и окончательной отделки изделий. Комплекс шлифованных орудий со стоянки Чашкинское Озеро II может рассматриваться в качестве типичного для гаринской энеолитической культуры.

Ключевые слова: энеолит, гаринская культура, Верхнее Прикамье, топоры, тёсла, стамески.

E.L. Lychagina^{1, 2}**POLISHED TOOLS OF THE GARINO CULTURE
(BASED ON MATERIALS FROM THE CHASHKINSKOE OZERO II SITE)**¹Perm State Humanitarian Pedagogical University¹, Perm, Russian Federation²Perm State University, Perm, Russian Federation

The article presents the results of a typological analysis of polished tools from the Chashkinskoye Ozero II site. The site was studied by the author of the article in 2021–2022. As a result, two dwellings of the Garino culture were studied.

The collection of polished products consists of 75 items. The main raw material for the manufacture of tools was chlorite slate. The leading categories of tools were axes, adzes and chisels. The remaining categories of tools (knives, arrowheads) are represented by single forms. When identifying the main

© Лычагина Е.Л., 2024

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-68-10023 (<https://rscf.ru/project/23-68-10023>).

types, the shape of the tool was taken into account; when identifying subtypes, the shape of the blade was taken into account. Adzes also had options based on the absence or presence of a groove. The site is characterized by trapezoidal and rectangular-shaped tools with an arched and straight blade.

A similar ratio is typical for other Chalcolithic settlements in the region. A similar picture is observed in the Lower Kama region and the Kama-Vyatka interfluvium.

A special feature of the site is the presence of a large group of chisels, which were used for fine work and final finishing of products. The complex of polished tools from the Chashkinskoye Ozero II site can be considered typical of the Garino Chalcolithic culture.

Keywords: Chalcolithic, Garinskaya culture, Upper Kama region, axes, adzes, chisels.

Введение

Широкое распространение изделий, обработанных с помощью техники шлифования, является характерной чертой энеолитических культур лесной полосы. Не исключение и гаринская энеолитическая культура, распространённая на территории Прикамья [Лычагина, 2022, с. 71]. Практически на всех памятниках данной культуры изучены представительные и разнообразные коллекции шлифованных изделий, напр.: [Бадер, 1961а].

О том, что изготовление подобных предметов происходило непосредственно на поселениях, свидетельствуют находки отдельностей сырья, шлифовальных плит и оселков, заготовок с частичной пришлифовкой. Примером памятника, на котором происходило изготовление шлифованных орудий, является стоянка Чашкинское Озеро II. Подробное описание комплекса по изготовлению шлифованных орудий было дано ранее [Лычагина, Брюхова, 2022, с. 34–41].

Цель данной статьи – охарактеризовать основные типы шлифованных орудий, выявленные на стоянке Чашкинское Озеро II.

Стоянка расположена в 10 км к северо-западу от центра г. Березники, в 1,5 км к северо-востоку от железнодорожного разъезда «9-й км» и в 0,8 км к северу от Бабушкиного хутора на восточном берегу Чашкинского озера. Памятник находится на низком (1–2 м) песчаном берегу (частично разрушенная Камским водохранилищем пойменная грива) (рис. 1).

Памятник был открыт в 1977 г. А.Ф. Мельничуком. В ходе осмотра территории стоянки тем же исследователем в 1978 г. на памятнике были выявлены следы трёх углублённых жилищ, два из которых были соединены переходом [Археологические памятники ... , 2014, с. 73]. В 2021–2022 гг. Е.Л. Лычагиной были проведены раскопки двух соединённых друг с другом жилищ. В результате этих раскопок как в пределах построек, так и вне их было выявлено значительное количество шлифованных изделий – 75 предметов (рис. 2–3).

Результаты исследования

Прежде чем перейти к характеристике основных типов орудий труда, необходимо остановиться на сырье, которое использовалось для их изготовления. Самым популярным материалом был сланец – 57 экз. (76 %). Преобладал сланец хлоритовых оттенков – 43 экз. (75,5 % от всех изделий из сланца). Также применялся бежевый – 10 экз. (17,5 %), и серый материал – 4 экз. (7 %). Стоит отме-

тить, что использование хлоритового сланца для изготовления шлифованных орудий типично для гаринской культуры.

Сырьём также служили: долерит серый и хлоритовый – 7 экз. (9,5 %), серо-зелёный габбро – 5 экз. (6,5 %), серый и хлоритовый серпентинит – 4 экз. (5 %). По одному орудью было изготовлено из песчаника и алеврита.

Больше половины предметов со следами шлифования представлены отщепами и сколами со шлифованных орудий – 23 экз., и обломками изделий – 17 экз. Из них 3 являются обушковыми частями крупных орудий – топоров или тёсел. В поперечном сечении они имеют прямоугольную или полуовальную форму, в продольном – треугольную и полуовальную. Ещё 8 предметов относятся к средним частям орудий. Так как рабочая поверхность отсутствует, то определить функцию этих изделий затруднительно. Оставшиеся 6 предметов представляют собой боковые поверхности (рёбра) орудий. Одно из них, самое массивное из серо-зелёного габбро, скорее всего, является обломком топора. Функция остальных обломков не определима.

К целым орудиям и достоверно определяемым фрагментам относится 35 изделий. Среди них выделяются: топоры, тёсла, стамески, ножи и наконечник стрелы. При выделении основных типов топоров, тёсел и стамесок учитывалась форма орудия (тип 1 – прямоугольная, тип 2 – трапециевидная или треугольная), при выделении подтипов – форма лезвия (1 – дуговидное, 2 – прямое). У тесел также выделялись варианты на основе отсутствия (1) или наличия (2) желобка.

Топоры – 4 экз. (3 целых, 1 определимый фрагмент). К подтипу 1.2 относится фрагмент крупного орудия прямоугольной формы с прямым лезвием и четырёхугольным поперечным профилем. Остальные топоры относятся ко второму типу. К подтипу 2.1 отнесены два небольших топорика, длина которых не превышает 5 см. Оба орудия имеют трапециевидную форму, дуговидный рабочий край, симметричное линзовидное поперечное сечение (рис. 1: 2–3). Лезвие одного из орудий частично сломано, имеет следы переоформления. Возможно, изначально орудие было несколько больших размеров.

Наконец, к подтипу 2.2 относится крупное орудие трапециевидной формы, поперечный профиль симметричный, шестиугольный, лезвие прямое, частично сломано (рис. 1: 1). Его размеры: 142 × 69 × 16 мм.

Самые многочисленные группы орудий – тёсла и стамески. Их функции схожи, но стамески имеют более миниатюрные размеры, они предназначались для мелких и более тонких работ – окончательной отделки изделий. К стамескам были отнесены изделия, чья толщина не превышает 5 мм, а лезвие – 20 мм.

Тёсла – 13 экз. Представлены 7 целыми орудиями, 4 определимыми фрагментами и 2 заготовками. Выделяется 2 типа орудий, 2 подтипа и 2 варианта.

Тип 1.1.1 – орудия прямоугольной формы с дуговидным лезвием со скруглёнными краями без желобка (рис. 1: 5). К нему относится 3 предмета. Тип 1.2.1 (1 экз.) – орудие прямоугольной формы с прямым лезвием и прямыми краями без

желобка (рис. 1: 6). В отдельный вариант 1.2.2 выделено желобчатое тесло (рис. 1: 7). Оно имеет пятигранный профиль в обушковой части, лезвие и желобок тщательно (до блеска) отшлифованы, лезвие прямое. Его размеры: $52 \times 18 \times 14$ мм.

Тип 2.1.1 – изделия трапецевидной формы с дуговидным лезвием со скруглёнными краями без желобка (рис. 1: 8–10). К этому типу относится 3 предмета. К варианту 2.1.2 принадлежит фрагмент трапецевидного желобчатого тесла с дуговидным лезвием (рис. 1: 12). Наконец, к типу 2.2.1 относятся 2 тесла трапецевидной формы с прямым лезвием без желобка (рис. 1: 11).

Основная группа орудий имеет длину 35–50 мм, в то время как размер рабочего края варьирует в пределах 15–48 мм при толщине 6–14 мм.

Стамески – 14 экз. Представлены 10 целыми орудиями, 3 отщепами и обломками, сохранившими часть лезвия (что позволило отнести их к данной группе), 1 заготовкой. Целые орудия по форме делятся на 2 типа и 2 варианта. К типу 1.1 принадлежат 4 изделия. Все они имеют прямоугольную форму, дуговидное лезвие со скруглёнными краями (рис. 2: 1–4). Ко второму типу относятся орудия трапецевидной и треугольной формы. Среди них выделяется 2 подтипа. Подтип 2.1 (4 экз.) имеет, как и орудия типа 1, дуговидное лезвие со скруглёнными краями (рис. 2: 5–8). Для подтипа 2.2 (2 экз.) характерно прямое лезвие и края (рис. 2: 9–10).

Размеры всех целых орудий варьируют в следующих пределах: длина – 24–42 мм, ширина лезвий – 9–20 мм, толщина – 2–5 мм. Несмотря на наличие определённых различий по форме изделий, данная группа выглядит достаточно однородной. Из общей картины выбивается только длинное и узкое прямоугольное изделие, по форме напоминающее долото, но не имеющее следов использования в качестве инструмента для долбления (рис. 2: 1).

Ножи – 3 экз. Делятся на 2 типа по характеру заготовки. К первому относится нож на трапецевидной заготовке из хлоритового серпентинита с тщательной шлифовкой всей поверхности изделия (рис. 2: 11). Рабочее лезвие чуть вогнуто, находится на продольной стороне орудия, параллельно рукоятке. Его размеры: $37 \times 23 \times 3$ мм.

Ко второму типу принадлежат 2 ножа, изготовленных на пластинчатых отщепе, сколотых с шлифованных орудий. Рабочие лезвия расположены на боковых сторонах заготовок и несут следы ретуши утилизации поверх шлифованной поверхности. Строго говоря, они не могут считаться собственно шлифованными орудиями. В данном случае речь идёт о вторичном использовании фрагментов шлифованных изделий.

Единственным экземпляром представлен наконечник стрелы (рис. 2: 12). Он трехгранный (в поперечном сечении треугольный), тщательно отшлифован по всем сторонам. Его размеры: $40 \times 11 \times 7$ мм.

Обсуждение результатов

Ближайшие аналогии описанным типам орудий можно найти на памятниках гаринской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье. В частности, небольшие топоры трапециевидной формы с дуговидным лезвием известны на стоянке Кама-Жулановская II [Соколова, 1960, с. 107, рис. 10: 4], поселении Забойное I [Бадер, 1959б, с. 47, рис. 20: 9] и др. Крупные топоры трапециевидной и прямоугольной формы с прямым сильно сбитым лезвием были найдены на поселении Забойное I [Бадер, 1959б, с. 56, рис. 28: 15], поселении Бор I [Бадер, 1961а, с. 46, рис. 20: 1–2, 4], стоянке Кама-Жулановская II [Соколова, 1960, с. 109, рис. 11: 1]. Как и на стоянке Чашкинское Озеро II, для изготовления топоров использовался серо-зелёный габбро, долерит и сланец разных цветовых оттенков (в том числе хлоритовый).

Самыми распространёнными шлифованными орудиями на энеолитических памятниках Прикамья являются короткие тёсла трапециевидной и прямоугольной формы без желобка с дуговидным или прямым лезвием. Они известны на поселении Забойное I [Бадер, 1959б, с. 40, рис. 15: 12–13; с. 54, рис. 26: 4], поселении Астраханцевское [Бадер, 1959в, с. 105, рис. 14: 1–2], поселении Камский Бор II [Ширинкина, 1960, с. 93, рис. 7: 1], стоянке Кама-Жулановская II [Соколова, 1960, с. 107, рис. 10: 6–7], поселении Бор I [Бадер, 1961а, с. 65, рис. 34: 5–6, 10], поселении Бор V [Бадер, 1961а, с. 96, рис. 60: 12; с. 99, рис. 65: 9–10], поселении Ольховское [Бадер, 1961а, с. 145, рис. 98: 6], поселении Басенький Борок [Бадер, 1961а, с. 155, рис. 107: 14–15] и др. Основным сырьем для их изготовления служил хлоритовый сланец.

Желобчатые тёсла были найдены на поселении Бор I [Бадер, 1961а, с. 47, рис. 21: 8, 10], поселении Смолокуренное [Бадер, 1961а, с. 163, рис. 117: 9], Новоильинском I поселении [Бадер, 1959а, с. 18, рис. 11: 1–2], поселении Тюремка I [Бадер, 1961б, с. 224, рис. 84] и др. Некоторые из изделий подобного типа с узким лезвием трактуются исследователями как желобчатые долота.

Стамески в отдельную категорию шлифованных орудий не выделялись исследователями, работавшими в середине прошлого столетия. Обычно они трактовались как миниатюрные долота или долотца. При этом подчёркивалось их отличие от тёсел. Судя по описаниям и иллюстрациям, данной категории орудий соответствуют изделия с поселения Забойное I [Бадер, 1959б, с. 40, рис. 15: 14], поселения Камский Бор II [Ширинкина, 1960, с. 93, рис. 7: 2], стоянки Кама-Жулановская II [Соколова, 1960, с. 107, рис. 10: 9], поселения Бор I [Бадер, 1961а, с. 47, рис. 21: 4; с. 65, рис. 34: 7–8], поселения Басенький Борок [Бадер, 1961а, с. 155, рис. 107: 13] и др. Основным материалом для их изготовления служил хлоритовый сланец.

Шлифованные ножи на энеолитических памятниках Верхнего и Среднего Прикамья представлены единичными находками. Очень часто речь идёт об обломках лезвий и фрагментах орудий. Основным материалом для их изготовления

служил хлоритовый сланец. Ближайшие аналогии шлифованному ножу со стоянки Чашкинское Озеро II можно найти в материалах поселения Забойное I [Бадер, 1959б, с. 47, рис. 20: 7], поселения Бор V [Бадер, 1961а, с. 99, рис. 66: 9], поселения Бойцовское I [Бадер, 1961б, с. 128, рис. 12: 9]. Ножи на отщепах и сколах со шлифованных орудий известны на стоянке Кама-Жулановская II [Соколова, 1960, с. 107, рис. 10: 10], поселении Басенький Борок [Бадер, 1961а, с. 155, рис. 107: 8–10], поселении Тюремка IV [Бадер, 1961б, с. 256, рис. 107: 16–17].

Ещё более редкой находкой являются шлифованные наконечники стрел. Их небольшая коллекция (3 экз.) изучена на поселении Боровое Озеро VI, но все они представлены листовидными формами [Бадер, 1961а, с. 116, рис. 79: 5]. Таким образом, аналогий найденному на стоянке Чашкинское Озеро II трехгранному наконечнику на территории Верхнего и Среднего Прикамья не найдено.

Приведённый обзор показал, что большинство шлифованных орудий, найденных на памятнике, имеет широкий круг аналогий на территории Верхнего и Среднего Прикамья.

Аналогичные формы орудий известны и на территории Нижнего Прикамья. В частности, желобчатые тёсла найдены на Игимской стоянке, трапециевидные тёсла – на Игимской и Русско-Азибейской III стоянке [Мельничук, Шипилов, 2021, с. 202, рис. 7: 23; с. 203, рис. 8: 11–12].

В Камско-Вятском междуречье на энеолитических поселениях родственной гаринской юртиковской культуры известны находки небольших топориков трапециевидной формы, прямоугольных и трапециевидных тёсел, желобчатых тёсел/долот и стамесок [Ошибкина, 1980, с. 54, рис. 1–3, 6; Наговицин, 1987, с. 55, рис. 7: 6–9; с. 66, рис. 12: 6, 9–11].

На территории крайнего северо-востока Европы в рамках ещё одной родственной гаринской культуре – чойновтинской, шлифованные орудия встречаются эпизодически. Можно отметить небольшой трапециевидный топорик с поселения Угдым I и обломок ещё одного рубящего орудия на Шиховском II поселении [Карманов, 2021, с. 227, рис. 4: 9; с. 228, рис. 5: 18]. Возможно, это связано с тем, что на территории Верхнего и Среднего Прикамья мы имеем дело с долговременными жилищами, для строительства и функционирования которых был необходим большой набор орудий для обработки дерева. В то время как в более северных районах мы сталкиваемся с сезонными постройками, при покидании которых все значимые орудия труда уносились с собой.

Заключение

Наличие крупных и разнообразных комплексов шлифованных орудий является характерной чертой поселений гаринской культуры. Основным сырьём для их изготовления служил хлоритовый сланец, долерит и серо-зелёный габбро. Все сырьё имеет местное происхождение [Старков, 1960, с. 72–79].

В качестве ведущих форм орудий на стоянке Чашкинское Озеро II выступали изделия, которые применялись для обработки дерева – топоры, тёсла,

стамески. Выборочный трасологический анализ подтвердил, что типологические тёсла и стамески использовались для обработки дерева. Остальные категории орудий (ножи, наконечники) представлены единичными формами.

Подобное соотношение характерно и для других энеолитических поселений региона. Схожая картина наблюдается в Нижнем Прикамье и Камско-Вятском междуречье, где в качестве ведущих форм шлифованных орудий выступают короткие трапецевидные и прямоугольные тёсла и небольшие топоры той же формы.

К особенностям комплекса шлифованных изделий стоянки Чашкинское Озеро II можно отнести то, что самую большую группу орудий составили небольшие стамески прямоугольной и трапецевидной формы, размер лезвия которых не превышает 20 мм. На сегодняшний день это наиболее многочисленная коллекция предметов данного типа, изученная на одном памятнике. Возможно, это связано с тем, что раньше данной категории орудий не уделялось должное внимание и часть изделий (особенно фрагментов орудий) оказалась вне поля зрения исследователей.

Тем не менее комплекс шлифованных орудий со стоянки Чашкинское Озеро II может рассматриваться в качестве типичного для гаринской энеолитической культуры.

Библиографический список

1. *Археологические памятники Чашкинского озера* / Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, А.М. Белавин, С.В. Скорнякова. Пермь: Изд-во ПГГПУ. 2014. 565 с.
2. *Бадер О.Н.* Астраханцевское поселение в устье Чусовой // Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1959в. С. 87–112.
3. *Бадер О.Н.* Новоильинское поселение // Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1959а. С. 6–24.
4. *Бадер О.Н.* Поселение Забойное I // Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1959б. С. 25–62.
5. *Бадер О.Н.* Поселение у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961б. С. 110–272.
6. *Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. М.: ИА АН СССР, 1961а. 200 с. (Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР. Ин-т археологии; № 99).
7. *Карманов В.Н.* Чойновтинская культура // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 222–235.

8. *Лычагина Е.Л.* Каменный инвентарь памятников гаринской культуры бассейна Верхней Камы (Чашкинский микрорегион) // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Т.М. Потёмкиной. Курган: КГУ, 2022. С. 69–71.

9. *Лычагина Е.Л., Брюхова Н.Г.* Комплекс по изготовлению шлифованных орудий со стоянки Чашкинское Озеро II // Труды КАЭЭ. Пермь: ПГГПУ, 2022. Вып. 21. С. 34–41.

10. *Мельничук А.Ф., Шипилов А.В.* Гаринская культура // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 195–207.

11. *Наговицин Л.А.* Поселения юртиковской культуры Усть-Лудяна II и Аркуль III на р. Вятка // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Изд-во НИИ при СМ Удм. АССР, 1987. С. 44–69.

12. *Ошибкина С.В.* Поселение Юртик. Результаты исследований // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки / отв. ред. С.В. Ошибкина. Ижевск: Изд-во НИИ при СМ Удм. АССР, 1980. С. 29–69.

13. *Соколова З.П.* Стоянка Кама-Жулановская II // Учёные записки Пермского университета / отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: Изд-во ПГУ, 1960. Т. 12. Вып. 1. Труды КАЭ. Вып. 3. С. 95–110.

14. *Старков Н.П.* Петрографическая характеристика каменных орудий Хуторской стоянки // Учёные записки Пермского университета / отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: Изд-во ПГУ, 1960. Т. 12. Вып. 1. Труды КАЭ. Вып. 3. С. 72–79.

15. *Ширинкина А.М.* Поселение Камский Бор II близ Оханска // Учёные записки Пермского университета / отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: Изд-во ПГУ, 1960. Т. 12. Вып. 1. Труды КАЭ. Вып. 3. С. 80–94.

Сведения об авторе

Лычагина Евгения Леонидовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»; профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»; 614042, Пермь, ул. Химградская, д. 3, кв. 25; e-mail: lychaginae@mail.ru

Lychagina Evgenia Leonidovna, doctor of historical sciences, professor of the chair of History and Archeology, Perm State University, professor of the chair of Domestic and World History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). Himgrad St, 3–25 Perm, RUSSIA. Zip/Postal: 614042, E-mail: lychaginae@mail.ru

Рис. 1. Месторасположение стоянки Чашкинское Озеро II в пределах Чашкинского микрорегиона

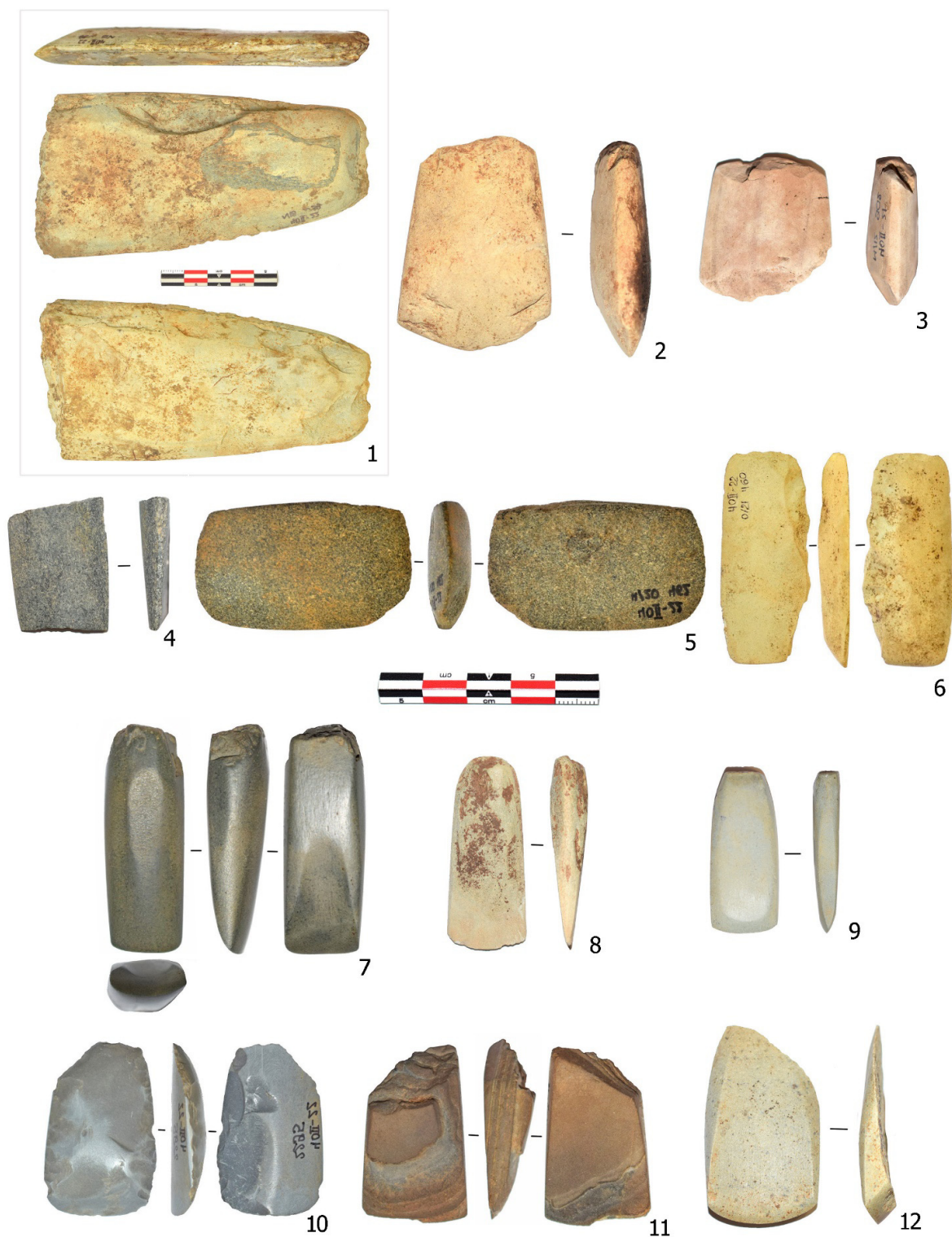

Рис. 2. Шлифованные орудия: 1–3 – топоры; 4–12 – тёсла

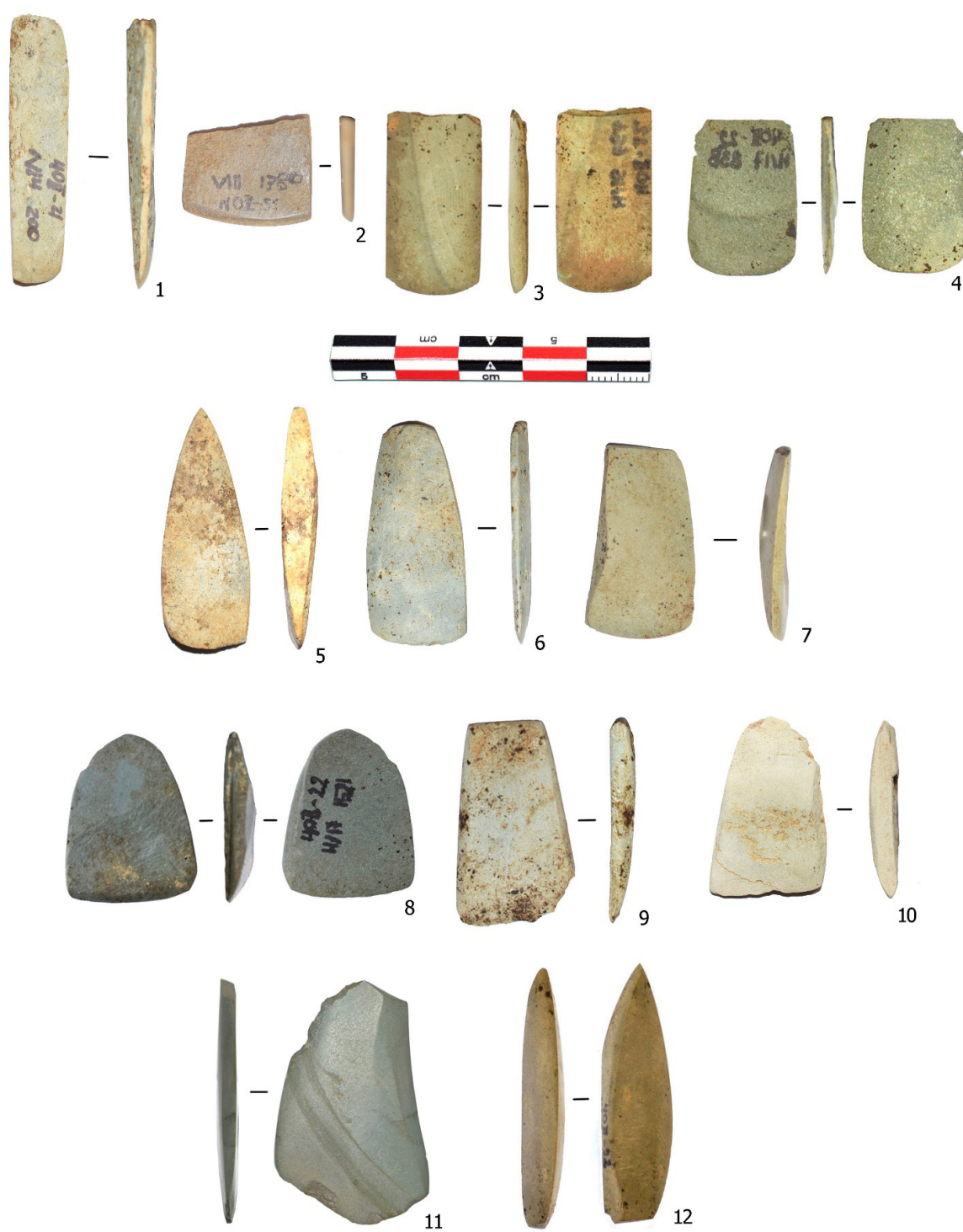

Рис. 3. Шлифованные орудия: 1–10 – стамески; 11 – нож; 12 – наконечник

УДК 903.222

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-93-101

А.А. Можаяева¹**НАКОНЕЧНИКИ С ПАМЯТНИКОВ БОРСКОЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ В ЧУСОВСКОМ ПРИКАМЬЕ
(К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ)**

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

Представлен анализ каменных наконечников с поселений борской культуры эпохи энеолита, расположенных в районе Чусовского Прикамья. Археологические раскопки борских комплексов происходили в период 1949–1954 гг. Одной из основных целей исследований являлось выявление стратиграфически чистых комплексов борского типа в Прикамье, направленное на хронологическое и культурное их отделение от других археологических культур. Культурно-хронологическими маркерами в таком случае могли выступать и наконечники. В результате исследования нами было проанализировано 33 экз. изделий. Для борских наконечников характерно преобладание широких орудий листовидных форм с округлым и усеченным прямым основанием. Редко встречаются изделия треугольных, ромбических и пятиугольных форм. Во второйичной обработке распространена сплошная бифасиальная ретушь. Вместе с тем имеются орудия на пластинах и отщепах, оформленные плоской краевой двусторонней ретушью. Применение типологического и сравнительного анализа гаринских и борских изделий, в их совокупности, позволило выделить отличительные признаки борских наконечников. Полученная в результате исследования информация требует дальнейшего понимания и осмысления.

Ключевые слова: каменные наконечники, типологический и сравнительный анализ, энеолит, борская культура, гаринская культура, Чусовское Прикамье.

A.A. Mozhaeva¹**ARROWS FROM SITES OF THE BORSKAYA CHALCOLITHIC CULTURE
IN THE CHUSOVSKY KAMA REGION (ON THE ISSUE OF DEVELOPING
A UNIVERSAL TYPOLOGY)**

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

The analysis of stone arrowheads from settlements of the Bor culture of the Chalcolithic era, located in the area of the Chusovsky Kama region, is presented. Archaeological excavations of the Bor complexes took place in the period 1949–1954. One of the main goals of the research was to identify stratigraphically pure complexes of the Bor type in the Kama region, aimed at their chronological and cultural separation from other archaeological cultures. The cultural and chronological markers in this case could be the arrows. As a result of the study, we analysed 33 items. The Borsky culture arrows are characterised by the prevalence of broad leaf-shaped implements with rounded and truncated straight bases. The items of triangular, rhombic and pentagonal shapes are rare. In secondary processing, continuous bifacial retouch is common. At the same time, arrows there are on plates and splinters decorated

with edge double-sided retouching. The application of typological and comparative analysis of the Garin and Bor arrows, in their totality, allowed us to identify the distinctive features of Borsky culture arrows. The information obtained as a result of the study requires further understanding and reflection.

Keywords: *stone arrows, typological and comparative analysis, Chalcolithic, Bor culture, Garin culture, Chusovskoe Kama region.*

Введение

Борская энеолитическая культура датируется концом IV тыс. – серединой III тыс. до н. э. [Лычагина, 2022, с. 91–92]. О.Н. Бадер отмечал, что материальная культура борских комплексов очень схожа с гаринскими. Но, несмотря на это, автор выделял характерные черты борских древностей [Бадер, 1961, с. 184]. В дальнейшем А.Ф. Мельничук обратил внимание на то, что материалы борских комплексов имеют яркое своеобразие, в основе которого могут лежать локальные особенности расположения этих памятников [Мельничук, 2021, с. 187]. Е.Л. Лычагина полагает, что локальный характер культуры основан на синтезе новоильинской и гаринской культур [Лычагина, 2022, с. 77]. А.Ф. Мельничук также придерживался мнения, что гаринское и новоильинское население имело некое влияние на борскую культуру, а близкие контакты между носителями гаринских и борских традиций в конечном итоге привели к ассимиляции борского населения гаринским [Мельничук, 2010, с. 50].

Для борской культуры характерны длинные прямоугольные дома-полуземлянки с нишами в стенах. Керамика представлена открытыми полуяйцевидными и небольшими котлообразными сосудами, в орнаментации которых преобладают различные гребенчатые узоры. В каменной индустрии прослеживаются неолитические черты. Для каменного инвентаря свойственна пластинчатая индустрия, среди орудий распространены ножи и скребки на пластинах, миндалевидные наконечники стрел, скребки на отщепах с подтёской брюшка, фигурные кремни. Сами борские комплексы выглядят более архаичными, чем гаринские [Бадер, 1961, с. 184–185].

Поселения борской культуры концентрируются в устье р. Чусовой и на южной и юго-западной окраине г. Перми [Мельничук, 2021, с. 194], большинство из них на данный момент затоплено водами Камского водохранилища. В связи с этим дальнейшее изучение борских комплексов весьма проблематично, а имеющиеся на текущий момент археологические материалы представляются нам по-настоящему уникальными для исследования.

В материальной культуре энеолитических поселений Среднего Предуралья типологически хорошо выделяются каменные наконечники. Проблема анализа наконечников эпохи энеолита поднималась автором не раз [Можаева, Лычагина, 2022; Можаева, 2023]. На данный момент нерешённым остаётся вопрос применения данной типологии для анализа не только гаринских, но и энеолитических наконечников в целом.

Стоит отметить, что для борских памятников, как и для неолитических, нехарактерно разнообразие и многочисленность наконечников [Мельничук, 1990, с. 100], которое свойственно для гаринских поселений. Вне зависимости от этого комплексы борской культуры занимают свое место в системе энеолитических культур Среднего Предуралья. Мы полагаем, что изучение такой категории, как борские наконечники, будет весьма полезным.

Целью данной работы является проверка правомерности применения предложенной типологии для анализа наконечников других энеолитических культур. Для достижения цели исследования были изучены наконечники борской энеолитической культуры. Помимо этого, в ходе работы был проведён сравнительный анализ гаринских и борских наконечников, который направлен на выявление отличительных признаков борских изделий.

Материалы и методы

Территория исследования охватывает район Чусовского Прикамья, источниковой базой послужили материалы поселений Боровое Озеро VI (5 экз.), Бор II (2 экз.), Бор III (1 экз.), Бор IV (3 экз.), Бор V (22 экз.).

Поселение Боровое Озеро VI было расположено на правом берегу р. Чусовой в 1,5–2 км к югу от д. Верхние Гари, на восточном берегу Борового Озера, на уступе песчаной боровой террасы. В результате археологических исследований в 1950 г., проведённых под руководством О.Н. Бадера, была собрана коллекция (3 336 предметов), из которой 12 экз. отнесены к наконечникам стрел [Бадер, 1951].

Стоянка Бор II находилась на первой надпойменной террасе в 1 км к югу от д. Верхние Гари, на правом берегу р. Чусовой, между её устьем и впадением р. Сылвы. Раскопки стоянки были проведены в 1949 г. под руководством М.А. Бадер и О.Н. Бадера. В ходе работ был получен археологический материал в количестве 6 745 экз., среди которых 43 экз. представлено наконечниками [Бадер, 1950].

Поселение Бор III было расположено на краю первой надпойменной террасы, идущей вдоль правого берега р. Чусовой, в 1 км к югу от д. Верхние Гари до острова Толстик вверх по р. Чусовой. Памятник был открыт в 1947 г. О.Н. Бадером, активное его изучение приходится на период с 1950–1951 гг. и 1953 г. К сожалению, в археологическом отчёте за 1951 г. не указано количество предметов материальной культуры, собранных в результате раскопок [Бадер, 1952].

Стоянка Бор IV находилась на расстоянии около 1,5 км к югу от д. Верхние Гари, на правом берегу р. Чусовой, в стороне от её русла. Памятник расположен на краю первой надпойменной террасы, прилегающей к широкой заболоченной пойме р. Чусовой. Раскопки стоянки были произведены в июле 1950 г. под руководством О.Н. Бадера. Материальная культура памятника представлена 3 409 предметами, к наконечникам отнесено 5 (?) экз. [Бадер, 1951].

Поселение Бор V располагалось на краю песчаной боровой террасы, на высоте более 7 м над поймой. Памятник находится в 1 км к юго-западу от д. Верхние Гари, на правом берегу р. Чусовой. Археологические исследования стоянки были проведены в 1954 г. под руководством О.Н. Бадера. Собранная коллекция состоит из 9 896 предметов, из которых наконечников – 71 экз. [Бадер, 1955].

В ходе исследования удалось изучить 33 экз. наконечников с пяти борских поселений. Стоит заметить, что мы имеем дело с ограниченным, но в то же время исчерпывающим количеством источников – нами были осмотрены все имеющиеся на данный момент коллекции борских комплексов из фондов археологического кабинета ПГНИУ и отдела археологии Пермского краеведческого музея.

Изучение наконечников происходило по предложенной нами типологии [Можаева, 2023, с. 62–63; Можаева, Лычагина, 2022, с. 32–34]. Изделия делятся на группы (по наличию/отсутствию черешкового насада), типы (форма пера – листовидные (1), иволистные (2), треугольные (3), ромбические (4), пятиугольные (5)), виды (особенности оформления основания – округлое, вогнутое, усечённое прямое, усечённое скошенное, приострённое), варианты (особенности характера заготовки и вторичной обработки). При анализе наконечников отдельное внимание уделяется описанию вторичной обработки, метрических показателей и пропорций, формы продольного и поперечного сечения орудий.

Результаты исследования

Более половины наконечников изготавливалось из кремня различных цветовых, преимущественно серых оттенков (22 экз.). Остальные орудия были выполнены из светлого окремнелого известняка. Большинство изделий было выполнено в рамках технологии вторичного бифасиального утончения, в результате которой первоначальная форма заготовки значительно перерабатывается, определить её проблематично. Поэтому заготовками могли выступать как отщепы, так и случайные сколы, отдельности сырья, плитки, уплощённые гальки. Заготовки определяются лишь у 7 экз.: на пластине (4 экз.) и на отщепе (3 экз.).

В типологический анализ включено 19 целых изделий:

1. Наконечники листовидной формы – 15 экз.
 - 1.1) с округлым основанием (6 экз.);
 - 1.1-б) на отщепе (2 экз., в том числе 1 экз. с двусторонней краевой ретушью);
 - 1.2) с вогнутым основанием (3 экз.);
 - 1.2-а) на пластине с двусторонней краевой ретушью (1 экз.);
 - 1.3) с усечённым прямым основанием (5 экз.);
 - 1.3-а) на пластине с двусторонней краевой ретушью (2 экз.);
 - 1.4) с усечённым скошенным основанием (1 экз.).
 3. Наконечники треугольной формы – 1 экз.
 - 3.2) с вогнутым основанием (1 экз.);
 - 3.2-а) на пластине с двусторонней краевой ретушью (1 экз.);

4. Наконечники ромбической формы – 2 экз.

4.1) с округлым основанием (2 экз.);

4.1-б) на отщепе (1 экз.).

5. Наконечники пятиугольной формы – 1 экз.

5.3) с усечённым прямым основанием (1 экз.).

В составе наконечников преобладают орудия листовидных форм (рис. 1, 1–13, 16, 18) с округлым либо усечённым прямым основанием. Единичны пятиугольные (рис. 1, 19), ромбические (рис. 1, 14–15) и треугольные (рис. 1, 17) наконечники. Изделия иволистных форм отсутствуют. Кроме того, среди всех типов выделяются орудия, выполненные на пластинах либо отщепах, часть из которых оформлена краевой двусторонней ретушью. Нами не было выявлено наконечников с черешковым насадом.

Форма поперечного сечения у всех изделий линзовидная, форма продольного сечения – эллипсоидная.

Рассмотрим метрические характеристики. Орудия делятся по длине на короткие (до 2,4 см) – 6 экз., средние (2,5–3,5 см) – 8 экз. и длинные (3,6 см и более) – 4 экз. По ширине: очень узкие (до 1,1 см) – 6 экз., узкие (1,2–1,5 см) – 6 экз., средние (1,6–2 см) – 5 экз., широкие (2,1 см и более) – 1 экз. По толщине: очень плоские (до 0,4 см) – 14 экз., плоские (0,5–1 см) – 4 экз. Исключение составляет 1 экз., который определяется нами как наконечник копья, его размеры: 4,8 × 1,3 × 0,5 см. Более половины наконечников имеют длину до 3,5 см, ширину – до 1,5 см и толщину – до 0,4 см.

Анализируя показатели пропорций (соотношение Д/Ш), можно отметить, что в целом преобладают широкие (до 2,5 р.) наконечники – 15 экз., к узким (от 3 р. и более) формам отнесено 3 экз., единичен экземпляр наконечника средней (2,6–2,9 р.) формы. Широкие орудия представлены листовидными (11 экз.), пятиугольными (1 экз.), ромбическими (2 экз.) и треугольными (1 экз.) наконечниками. К листовидным наконечникам отнесены изделия как средних, так и узких форм. В целом можем отметить, что для борских комплексов характерно распространение широких форм орудий.

Дадим характеристику вторичной обработки. Большинство наконечников было обработано сплошной, плоской, отжимной, разнофасеточной, бифасиальной ретушью (14 экз.). По критерию ориентации фасеток относительно продольной оси у орудий преобладает контрпоперечная (13 экз.) ретушь, в одном случае зафиксирована контрдиагональная ретушь. Краевой двусторонней ретушью оформлено 5 изделий, сделанных на пластинах и отщепах.

Обсуждение результатов

Для борских наконечников характерно превалирование изделий листовидных форм с округлым, приострѐнным и нередко усечённым прямым основанием. Часть наконечников изготавливалась на пластинах либо отщепах и оформлялась

двусторонней краевой ретушью. Данные формы мало чем отличимы от неолитических изделий. Также в материалах борских памятников упоминаются наконечники кельтеминарского типа [Мельничук, 1990, с. 100].

С целью определения степени своеобразия борских наконечников было решено провести сравнительный анализ с гаринскими орудиями, проанализированными по той же методике.

Сравнительный анализ показал следующее:

В составе минерального сырья у гаринских, как и у борских изделий, преобладает кремень. Для борских наконечников таковым преимущественно выступал кремень серых оттенков, гаринских – сургучный кремень. Необходимо уточнить, что среди борских наконечников увеличивается доля орудий, изготовленных из окремнелого известняка.

Формы и гаринских и борских наконечников совпадают, но у борских изделий не отмечено наличие иволистной формы. В среднем увеличивается количество вариантов, что в первую очередь связано с характером заготовки и вторичной обработки. В составе борских изделий, так же как и гаринских, преобладают листовидные наконечники с округлым и усечённым основанием, хотя доля изделий с округлым основанием значительней, чем у гаринских орудий. Ромбические и треугольные наконечники в обеих культурах представлены примерно в равных долях. Обращает на себя внимание незначительное количество орудий с вогнутым основанием и пятиугольных наконечников в составе борских изделий (среди гаринских наконечников они в основном преобладают).

Для орудий обеих культур характерна линзовидная форма в поперечном сечении и эллипсоидная форма в продольном сечении. Достижение именно этих форм в сечении обеспечивается технологией бифасиального утончения заготовок и является характерным её признаком.

Показатели метрических характеристик и пропорций для гаринских и борских изделий применялись одинаковые. Для обеих культур характерно преобладание наконечников с длиной до 3,5 см, шириной до 1,5 см и толщиной до 0,4 см. Как в гаринской, так и в борской культуре ведущую роль играют широкие изделия, однако борские наконечники в среднем шире, чем гаринские. Стоит отметить, что, по сравнению с гаринскими изделиями, в составе борских наконечников возрастает доля орудий с длиной 2,5–3,5 см и шириной 1,6–2 см.

Бифасиальная обработка распространена как в гаринской, так и в борской культуре, но среди борских наконечников увеличивается количество предметов, выполненных на пластинах и оформленных двусторонней краевой ретушью. Скорее всего, применение техники краевой ретуши связано с характером заготовки и особенностью каменной индустрии борской культуры.

Заключение

В ходе анализа небольшой коллекции целых наконечников борской культуры было выделено 4 типа, включающих 8 видов и 5 вариантов наконечников. Все изделия относятся к бесчерешковым наконечникам. Преобладающим типом являются листовидная форма с округлым либо усечённым прямым основанием. Абсолютное большинство изделий отнесено к широким формам. Во вторичной обработке распространена плоская, отжимная, разнофасеточная бифасиальная ретушь, но встречаются изделия и с двусторонней краевой ретушью. Возможно, присутствие изделий с вогнутым и усечённым основанием является случайной примесью гаринской культуры. Вероятно, это может быть связано с непосредственной близостью расположения чисто борских поселений и гаринских комплексов [Мельничук, 2021, с. 191–192]. Между тем представляется возможным рассматривать это и как признак ассимиляции, о которой писал А.Ф. Мельничук [Мельничук, 2010, с. 50].

Применение предложенной типологии для изучения наконечников борской культуры оказалось успешным. Сравнительный анализ борских и гаринских орудий позволил выделить ряд сходств и различий. Отличительные особенности изделий борской культуры выражаются в используемом минеральном сырье, формах наконечников и, с некоторыми оговорками, характере вторичной обработки. Данные признаки и определяют своеобразие борских наконечников.

Таким образом, мы полагаем, что проведение сравнительного анализа по критериям типологии позволяет выделять как общие, так и отличительные культурно значимые признаки наконечников разных археологических культур.

Сравнительный анализ гаринских и борских наконечников продемонстрировал устойчивость типологии и её правомерное использование для анализа изделий обеих культур. Мы полагаем, что применение предложенной типологии для изучения наконечников других культур эпохи энеолита представляется возможным.

Библиографический список

1. Бадер О.Н. Отчёт о работах Камской археологической экспедиции в 1951 г. Молотов, 1952 // Архив АК ПГНИУ.
2. Бадер О.Н. Отчёт об археологических раскопках в 1954 г. Молотов, 1955 // Архив АК ПГНИУ.
3. Бадер О.Н. Отчёт об археологических раскопках и разведках, произведённых Камской археологической экспедицией Молотовского госуниверситета в 1949 г. Молотов, 1950 // Архив АК ПГНИУ.

4. *Бадер О.Н.* Отчёт об археологических раскопках и разведках, произведённых Камской археологической экспедицией Молотовского университета в 1950 г. Молотов, 1951 // Архив АК ПГНИУ.
5. *Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // Материалы и исследования по археологии. № 99. М.; Л.: АН СССР, 1961. 200 с.
6. *Лычагина Е.Л.* Энеолит Среднего Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь: ПГГПУ, 2022. С. 75–96.
7. *Мельничук А.Ф.* Взгляды О.Н. Бадера на эпоху палеометалла Среднего Приуралья в свете современных исследований // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. С. 48–51.
8. *Мельничук А.Ф.* О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск : [Б. и.], 1990. С. 97–104.
9. *Мельничук А.Ф.* Памятники борского типа в Верхнем и Среднем Прикамье // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 187–194.
10. *Можяева А.А.* Наконечники гаринской энеолитической культуры // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2023. С. 62–63.
11. *Можяева А.А., Лычагина Е.Л.* Типология каменных наконечников стрел стоянки Чашкинское озеро II // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2022. № 12. С. 30–37.

Сведения об авторе

Можяева Александра Александровна, студентка 4-го курса, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»; Пермь, ул. Сибирская, 24; e-mail: aleksakokr@mail.ru

Mozhaeva Aleksandra Aleksandrovna, 4th year student of Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, Perm, Russian Federation. e-mail: aleksakokr@mail.ru

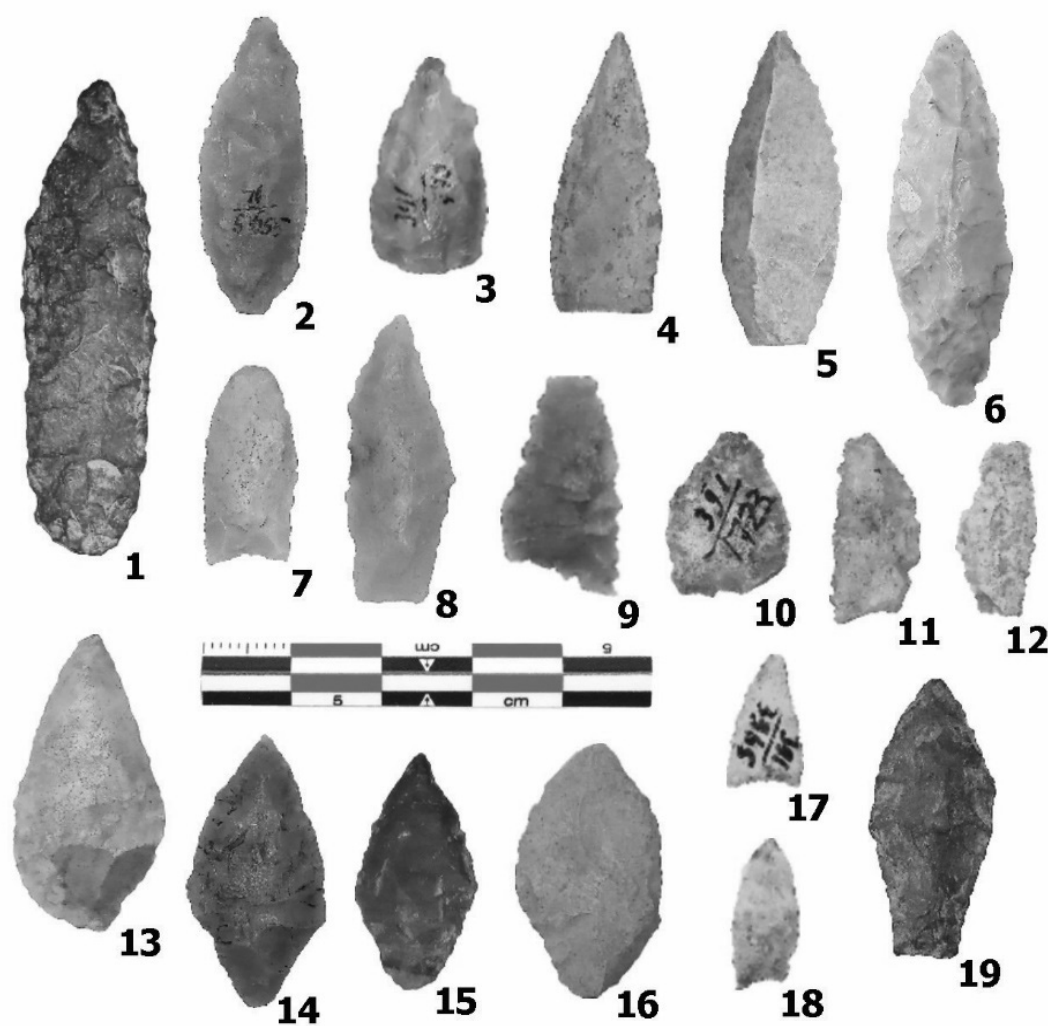

Рис. 1. Наконечники борской культуры: 1, 5 – Бор IV; 2, 13 – Бор II; 3–4, 6, 9–12, 17–18 – Бор V; 8 – Бор III; 7, 14–16, 19 – Боровое Озеро VI

УДК 737 (470.41) «12/13»

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-102-107

А.И. Бугарчев¹, А.А. Павлов²**ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ XIII–XIV вв. ИЗ НАХОДОК
В АКСУБАЕВСКОМ РАЙОНЕ ТАТАРСТАНА**¹Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ,
Казань, Российская Федерация²Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Ленинградская область, Российская Федерация

Рассматриваются серебряные монеты, найденные в окрестностях посёлка Аксубаево (Татарстан). Комплекс насчитывает 28 дирхамов, чеканенных на монетных дворах Булгар, Биляр, Сарай, Новый Сарай и Гулистан. Хронологически все монеты выпускались в период 1260-х – 1360-х гг. Самый ранний дирхам относится ко времени Менгу-Тимура (1266–1281), самый поздний – ко времени Хызр хана (1359–1361). В статье разбираются типологические и метрологические особенности материала. Приводится фототаблица с изображением 12 серебряных монет.

Ключевые слова: дирхам, серебряная монета, денежное обращение, Булгарский вилайат, Аксубаево, Татарстан, XIII–XIV вв.

A.I. Bugarchev¹, A.A. Pavlov²**JUCHID COINS OF THE XIII–XIV CENTURIES FROM AKSUBAEVSKY
DISTRICT OF TATARSTAN**¹Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation²A.S. Pushkin Leningrad State University, Leningrad Region, Russian Federation

The article considers silver coins found in the vicinity of the village of Aksubaevo (Tatarstan). The complex has 28 dirhams minted at the mints of Bulgar, Bilyar, Sarai, New Sarai and Gulistan. Chronologically, all coins were issued in the period 1260^s – 1360^s. The earliest dirham dates back to the time of Mengu-Timur (1266–1281), the latest – to the time of Khizr Khan (1359–1361). The article understands the typological and metrological features of the material. A photo table with the image of 12 silver coins is provided.

Keywords: dirham, silver coin, coin circulation, Bulgar Vilayat, Aksubaevo, Tatarstan, XIII–XIV centuries.

Публикация нумизматического материала, обнаруженного на различных археологических памятниках (рис. 1), является важной источниковой работой для установления особенностей истории Булгарского вилайата XIII–XV вв. как особого региона Улуса Джучидов. Данная работа посвящена введению в научный оборот небольшого комплекса джучидских монет, найденных в окрестно-

стях посёлка Аксубаево (Аксубаевский район Татарстана) (12 серебряных монет – на рис. 2). Ранее уже публиковались дирхамы второй половины XIII в. из находок в указанном районе [Бугарчев, 2019]. Теперь представляются новые нумизматические материалы.

Приведём таблицу непубликованных ордынских монет с указанием всех необходимых параметров – места и времени чеканки, а также метрологии.

**Перечень джучидских монет из находок в окрестностях п. Аксубаево
(Татарстан)**

№	Эмитент	МД*	Время чеканки	Вес, г	Примечание
1	Анонимная	Не указан	(1266–1274)	1,06	С/42**
2	«Ан-Насир лидин» (Менгу-Тимур)	Булгар	(1266–1274)	0,87	С/64
3	Анонимная	Биляр	(1266–1274)	1,15	С/216
4	Анонимная	Булгар	(2-я треть XIII в.)	0,31	Фракция
5	Анэпиграфная	Не указан	(686–690) (1287–1291)	1,02	С/113. Трёхногая тамга. Обломана
6	Анэпиграфная	Не указан	(1300–1320)	1,33	С/101
7–13	Анонимная (Узбек)	Не указан	(1320–1327)	1,12; 0,99; 1,05, 1,10; 1,11; 1,07; 1,07	7 экз. С/202
14	Анэпиграфная	Не указан	(1320–1327)	Утерян	С/157
15	Анэпиграфная	Не указан	(1300–1320)	1,37	С/161
16	Анэпиграфная	Не указан	(1300–1320)	1,31	С/195
17	Анонимная	Булгар	728 / 1327–1328	1,18	С/59
18	Мухаммад Узбек	Булгар ал-Махруса	«723» = 733 / 1332–1333	Утерян	
19–20	Токта	Сарай ал-Махруса	(710) / (1310–1311)	1,41; 1,45	2 экз.
21	Узбек	Сарай ал-Махруса	722 / 1322–1323	1,39	
22	Узбек	Сарай	(1320– 1330-е)	Утерян	
23	Джанибек	Сарай ал-Джадид	744 / (1343–1344)	1,47	
24	Джанибек	Сарай ал-Джадид	74X / (1340-е)	1,42	
25	Джанибек	Сарай ал-Джадид	746 / 1345–1346	1,44	
26	Джанибек	Гулистан	752 / 1351–1352	1,26	Отверстие
27	Бердибек	Гулистан	759 / 1357–1358	1,39	
28	Хызр	Сарай ал-Джадид	(1359–1361)	1,23	

Примечание. *МД – монетный двор. **Шифры С/х приводятся по монографии А.З. Сингатуллиной [Сингатуллина, 2003].

Всего в комплексе насчитывается 28 дирхамов. Также в список можно добавить один пул «тамга в треугольнике» 1320-х гг., вес 0,81 г.

По периодам чеканки распределение следующее:

- Менгу-Тимур (1266–1283) – 3 экз.;
- с «трёхной» тамгой (время Кунчека, 1287–1291 гг.) – 1 экз.;
- неатрибутированная фракция второй половины XIII в. – 1 экз.;
- дореформенные выпуски болгарской чеканки (последняя четверть XIII в. – до 1330 г. х.) (в том числе пул «тамга в треугольнике») – 14 экз.;
- дирхамы южных монетных дворов 710–761 г. х. (1310–1360) – 10 экз.

Самые старшие в комплексе – это анонимные фракции первого золотоордынского хана Менгу-Тимура, С/42, С/64, С/216. Все они чеканились в ранний период правления Менгу-Тимура – в 1266–1274 гг. Монетам С/64 была посвящена отдельная работа, где рассматривались особенности написания топонима «Булгар» (Блгар, Булгар, Буалгар), различные варианты изображения «двуногой» тамги, а также метрологические параметры указанного типа [Бугарчев, Степанов, 2022]. На дирхамах С/216 стоит место выпуска – Биляр, однако на современном Билярском селище за прошедшие 50 лет изучения было найдено минимальное количество монет периода Монгольской империи и Золотой Орды: один клад дирхамов XIV в. (41 экз.) и один сарайский пул с именем Узбека [Валиулина, 2022, с. 281, 288]. Скорее всего, монеты с указанием места чеканки «Биляр» выпускались на Болгарском городище.

К редким эмиссиям относятся экземпляры с «трёхной» тамгой и дирхамы С/101. На последних изображён орнамент, который в китайской символике называется «таз с драгоценностями» [Сингатуллина, 2003, с. 94].

Анэпиграфные дирхамы, на которых отсутствуют место выпуска и дата, отнесены нами к хронологическому отрезку 1300–1320-х гг.

Выделим семь фракций С/202 с легендой «Султан ал-адил» – «Султан правосудный». По нашим представлениям, данные монеты чеканились в 1320–1327 гг. в начальный период правления хана Узбека.

Данги южных монетных дворов первой половины – середины XIV в. часто находят на различных археологических памятниках бывшей Волжской Болгарии. Количество кладов «серебра» XIV в., найденных в Татарстане, составляет 58 единиц [Мухаметшин, Бугарчев, 2022]. Это свидетельствует об активном денежном обращении на Средней Волге в указанный период.

Из таблицы следует, что время обращения серебряных монет на изучаемой территории охватывает столетний период – с конца 1260-х до начала 1360-х гг.

Отметим минимальное количество медных монет – всего один пул 1320-х гг.

Аксубаевское городище находится в 1,5 км к западу от современного посёлка. Площадь городища – 16 тыс. м² [Свод ... , 2007, с. 53]. Городище исследовалось в 1909 и 1970 гг., поэтому можно говорить о слабой археологической изученности окрестностей посёлка Аксубаево. Нумизматические находки с указанной территории носят случайный характер и тем не менее их необходимо публиковать и изучать.

Библиографический список

1. *Бугарчев А.И.* Ранние золотоордынские монеты периода 665–690 гг. из находок в Аксубаевском районе // Человек и природа в бассейне реки Ик в историческом развитии: материалы Всерос. конф. / под ред. А.А. Бурханова. Казань: Отечество, 2019. С. 39–41. (Сер. «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии»; вып. 19).
2. *Бугарчев А.И., Степанов О.В.* О болгарских монетах Менгу-Тимура с титулом «Ан-Насир ли-дин Аллах» (1266–1272 гг.) [Электронный ресурс] // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 8–13. URL: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.8.13>
3. *Валиулина С.И.* Биляр и его округа // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова отв. ред. В.С. Баранов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 280–303.
4. *Мухаметшин Д.Г., Бугарчев А.И.* Клады и единичные находки джучидских монет в Болгарском регионе в XIII – первой половине XV вв. // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 714–758.
5. *Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3 / отв. ред. А.Г. Ситдинов, Ф.Ш. Хузин.* Казань, 2007. 528 с.
6. *Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.

Сведения об авторах

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь, ОП «Институт археологии им. А.Х. Халикова» ГНБУ «Академии наук РТ»; 420137, Казань, ул. Гаврилова, д. 30, кв. 160; e-mail: abugar.61@rambler.ru

Павлов Арсений Артёмович, студент, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина» (Ленинградская область); 420137, Казань, ул. Гаврилова, д. 30, кв. 160.

Bugarchev Alexey Igorevich, Research Laboratory Assistant, Halikov Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; abugar.61@rambler.ru 420137, Kazan, Gavrillov Str., 30–160.

Pavlov Arseniy Artyomovich, student, A.S. Pushkin Leningrad State University (Leningrad Region). 420137, Kazan, Gavrillov Str., 30–160.

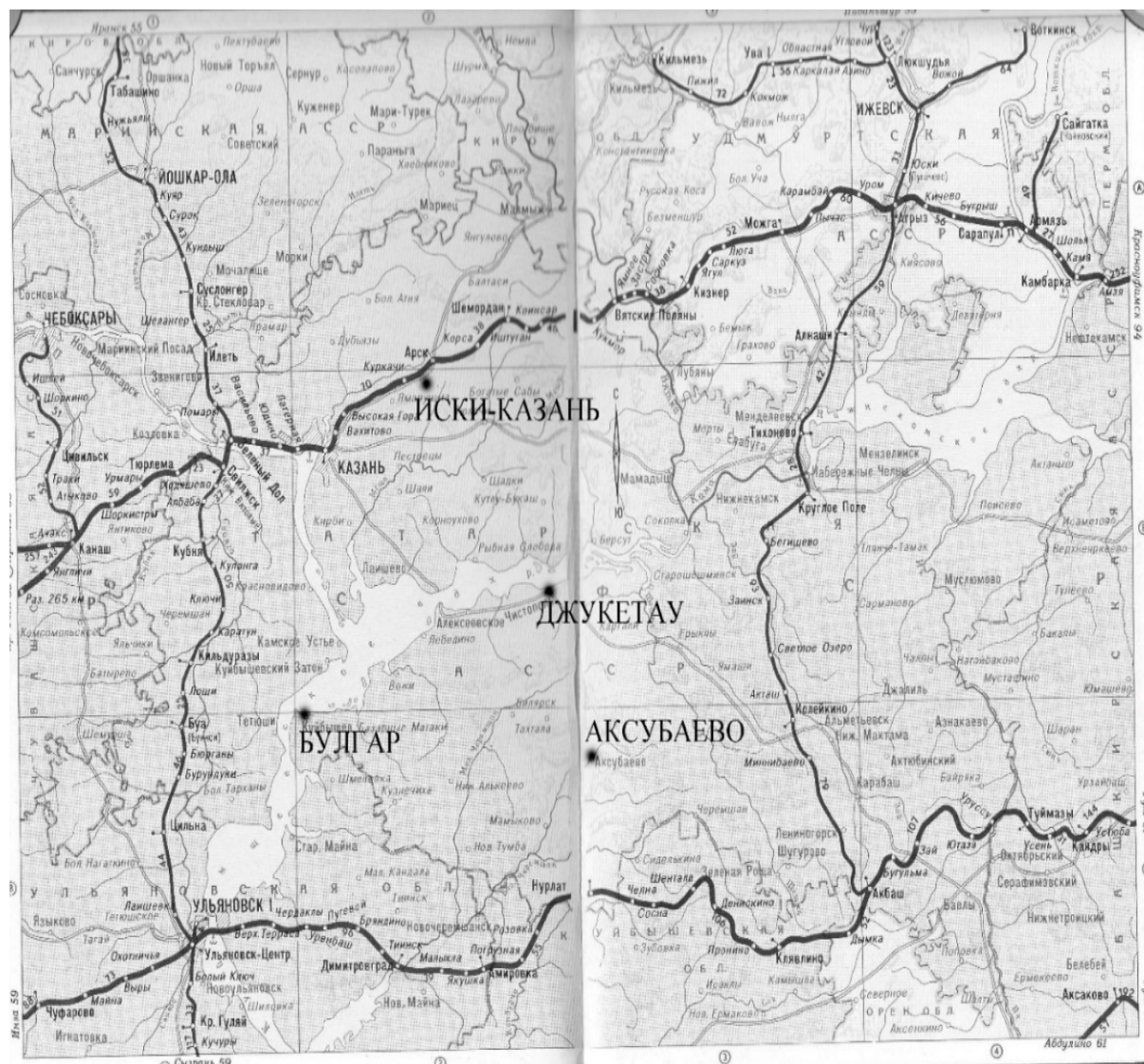

Рис. 1. Карта Волго-Камья с указанием основных археологических памятников XIII–XIV вв.

Рис. 2. 1 – анонимный дирхам С/216, Биляр; 2 – фракция «ан-Насира» С/64, Булгар; 3 – анонимный дирхам С/42; 4 – анэпиграфный дирхам С/113; 5 – анэпиграфный дирхам С/101; 6 – анонимная неизданная фракция Булгара; 7 – анонимная фракция С/202 «Султан ал-адил»; 8 – анэпиграфный дирхам С/195; 9 – анэпиграфный дирхам С/161; 10 – анонимный дирхам 728 г. х.; 11 – дирхам Узбека, Булгар ал-Махруса, «723» (733 г. х.); 12 – дирхам Джанибека, Сарай ал-Джадид, 743 г. х.

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-108-120

А.В. Данич¹**ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ САБЕЛЬ
ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ IX–X вв.**

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

Общие формы сабель обнаружены на обширных территориях. В связи с этим большое значение имеют исследования технологий их производства. Только знание данных технологий даёт возможность проследить распространение кузнечных навыков и традиций. А также отследить возможные места изготовления данного вида вооружения. Ничтожно малое количество подобных работ приводит к выводу, что каждое новое исследование в данном направлении является значительным для археологии вооружения.

К сожалению, до настоящего времени отсутствовали исследования, позволяющие судить о качестве изделий и технологии производства клинкового оружия Пермского Предуралья. В статье представлен технико-технологический анализ пяти сабель с территории Пермского Предуралья.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, сабля, металлографический анализ, Баяновский I, могильник, Демёнковский I, могильник.

A.V. Danich¹**TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF SABERS
OF THE PERMIAN URALS OF THE IX–X centuries**

¹Perm State University of Humanities and Education, Perm, Russian Federation

Common saber shapes have been found in vast territories. In this regard, research on their production technologies is of great importance. Only knowledge of these technologies makes it possible to trace the spread of blacksmithing skills and traditions. As well as track down possible manufacturing sites for this type of weapon. The negligible number of such works leads to the fact that each new study in this direction is significant for the archaeology of armament.

Unfortunately, until now there have been no studies that allow us to judge the quality of products and production technology of bladed weapons of the Permian Urals. The article publishes a technical and technological analysis of five sabers from the territory of the Permian Urals.

Keywords: Permian Urals, saber, metallographic analysis, Accordion.

В средневековых могильниках ломоватовской археологической культуры предметы вооружения встречаются достаточно часто. Комплекс вооружения IX–X вв. жителей Пермского Предуралья относится к важным элементам их материальной культуры. Особое место в нём занимают сабли. Данное оружие является, с одной стороны, показателем уровня военной мощи и развития технологий в металлургии, с другой – индикатором принадлежности мужчины к числу про-

фессиональных воинов. Эксплуатационные качества оружия обусловлены четырьмя составляющими: прогрессивной формой, качеством материала, технологией производства и квалификацией кузнеца.

Сабля – длинное клинковое оружие, рубяще-режущего и колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Кривизна клинка, наклон рукояти в сочетании с круговым направлением удара позволяют производить поражение и извлечение клинка из противника в один приём. Отсюда и происходит специфическое режущее действие сабли.

По мнению Н.Я. Мерперта, сабля – это характерное оружие легковооружённых конных воинов, наиболее подходящее для стремительного кавалерийского боя, требующего облегчённости оружия для сохранения силы и наибольшей подвижности [Мерперт, 1955, с. 154]. По статистическому анализу предметов вооружения Пермского Предуралья, сабля входила в комплекс вооружения, состоящий из топора, сабли, наконечников стрел и удил. Данный комплекс вооружения позволяет воевать как в конном, так и пешем порядке.

Общие формы сабель обнаружены на обширных территориях. В связи с этим большое значение приобретают исследования технологий производства. Только они позволяют судить о соотношении формы и «содержания», а также дают возможность проследить копирование формы или распространение специфических технических новшеств и навыков. Ничтожно малое количество подобных работ приводит к выводу, что каждое новое исследование в данном направлении является значительным событием в археологии вооружения.

К сожалению, до настоящего времени отсутствовали исследования, позволяющие судить о качестве изделий и технологии производства клинкового оружия Пермского Предуралья.

На данный момент на территории Пермского Предуралья известно о находках 68 сабель и их фрагментов, 13 перекрестий и 3 частей ножен. Из них только 27 сабель дошли до нас в целом состоянии, без повреждений.

Погребения с саблями встречены на 9 могильниках Пермского Предуралья (Демёновский I, Телячий Брод, Редикарский, Баяновский I, Плёс, Агафоновский I, Аверинский II, Загарский, Рождественский). На них изучено 1 995 погребений, из которых только в 40 встречены сабли. Все эти сабли датируются IX–X вв.

Редкость подобных находок может быть обусловлена дороговизной и сложностью изготовления клинка, который, в свою очередь, привозился с других территорий или изготавливался лишь в кузнечных центрах крупных поселений и был доступен далеко не каждому мужчине.

Постоянное накопление нового материала требует его дальнейшей систематизации и осмысления.

В 2017 г. сотрудником отдела сохранения археологического наследия ИА РАН М.В. Чирковым в кабинете металлографии Лаборатории естественно-

научных методов ИА РАН было проведено исследование микроструктуры металла нескольких сабель с территории Пермского Предуралья.

Для изучения технологии изготовления сабель был использован основной метод изучения технологии производств – металлографический анализ [Колчин, 1953, с. 12]. Всего с помощью данного метода было изучено пять сабель с территории Пермского Предуралья. Одна сабля происходит из Демёновского I, могильника (рис. 1/1) и четыре сабли – из Баяновского I, могильника (рис. 1/2–5). Сохранность металла сабли с Демёновского I, могильника высокая. Сабли с Баяновского I, могильника отличаются сильной коррозией металла, что является особенностью сохранности железных изделий с памятника.

Травление шлифов производилось реактивом ниталь (4%-й раствор азотной кислоты в спирте). Анализ микроструктур осуществлялся на металлографическом микроскопе МЕТАМ РВ 22 при 100- и 400-кратном увеличении. Измерение микротвёрдости структурных составляющих осуществлялось на микротвердомере ПМТ-3 с нагрузкой 100 грамм. Присутствие фосфора в металле определялось по повышенной микротвёрдости феррита ($236\text{--}331\text{ кг/мм}^2$). Также использовалось условное деление на низкотвёрдое, среднетвёрдое, высокотвёрдое железо [Завьялов, Терехова, 2013, с. 33]. Фотографирование микроструктур производилось фотоаппаратом Nikon Coolpix 4500.

Демёновский I, могильник

Демёновский I, могильник – памятник ломоватовской культуры, расположенный на правом берегу р. Обвы, в 10 км к северу от села Ильинского городского округа Пермского края. Памятник датируется VI–X вв. На могильнике похоронено 5–6 тысяч человек. На данный момент изучено 247 погребений.

Могильник был обнаружен во 2-й пол. XIX в. крестьянами графов Строгановых. Найденные ими артефакты попали в известное собрание Теплоуховых, опубликованное А.А. Спицыным. Он в 1901 г. провёл первые научные исследования памятника, изучив 47 захоронений. В 1953 г. могильник исследовался отрядом Камской археологической экспедиции ПГУ под руководством В.Ф. Генинга [Генинг, 1964, с. 94–162]. Им было вскрыто более 150 погребений. В 2007–2008 гг. отрядом КАЭ под руководством А.Ф. Мельничука изучено ещё 50 погребений [Мельничук, Перескоков, 2010, с. 313–315].

Ан. 12625 (рис. 1/1; 2).

Сабля из погребения № 196. Общая длина сабли 85,3 см, длина клинка 78 см, длина рукояти 7,3 см, длина обоюдоострого конца 16 см. Ширина клинка у рукояти 3,2 см, ширина рукояти 1,2 см, ширина обоюдоострого конца 2,1 см. Толщина клинка 6 мм, толщина рукояти 4 мм, толщина обоюдоострого конца 4 мм. Максимальный изгиб лезвия в 3-й трети клинка составляет 1 см. Угол наклона рукояти к клинку составляет 12°. Перекрестие сабли изогнутое,

брусковидное, с шарообразными окончаниями, опущенными вниз. В 10 см от верхнего окончания ножен располагалась небольшая железная петля с плоской основой и ушком, выполненным из круглой проволоки. В связи с тем, что ушко достаточно узкое, ремень крепился не прямо к нему, а через какой-то переходник (застёжку).

Образец для металлографического анализа отобран из середины клинка изделия, имеет размеры $\frac{1}{2}$ части ширины клинка. Обнаружены две зоны микроструктур – феррита (микротвёрдость 206–221 кг/мм²), тростита отпуска (микротвёрдость 350–420 кг/мм²). Место сварочного шва определено по резкому переходу микроструктур. Шлаковых включений мало, они имеют малые размеры и вытянутую форму.

Вывод: сабля изготовлена с применением кузнечной сварки стали и среднетвёрдого железа. Изделие закалено и отпущено при температуре 300–500 °С.

Баяновский I, могильник

Баяновский I, могильник находится в Добрянском городском округе Пермского края, в 170 м к северо-западу от деревни Бояново, на правом берегу р. Исток, правом притоке р. Вильвы, левом притоке р. Косьвы, левом притоке р. Камы, на гребне пологого холма.

Памятник был обнаружен весной 1951 г. при разработке карьера, из которого брали грунт для насыпи строящейся железной дороги Лёвшино – Кизел и которым была разрушена часть памятника.

В 1951 и 1953 гг. раскопки памятника производились В.А. Обориным. Было изучено 17 погребений. Памятник был датирован IX–X вв. [Оборин, 1953, с. 145–161; Оборин, 1965, с. 107–118].

В 2005–2021, 2023 гг. раскопки проводились КАЭЭ ПГГПУ под руководством А.В. Данича. Было исследовано 521 погребение [Данич, 2007, с. 22–26].

Ан. 13085 (рис. 1/2; 3).

Сабля из погребения № 341. Общая длина сабли 64+ см, длина клинка 59+ см, длина рукояти 5+ см, длина обоюдоострого конца 6,2+ см. Ширина клинка у рукояти 3,4 см, ширина рукояти 2 см, ширина обоюдоострого конца 2,5 см. Толщина клинка 5 мм, толщина рукояти 4 мм, толщина обоюдоострого конца 3 мм. Максимальный изгиб лезвия во 2-й трети клинка составляет 1 см. Угол наклона рукояти к клинку составляет 2+°. Перекрестие сабли изогнутое, брусковидное, с шарообразными окончаниями, опущенными вниз. Навершие рукояти грушевидной формы. Ножны украшены двумя С-образными скобами, выполненными из железных пластин. Одна скоба располагалась в верхней части ножен, вторая – в средней. Нижняя часть ножен со стороны лезвия была усилена небольшой железной полосой.

Образец для металлографического анализа отобран из ближней к острию части клинка изделия и представлен полным профилем. Обнаружена однородная микроструктура среднезернистого феррита (микротвёрдость 193–236 кг/мм²). Шлаковых включений мало, они представлены малыми размерами и имеют вытянутые и округлые формы.

Вывод: сабля изготовлена из фосфористого железа с неравномерным распределением фосфора.

Ан. 13086 (рис. 1/3; 4–5).

Сабля из погребения № 355. Общая длина сабли 75+ см, длина клинка 63,7+ см, длина рукояти 11,3 см, длина обоюдоострого конца ? см. Ширина клинка у рукояти 4,3 см, ширина рукояти 3,1 см, ширина обоюдоострого конца ? см. Толщина клинка 5 мм, толщина рукояти 5 мм, толщина обоюдоострого конца ? мм. Максимальный изгиб лезвия во 2-й трети клинка составляет 0,9 см. Угол наклона рукояти к клинку составляет 11°. Перекрестие сабли изогнутое, брусковидное, с шарообразными окончаниями, опущенными вниз. На расстоянии 17 см от перекрестия находится бронзовый С-образный фигурный подвес, состоящий из двух частей, склёпанных между собой заклёпками.

Образец для металлографического анализа отобран из ближней к острию части клинка изделия и представлен полным профилем. Обнаружены две зоны микроструктур. На теле клинка фиксируется неоднородная микроструктура среднезернистого, крупнозернистого феррита (микротвёрдость 221–254 кг/мм²). Микроструктура лезвийной части клинка представлена мелкозернистым ферритом (микротвёрдость 221 кг/мм²). Включений шлаков мало, они представлены малыми размерами, вытянуты в полосы, оставшиеся от формовки изделия.

Вывод: сабля изготовлена из высокотвёрдого фосфористого железа.

Ан. 13087 (рис. 1/4; 6).

Сабля из погребения № 357. Общая длина сабли 78,2 см, длина клинка 71,2 см, длина рукояти 7 см, длина обоюдоострого конца 15,1 см. Ширина клинка у рукояти 4 см, ширина рукояти 1,7 см, ширина обоюдоострого конца 3 см. Толщина клинка 7 мм, толщина рукояти 3 мм, толщина обоюдоострого конца 3 мм. Максимальный изгиб лезвия во 2-й трети клинка составляет 0,9 см. Угол наклона рукояти к клинку составляет 3°. Перекрестие сабли изогнутое, брусковидное, с шарообразными окончаниями, опущенными вниз. Навершие рукояти грушевидной формы.

Образец для металлографического анализа отобран из средней части клинка изделия, имеет размеры $\frac{1}{2}$ части ширины клинка. Микроструктура шлифа неоднородна и представлена крупнозернистым, мелкозернистым ферритом (микротвёрдость 181–206 кг/мм²). Включений шлаков много, они представлены крупными размерами и вытянутыми формами. Микроструктура шлифа сильно загрязнена шлаками.

Вывод: сабля изготовлена из среднетвёрдого железа.

Ан. 13088 (рис. 1/5; 7).

Сабля из погребения № 277. Общая длина сабли 70,3+ см, длина клинка 60,3+ см, длина рукояти 10 см, длина обоюдоострого конца 11,8+ см. Ширина клинка у рукояти 3,6 см, ширина рукояти 2,2 см, ширина обоюдоострого конца 2,6 см. Толщина клинка 5 мм, толщина рукояти 3 мм, толщина обоюдоострого конца 4 мм. Максимальный изгиб лезвия во 2-й трети клинка составляет 0,3 см. Угол наклона рукояти к клинку составляет 6°. Перекрестие сабли прямое, брусковидное. На расстоянии 17 см от перекрестия находился пятиугольный железный подвес, состоящий из двух частей толщиной 1 мм каждая, склёпанных между собой двумя заклёпками.

Образец для металлографического анализа отобран из ближней к острию части клинка изделия, имеет размеры $\frac{1}{2}$ части ширины клинка. Микроструктура шлифа неоднородна и представлена крупнозернистым, мелкозернистым ферритом (микротвёрдость 128 кг/мм²). Включений шлаков мало, они представлены крупными размерами и вытянутыми формами.

Вывод: сабля изготовлена из низкотвёрдого железа.

Выявленные технологические схемы находят себе прямые аналогии среди результатов исследований отдельных клинков, проведённых другими исследователями.

Сабля из Демёнковского I, могильника показывает высокий уровень знаний кузнеца о характеристиках материалов и умение качественно сваривать железо и сталь. Схожая по форме и технологии изготовления сабля была обнаружена в материалах могильника Дюрсо VIII–IX вв., находящегося недалеко от Новороссийска. Могильник металлографически изучен Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой. Сабля из могильника Дюрсо имеет аналогичную сабле из могильника Демёнки форму, отличаясь от неё лишь прямым черенком. Исследованная сабля была откована из заготовки, сваренной из двух полос – железа и малоуглеродистой стали [Розанова, Терехова, 2004, с. 53–54].

Сабли из Баяновского I, могильника откованы целиком из железа, использование данного материала не характерно для применения при ковке сабель. Среди клинков сабель раннего Средневековья, исследованных металлографически В.И. Завьяловым, М.М. Толмачёвой, Ю.А. Семькиным, Л.С. Розановой, Н.Н. Тереховой, лишь одна сабля, изученная Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой, происходящая из могильника Дюрсо, откована целиком из железа [Завьялов, 2005, с. 75–76; Толмачёва, 2001, с. 68–69; Розанова, Терехова, 2004, с. 52]. Ещё две такие сабли, происходящие из салтовских могильников, исследованы А. Голубевым: целая – из биритуального могильника у с. Червона Горка [Голубев, 2017, с. 239, рис. 3] и фрагмент сабли из кремационного могильника у с. Кочеток (Сороков яр) [Голубев, 2017, с. 242–243]. Также сабля, откованная из мягкой

сырцевой стали невысокого качества без дополнительных технологических операций по улучшению рабочих качеств клинка, известна на аланском Змейском могильнике [Кузнецов, 1973, с. 215–216].

По всем технико-технологическим характеристикам сабли из Баяновского I, могильника уступают сабле из Демёнковского I, могильника.

Технологическая разница между саблями с синхронных культурно, хронологически и территориально могильников может быть связана с разным местом происхождения сабель, для установления которого необходимы дальнейшие металлографические исследования сабель с территории Пермского Предуралья. Например, в соседнем регионе – Северо-Западной Сибири – все 18 исследованных металлографически сабель А.П. Зыковым вполне могли использоваться в качестве колюще-рубящего оружия, ни одного цельножелезного экземпляра среди них не было выявлено [Зыков, 2011, с. 140]. В отношении сабель с салтовских могильников А. Голубев считает, что, скорее всего, хозяин сабли либо использовал её только в качестве статусного оружия в силу каких-либо причин (например, старость или ранение), либо родственники умершего подменили качественный клинок перед погребальной церемонией [Зыков, 2011, с. 248]. Но, на наш взгляд, это не очень убедительные предположения. А вот немалый процент исследованных сабель на различных территориях, изготовленных из простого железа, которые, по идее, нельзя было использовать для военных целей, ставит ряд вопросов, для ответов на которые нужны более обширные металлографические исследования.

В дополнение хочется отметить, что известны не только сабли, но и мечи, изготовленные из неподходящего для применения в бою материала. Так, А.П. Зыковым был исследован фрагмент острия меча с Туманского поселения в Северо-Западной Сибири, датируемый автором концом X–XI вв., выполненный в традициях каролингского оружия, который оказался сделанным из чистого железа низкого качества [Зыков, 2011, с. 138–139]. Аналогичный меч был исследован Б.А. Колчиным с Гнёздовского археологического комплекса IX–XI вв. [Колчин, 1953, с. 134, рис. 106,34 242]. Ещё один древнерусский меч, датируемый X – началом XI в., найденный в бассейне Северного Донца и проанализированный В.Д. Гопак, тоже оказался цельножелезным [Гопак, Дьяченко, 1984, с. 255, рис. 1/2; 2/2; 3/2].

Сабли попадали на территорию Пермского Предуралья, видимо, через Волжскую Булгарию. Известно, что они и другие виды клинкового оружия ближнего боя были предметом торговли булгар с Вису и другими народами севера. Так, ал-Мукаддаси, приводя обширный список товаров, вывозимых булгарами в различные страны, упоминает стрелы, мечи и кольчуги [Белавин, 2000, с. 114–115]. Об обменной торговле саблями булгарских купцов с народами Приуралья пишет ал-Гарнати: «И привозят люди мечи из стран ислама ... в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо. И закаляют эти мечи крепкой закалкой. И эти мечи как раз те, которые годятся, что-

бы везти их в Йуру. И привозят к ним купцы эти мечи ... , а в уплату за них берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль [Путешествие ал-Гарнати, 1971, с. 33].

Как мы видим, сабля попадает в Пермское Предуралье в VIII–IX вв. и к IX–XI вв. укрепляет свои позиции. В этот период форма клинка не претерпевает никаких изменений, происходят только незначительные изменения перекрестия. В отличие от южных территорий нашей страны, где сабли получают больший изгиб. По-видимому, это свидетельствует о том, что сабля не являлась значимым видом вооружения на нашей территории в эти века, а, скорее, была подтверждением высокого статуса её хозяина. Это доказывают технико-технологические характеристики сабель с Баяновского I, могильника, которые показали, что они откованы просто из железа и не сильно подходят для боевого применения.

Библиографический список

1. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.
2. *Генинг В.Ф.* Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры. // Вопросы археологии Урала. Вып. 6. Свердловск, 1964. С. 94–151.
3. *Голубев А.* Сравнительное исследование типов сабель салтовской археологической культуры и технологии их изготовления // Revista Arheologică, serie nouă. 2017. Vol. 13, № 1–2. С. 235–249.
4. *Гопак В.Д., Дьяченко А.Г.* Техника изготовления клинков древнерусских мечей бассейна Северного Донца // Советская археология. 1984. № 4. С. 252–255.
5. *Данич А.В.* История изучения Бояновского могильника // Доклады XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции (г. Пермь, ПГПУ, 31 января – 4 февраля 2007 г.). Пермь: ПГПУ, 2007. С. 22–26.
6. *Завьялов В.И.* История кузнечного ремесла пермян: Археометаллографическое исследование / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2005. 244 с.
7. *Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М: ИА РАН, 2013. 272 с.
8. *Зыков А.П.* Находки европейских средневековых мечей восточнее Уральских гор // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 131–140.
9. *Колчин Б.А.* Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 260 с. (Материалы и исследования по археологии СССР (МИА); № 32).
10. *Кузнецов В.А.* К вопросу о производстве стали в Алании // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 212–216.
11. *Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Коллективные захоронения некрополя Демёнки // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные

области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Урал. археолог. совещания. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 313–315.

12. Мерперт Н.Я. Из истории оружия племён Восточной Европы в раннем Средневековье // Советская археология. Вып. 23. М.: Наука, 1955. С. 131–168.

13. Оборин В.А. Баяновский могильник на р. Косье // УЗ ПГУ. Т. 9, вып. 3. Труды КАЭ. Вып. 1. Харьков, 1953. С. 145–160.

14. Оборин В.А. Памятники родановской культуры у с. Таборы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 65. М., 1965. С. 107–118.

15. Путешествие ал-Гарнати. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. 136 с.

16. Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Технология изготовления кузнечных изделий из могильника Дюрсо близ Новороссийска: (К проблеме различных производственных традиций) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 216. М.: Наука, 2004. С. 47–58.

17. Толмачёва М.М. Клинковое оружие салтовской культуры (техника и технология) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Средневековые древности Евразийских степей. Вып. 15. Воронеж, 2001. С. 66–75.

Сведения об авторе

Данич Андрей Васильевич, ведущий специалист Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»; 614000, Пермь, ул. Сибирская, 24; директор ООО «Гильдия Археологов»; 614083, Пермь, ул. Холмогорская, д. 2е, кв. 46; e-mail: adanich@yandex.ru

Danich Andrey Vasilyevich, leading specialist of the laboratory of trace analysis of the archaeological, anthropology and experimental archaeology, Perm state humanitarian-pedagogical University, 614000, Perm city, Sibirskaya St, 24; Director of the «Guild of Archaeologists», 614083, Perm, Kholmogorskaya St, 2E-46. E-mail: adanich@yandex.ru

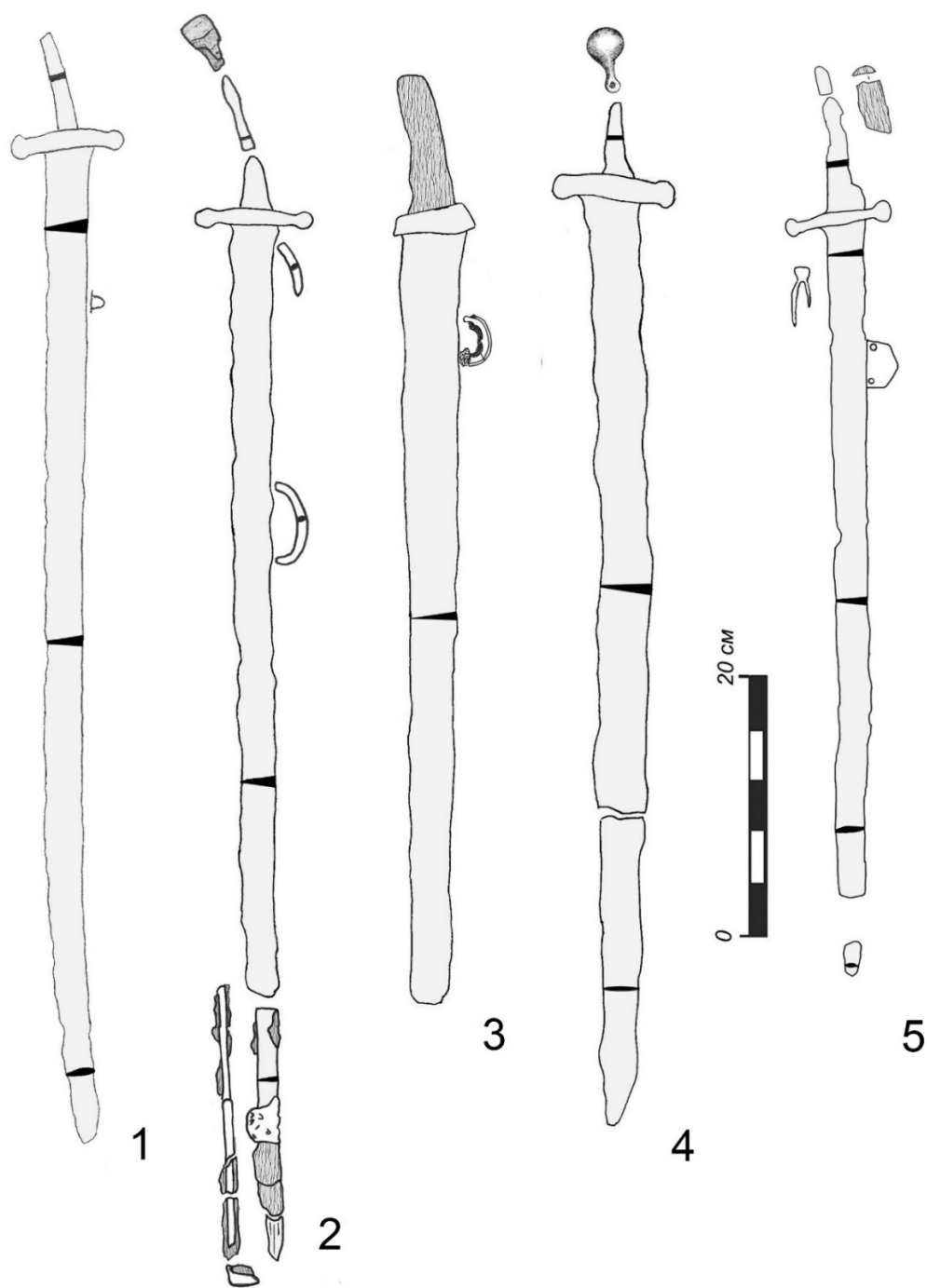

Рис. 1. 1 – Демёнковский I, могильник. Погр. 196; 2 – Баяновский I, могильник. Погр. 341; 3 – Баяновский I, могильник. Погр. 355; 4 – Баяновский I, могильник. Погр. 357; 5 – Баяновский I, могильник. Погр. 277

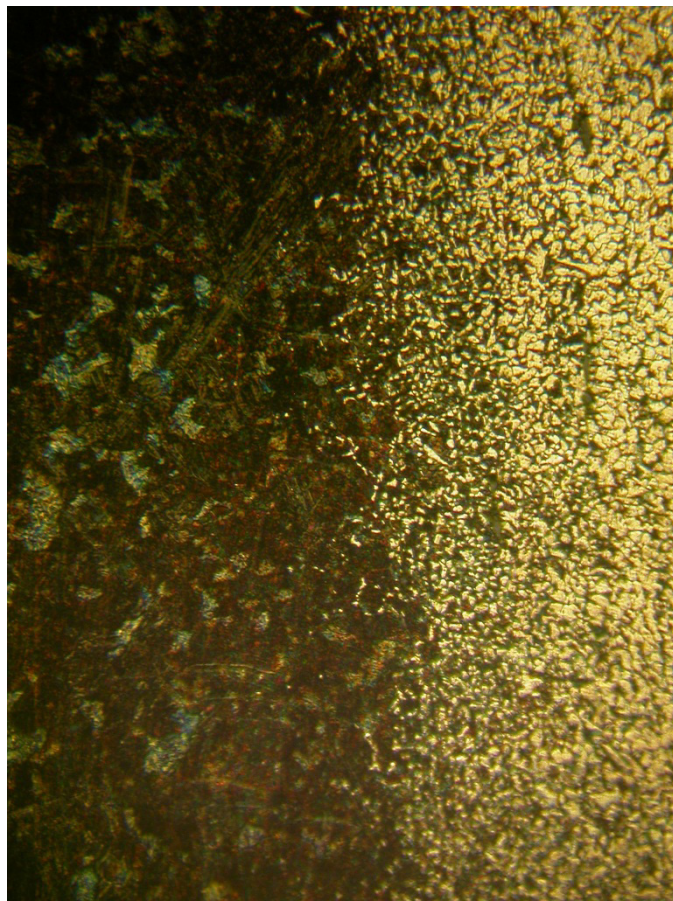

Рис. 2. Демёновский I, могильник. Погр. 196. Ан. 12625.
Троостит, феррит, сварка. Увеличение 100х

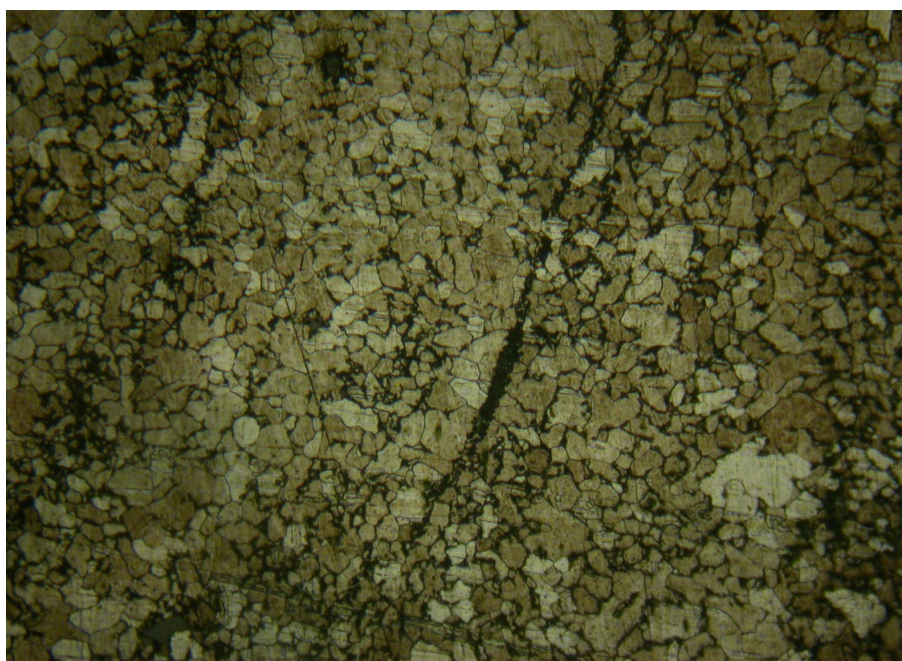

Рис. 3. Баяновский I, могильник. Погр. 341. Ан. 13085. Феррит.
Увеличение 100х

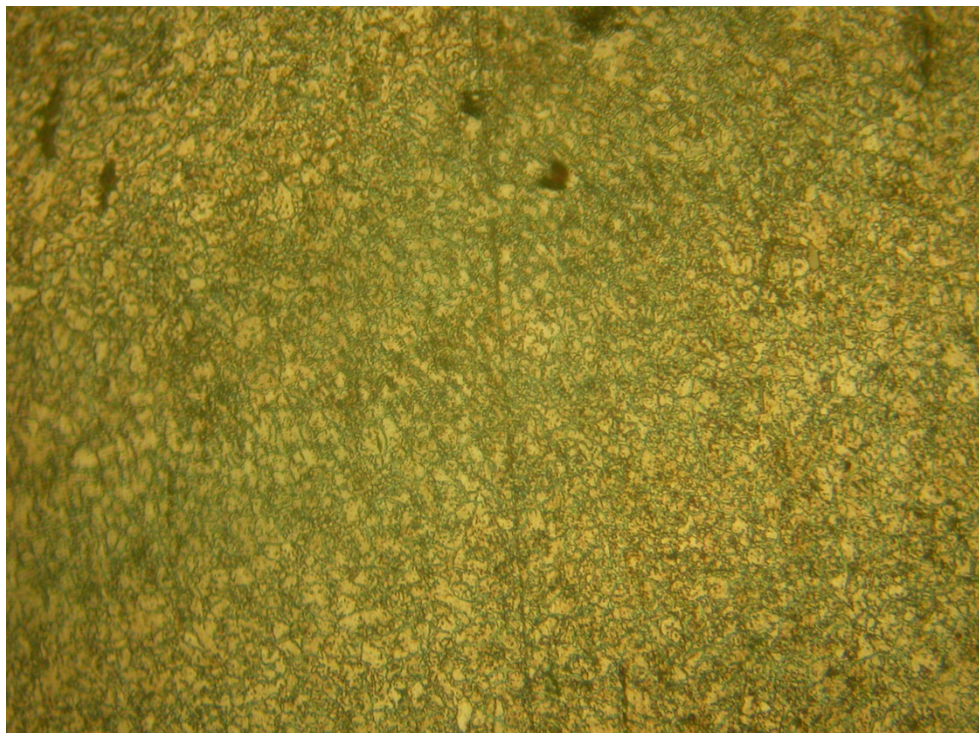

Рис. 4. Баяновский I, могильник. Погр. 355. Ан. 13086. Феррит.
Увеличение 160х

Рис. 5. Баяновский I, могильник. Погр. 355. Ан. 13086. Феррит.
Увеличение 100х

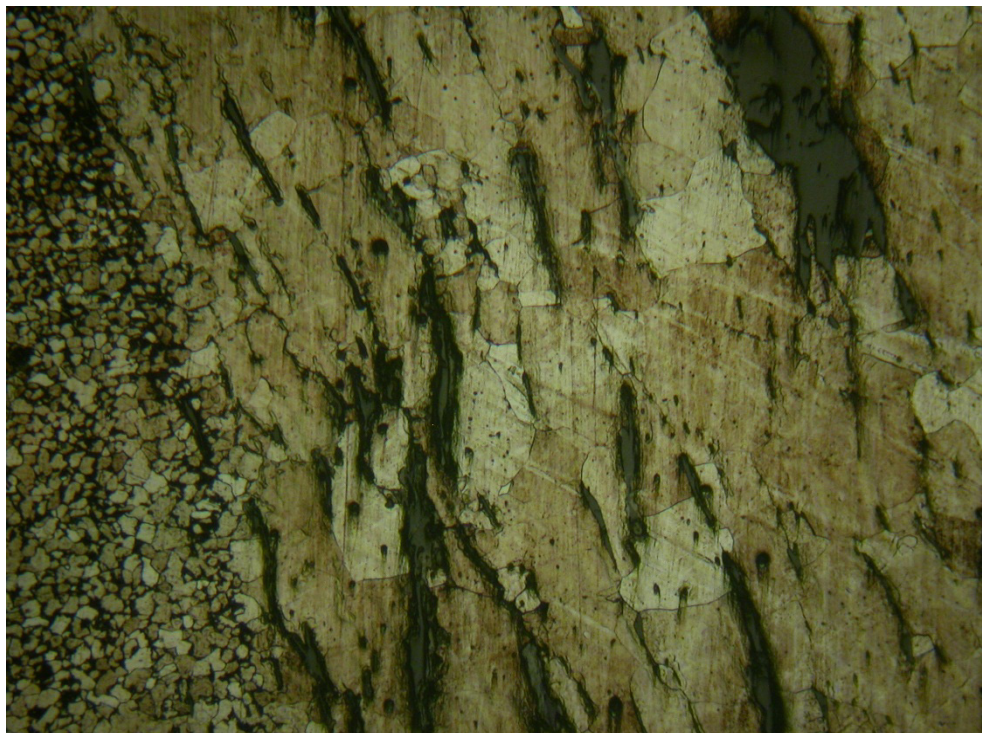

Рис. 6. Баяновский I, могильник. Погр. 357. Ан. 13087. Феррит.
Увеличение 100х

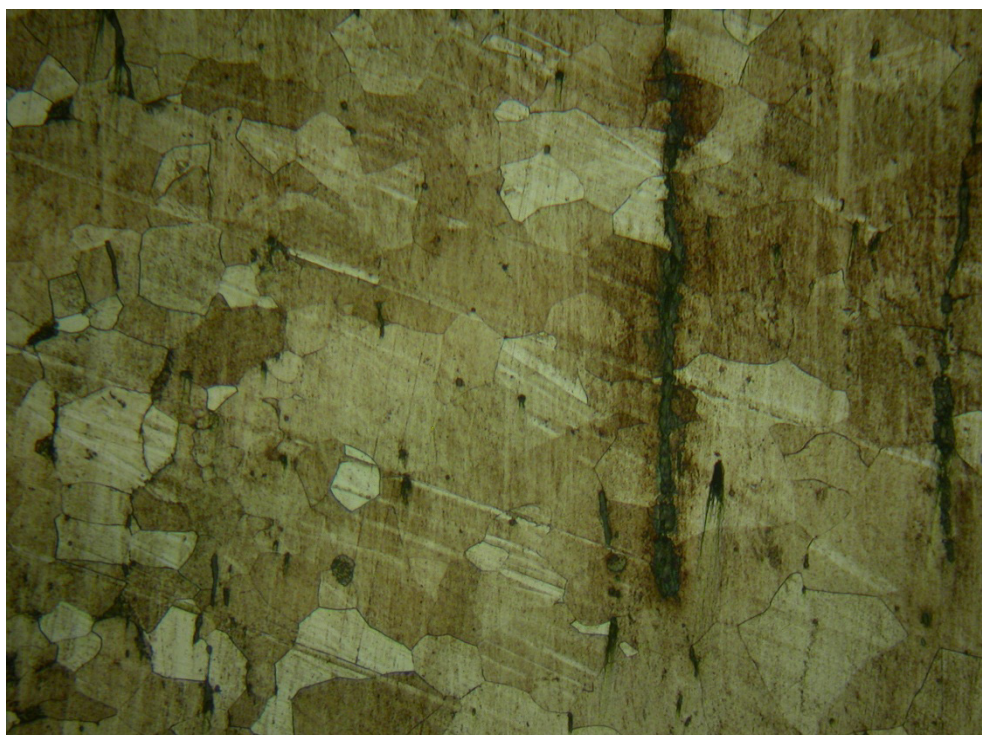

Рис. 7. Баяновский I, могильник. Погр. 277. Ан. 13088. Феррит.
Увеличение 100х

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-24-121-133

П.Р. Смертин^{1, 2}**ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ 2-й ЧЕТВ. XVIII ВЕКА г. ПЕРМИ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БИОАРХЕОЛОГИИ**

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

² Пермская региональная общественная организация «Археологи Прикамья»,
Пермь, Российская Федерация

Произведена попытка частичной полевой биоархеологической реконструкции: описание положения скелетных останков в погребениях, реконструкция изначального положения тела, половозрастная характеристика группы, представленной на Петропавловском некрополе. Этот некрополь относился к Петропавловской церкви, построенной на территории посёлка при Егошихинском медеплавильном заводе, датируется 2-й четв. XVIII в. и фактически является местом захоронения первых жителей Перми. Получены половозрастные определения по 46 индивидам, которые происходят из 27 погребений и 3 участков межмогильного пространства. Приведено 3 примера описания и реконструкции положения тел умерших в погребениях и дана общая характеристика всему похоронному обряду, характерному для некрополя.

Ключевые слова: биоархеология, некрополь, кладбище, Пермь, Егошихинский медеплавильный завод, пол, возраст, тафономические процессы.

P.R. Smertin^{1, 2}**PETER AND PAUL NECROPOLIS 2nd CHET. XVIII CENTURY PERM FROM
THE POINT OF VIEW OF BIOARCHAEOLOGY**

¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

² Perm Regional Public Organization «Archaeologists of the Kama Region», Perm, Russian Federation

The article attempts a partial field bioarchaeological reconstruction: description of the position and orientation of the skeletal remains in grave, reconstruction of the original position of the body, sex and age characteristics of the group represented at the Peter and Paul Necropolis. This necropolis belonged to the Peter and Paul Church, built on the territory of the village at the Egoshikhinsky copper smelter; dates back to the 2nd quarter of the XVIII century. The necropolis is the burial place of the first inhabitants of Perm. Sex and age data were obtained for 46 individuals who originate from 27 burials and 3 sites of inter-grave space. 3 examples of the description and reconstruction of the position of the bodies of the deceased in burials are given and a general description of the entire funeral rite characteristic of the necropolis is given.

Keywords: bioarchaeology, necropolis, cemetery, Perm, Egoshikhinsky copper smelter, sex, age, taphonomic processes.

Введение

Основание г. Перми принято связывать с открытием Егошихинского медеплавильного завода в 1723 г., поэтому, изучая Петропавловский (Старопетропавловский) некрополь, фактически мы имеем дело с останками первых горожан.

В августе 2021 г. было проведено археологическое наблюдение на участках устройства коммуникаций здания собора Петра и Павла. В результате работ, проводимых ООО «Гильдия археологов», было выявлено 38 христианских православных захоронений 2-й четверти XVIII в., 25 из которых исследованы [Данич, 2023].

Захоронения обнаружены в границах объектов историко-культурного наследия: памятника археологии «Егошихинский медеплавильный завод, поселение» и памятника архитектуры и градостроительства «Петропавловский Собор» в г. Перми по ул. Советская, 1/1.

Кладбище было создано при Петропавловской церкви, построенной в 1724 г. рядом с Егошихинским медеплавильным заводом, основанным в 1723 г. [Корчагин, 2006, с. 38]. В 1764 г. на месте старой деревянной церкви был освящён собор во имя Святых апостолов Петра и Павла [Корчагин, 2006, с. 58].

Этот участок кладбища (к западу от собора) ранее не был известен ни по архивно-историческим, ни по археологическим данным. Анализ проведённых археологических работ показал, что изученный участок некрополя относился именно к деревянной церкви (1724–1764 гг.), так как некоторые погребения были разрушены при строительстве каменного собора (1757–1764 гг.).

Целью статьи является проведение **биоархеологической** реконструкции: описания положения скелетных останков в погребении и реконструкции изначального положения тела умерших в момент ингумации, половозрастной характеристики группы. Иными словами, речь идёт о своеобразном «минимуме» при работе с человеческими останками в полевых условиях (их фиксация – описание, оценка тафономических процессов и их влияние на положение костей в погребении и в лаборатории – определение пола и возраста, характеристика половозрастной структуры).

Методы

Автор статьи принимал непосредственное участие в раскопках Петропавловского некрополя. В полевых условиях было зафиксировано положение скелетных останков в погребении, в лаборатории производились половозрастные определения.

Определение **половой принадлежности** индивида проводилось по черепу и нижней челюсти [Алексеев, Дебец, 1964], тазовым костям [Алексеев, 1966].

Для определения категории возраста смерти индивида [Пежемский, 2003; Пежемский, 2010] использовались морфологические методики: фиксировалась степень зарастания внутренних и наружных швов черепа [Алексеев, Дебец, 1964;

Meindl, Lovejoy, 1985], определялась степень прирастания эпифизов и апофизов, а также – возрастных изменений ушковидной и симфизарной поверхностей таза [Алексеев, 1966; Добровольская, Сапин, 1993; Chronological Metamorphosis ..., 1985; Brooks, Suchey, 1990].

Для детских скелетов возраст определялся по уровню формирования зубов [Ubelaker, 1978], по размерам длинных костей с непроросшими эпифизами [Ferembach, Schwidetzky, Stloukal, 1979; Johnston, 1962] и ключицы [Механик, 1948]. В *единственном* случае фрагментарности детских костей для возрастной диагностики был использован атлас абрисов костей конечностей детей по методике В.В. Куфтерина [Куфтерин, 2017] (перед этим методика была проверена на остальных детских скелетах исследуемой выборки, чтобы верифицировать возможность применения атласа на исследуемой нами группе).

При нахождении костей в межмогильном пространстве для их отнесения к одному скелету учитывалась их парная соотносимость, размерные и возрастные характеристики, морфология, близость обнаружения.

Всего исследованы останки не менее 46 индивидов (таблица), происходящих из 27 погребений и 3 участков межмогильного пространства (в межмогильном пространстве собрано 199 разрозненных костей и мелких фрагментов). Достоверно определено 13 взрослых и 31 ребёнок.

При анализе размещения скелетных останков в погребении автор руководствовался методикой и подходами О.В. Зайцевой и Д.И. Ражева [Зайцева, 2005; Зайцева, Ражев, 2007]. Первоначально описывалось видимое после расчистки положение скелетных останков. Здесь нужно отметить, что фиксировалось именно *фактическое* расположение костей, которое могло отличаться от изначального по различным причинам (антропогенный фактор – любые земляные работы, особенность почв, деятельность землеройных животных, истлевание мягких тканей покойного, разрушение погребальной конструкции и др.). При этом использовалась терминология анатомии человека, что позволило максимально точно и без разночтений описать положение тела. Следующий шаг – это интерпретация факторов, которые могли привести к изменению положения скелета. Наряду с этим восстанавливается изначальное положение тела умершего в момент погружения тела в могилу. Обратим внимание, что восстановление изначального положения тела фактически является *реконструкцией*.

Описание и анализ размещения скелетных останков в погребениях

Для подробного описания и интерпретации выбраны три наиболее интересных случая. Также дана *общая характеристика* размещения тел в остальных погребениях.

Погребение № 7 (рис. 1). В погребении обнаружены останки 1 взрослого индивида. Большинство костей находится в анатомическом сочленении. Череп лежит на затылочной и левой теменной костях (повернут лицевым отделом на

север). Нижняя челюсть находится в сочленении с черепом. Условная ось позвоночника параллельна условной оси погребения. Левые рёбра лежат на наружной поверхности, правые – на внутренней, при этом позвонки лежат на дорсальной поверхности и образуют прямую линию, параллельную условной оси погребения.

Кости плечевого пояса располагаются следующим образом: кости правого плечевого сустава находятся вентральнее костей левого (расположены в левой парасагиттальной плоскости), правая лопатка лежит на передней части, акромион направлен медиально и сочленяется с правой ключицей, располагающейся вертикально, проксимальный эпифиз правой плечевой кости немного смещён на север (располагается в районе грудного отдела позвоночника), не сочленяется с ключицей и лопаткой. Плечевые кости отклоняются от условной оси проксимальными эпифизами медиально и образуют проксимальными частями острый угол. Плечевые кости и кости предплечья образуют углы около 45° (кости правой руки) и около 90° (кости левой руки). Правое предплечье находится над левым, дистальная часть правого предплечья находится на проксимальной части левого предплечья, дистальная часть левого – на гребне правой подвздошной кости. Кости кистей разрозненны.

Таз закрыт, слегка повернут на левую сторону, левая безыменная кость располагается на дорсальной поверхности, правая находится вертикально. Бедренные кости находятся в сочленении с тазом и с берцовыми костями. Длинные кости ног лежат на дорсальных поверхностях и отклоняются от условной оси погребения костями коленного сустава медиально (дистальные эпифизы бедренных костей соприкасаются) и образуют внутри острые углы. Кости стоп находятся в полном анатомическом сочленении, лежат на латеральных поверхностях, пяточными буграми развернуты вовнутрь. *Далее следует интерпретация.*

Сохранность костей хорошая. Кости в погребении принадлежат *мужчине (Maturus II, 45–55 лет)*. Ориентация погребения запад-восток (умерший уложен головой на запад). Судя по положению костей, тело покойного перед ингумацией было туго обёрнуто погребальными пеленами, в результате чего туловище оказалось повёрнуто на левый бок. Вероятно, в результате оборачивания пеленами левая кисть легла на пояс, правая (поверх левой руки) – на левый локтевой сустав (возможно, изначально руки располагались на груди или животе). Колени расположились вместе (левое немного выше правого). Стопы при этом не соединялись друг с другом. Таким образом, мы видим «закрученную» позу покойного, когда туловище повернуто влево (вся правая часть туловища находится выше левой, за исключением левого локтя), а таз и кости ног – наоборот, чуть повернуты вправо. Здесь стоит обратить внимание на «тесное» положение костей верхнего плечевого пояса, что было достигнуто, вероятно, в результате тугого пеленания (некоторые кости при этом потеряли изначальное положение после истлевания мягких тканей).

Смещение костей правого плечевого сустава может объясняться истлеванием мягких тканей. Однако если умерший был погребён обернутым пеленой, движение костей после истлевания мягких тканей было бы слишком ограничено.

Это связано с тем, что при засыпке погребения грунтом все части тела покойного остаются зафиксированными под воздействием силы тяжести. Отсюда следуют две гипотезы: *первая* – умерший был захоронен в гробовище, что объяснило бы столь странное расположение правой лопатки, правой ключицы и проксимального эпифиза плечевой кости, *вторая* – умерший до своей смерти имел травму, связанную с деформацией плечевого сустава.

Слабость первой гипотезы заключается в невозможности объяснить «закрученность» тела покойного. Возможно, индивид из погребения № 7 перед ингумацией был обёрнут погребальными пеленами и уложен в погребальную конструкцию (гробовище). Если погребальная пелена и мягкие ткани умершего истлели раньше погребальной капсулы, это создало условия для смещения некоторых костей в ещё не заполненном землей пространстве. Здесь стоит учесть, что археологически следы древесного тлена (остатков гробовища) не зафиксированы (в отличие от большинства погребений), но рядом с черепом умершего найден гвоздь, который мог выполнять как крепёжную функцию гробовища, так и попасть в засыпь погребения случайно.

Поводом для выдвижения гипотезы о травме правого плечевого сустава погребенного стало лишь неестественное положение лопатки, ключицы и проксимального эпифиза плечевой кости. Палеопатологических доказательств этому нет.

Возможен вариант, когда покойного *специально* уложили на бок. Но такое положение тела видится неестественным (туловище повернуто на левый бок, ноги при этом лежат на дорсальной поверхности).

Наиболее логичным объяснением здесь является следующая интерпретация: умерший был туго обёрнут в погребальную пелену перед ингумацией, что явилось следствием «закрученности» тела (даже если перед этим покойный был уложен на спину, руки сложены на груди/животе). Затем покойный был уложен в гробовище. После истлевания мягких тканей стало возможным движение некоторых костей (прежде всего это лопатки, ключицы, проксимальные эпифизы плечевых костей).

Таким образом, пример *погребения № 7* показывает всю сложность интерпретации даже при изучении православной похоронной обрядности.

Погребение № 16 (рис. 2). В погребении обнаружены останки 1 взрослого индивида в анатомическом порядке. Скелет лежит на дорсальной поверхности. Череп стоит на основании, нижняя челюсть немного выдвинута вперед (в вентрально-дистальном направлении) и стоит на правой стороне. Условная ось позвоночника совпадает с условной осью погребения. Грудная клетка раскрыта, ребра лежат хаотично.

Правая плечевая кость не сочленяется с ключицей и лопаткой, параллельна условной оси погребения. Кости правого предплечья образуют с плечевой костью угол $\sim 15^\circ$ и лежат на грудной клетке. Кости левого предплечья образуют с плечевой костью угол $\sim 90^\circ$ и лежат на грудной клетке. Кости обеих кистей разрозненны, обнаружены в районе грудной клетки.

Таз раскрыт, подвздошные кости располагаются на дорсальных поверхностях. Бедренные кости находятся в сочленении с тазом и параллельны условной оси, за исключением небольшого смещения дистального эпифиза правой бедренной кости медиально. Большие и малые берцовые кости параллельны условной оси погребения и друг другу. Проксимальные эпифизы больших берцовых костей находятся под дистальной частью бедренных. Стопы развернуты пяточными буграми вовнутрь. Плюсневые кости левой ступни находятся в анатомическом сочленении, но смещены латерально относительно берцовых костей (дистальный эпифиз левой большой берцовой кости сочленен не с таранной, а с пяточной костью). Плюсневые кости правой ступни находятся в анатомическом сочленении, имеют незначительное смещение относительно дистальных эпифизов правых берцовых костей. *Далее следует интерпретация.*

Сохранность костей хорошая. Кости в погребении принадлежат взрослой женщине (*Adultus*, 30–35). Судя по положению костей, умершая была уложена в гробовище на спину, головой на запад, кисти лежали вместе. Смещение костей нижних конечностей может быть связано с погребением умершей в «тесном» гробу, ноги при этом были согнуты в коленных суставах, а стопы, вероятно, упирались в вертикальную стенку гроба. Эту гипотезу подтверждает смещение нижней челюсти вперед после истлевания мягких тканей, что вызвано, вероятно, давлением черепа и грунта.

Иными словами, после истлевания мягких тканей согнутые в коленях ноги стали «распрямляться», но в условиях ограниченного пространства (тесного гроба) бедренные кости легли на берцовые, а берцовые кости (как и надколенники) задвинулись под бедренные. Аналогичная ситуация произошла с левой ступней. Вероятно, при движении длинных костей ног дистальный эпифиз левой большой берцовой кости сместился с таранной кости на пяточную. Смещение дистального эпифиза правой большой берцовой кости относительно ступни не так значительно.

Нарушение анатомического порядка костей в области грудного отдела может быть связано с истлением мягких тканей тела умершей, разрушением погребальной капсулы (естественные причины или нарушение могильного пространства при копке хронологически более поздних погребений).

На примере этого погребения мы можем получить представление о течении тафономических процессов: мягкие ткани бёдер, голени, стоп истлели позже, чем коленные (стоит обратить внимание, что правый надколенник зафиксирован в сочленении с проксимальным эпифизом большой берцовой кости) и голеностопные суставы. Эти выводы подтверждает и то, что малая и большая

берцовые кости не смещены относительно друг друга. То же можно сказать о всех костях стопы. Судя по всему, коленные и голеностопные суставы истлели раньше, чем тазобедренные (головки бедренных костей находятся в вертлужных впадинах). Также крестцово-подвздошные суставы и хрящ лобкового симфиза, вероятно, истлели раньше, чем тазобедренные – мы фиксируем «раскрытое» положение таза, в то время как головки бедренных костей находятся в вертлужных впадинах.

Погребение № 8, индивид «А» (рис. 2). Обнаружены останки ребёнка в почти полном анатомическом порядке. Скелет лежит на дорсальной поверхности. Кости черепа сдавлены, состоят из отдельных фрагментов. Условная ось позвоночника параллельна условной оси погребения. Анатомический порядок рёбер нарушен (кости располагаются хаотично). Левая плечевая кость параллельна условной оси погребения, кости левого предплечья образуют с плечевой костью угол около 90°, кости левой кисти находятся в анатомическом соответствии и лежат на грудной клетке на ладонной стороне. Положение костей правой руки нарушено (плечевая кость развернута почти перпендикулярно относительно условной оси погребения, проксимальным эпифизом латерально, кости правого предплечья параллельны друг другу и перпендикулярны условной оси, локтевая кость смещена дистально и повернута (лежит на латеральной поверхности, кости кисти разрозненны)). Таз раскрыт, подвздошные кости лежат на дорсальных поверхностях. Длинные кости ног отклоняются от условной оси проксимальной частью на юг, но параллельны друг другу (за исключением правой бедренной, которая отклоняется проксимальным эпифизом латерально). Кости ступней отсутствуют. *Далее следует интерпретация.*

Сохранность костей хорошая. Кости принадлежат ребёнку (*Lacteus*, 3–9 мес.). Судя по положению костей, покойный был уложен на спину, головой на запад, руки сложены на животе ладонями вниз. Нарушение анатомического порядка, вероятно, возникло вследствие совершения хронологически более поздних захоронений (которые располагаются в непосредственной близости к рассматриваемому погребению) или действия тафономических процессов (разложения мягких тканей).

Археологически следов гробовища не найдено. Исходя из весьма компактного расположения костей (особенно выделяются очень близко расположенные относительно друг друга длинные кости ног, с отклонением коленей от условной оси в сторону), можно предположить об оборачивании индивида в погребальные пелена, перед его захоронением.

Общая характеристика размещения тел в погребениях

Все погребения кладбища выполнены по обряду ингумации. В погребениях захоронено по одному индивиду, за исключением нескольких случаев. В погребении № 12 обнаружено 2 индивида – взрослый и ребёнок (погребение ребёнка является подзахоронением к телу взрослого). В детских погребениях № 8, 15

и 19 обнаружено несколько индивидов, однако фактически захоронения являются отдельными (методически раскопаны как одно погребение).

В большинстве могил погребённые были уложены на спину, головой на запад (с незначительными отклонениями), ноги выпрямлены или незначительно согнуты в коленях, руки сложены на груди или на животе, в редких случаях (погребения № 6 и 11) – в районе таза. Судя по положению костей, взрослые индивиды были захоронены в могильные конструкции с ограниченным пространством (гробовища), в отдельном случае – оборачивались погребальными пеленами (погребение № 7). Дети перед захоронением, вероятно, были обернуты погребальной пеленой, за исключением нескольких погребений (№ 4, 15, индивид «В», № 28, 29), где умершие были захоронены, вероятно, в гробовищах. Среди детей, умерших на первом году жизни, наблюдается довольно сильное сходство в положении скелетных останков (рис. 2).

Половозрастной состав (таблица)

Всего исследованы останки не менее 46 индивидов, которые происходят из 27 погребений и 3 участков межмогильного пространства. Достоверно определено 7 индивидов, определённых как мужчины, 2 индивида, определённых как *вероятно* мужчины (♂?), 2 индивида, определённых как женщины, 4 взрослых индивида (пол не установлен), 31 ребёнок (индивиды возрастом младше 15 лет).

Для полноценных демографических выводов выборка мала. Уверенно мы можем говорить только о детской смертности (=67,4 %, *при этом 64,5 % индивидов от числа всех детей умерли на первом году жизни*). Детской смертности в Перми в XVIII–XIX вв., по палеоантропологическим данным и сведениям из метрических книг, посвящена отдельная статья автора [Смертин, 2023].

Нет сомнений, что мы имеем дело с регулярным кладбищем, образованном при Петропавловской церкви, на котором хоронили жителей Егошихинского медеплавильного завода.

Заключение

Рассматриваемая палеоантропологическая выборка имеет особый исторический контекст. Фактически мы имеем дело с останками жителей заводского посёлка, которых можно считать первыми горожанами-пермяками.

На основе анализа описаний размещения скелетных останков в погребениях удалось найти интересные особенности.

Так, из 8 взрослых захоронений (умершие укладывались в гробовища на спину, руки складывались на груди) одно (*погребение № 7*) является уникальным (умерший перед ингумацией, вероятно, был обёрнут погребальными пеленами, что повлияло на «закрученность» посмертной позы). Таким образом, даже на православном некрополе XVIII в. можно найти исключение из «канонического» положения тел при похоронном обряде (лежа, вытянуто на спине, руки сложены на груди/животе).

Детей могли хоронить как в гробовищах, так и в погребальных пеленах (соотношение примерно 1 : 1). Важно, что в ткань оборачивались чаще новорожденные и младенцы, а в гробовища укладывались чаще всего дети более старшего возраста.

Собственно, кроме исторических выводов, можно получить данные о тафономических процессах: о темпе и последовательности истлевания частей тела погребённого, что показано на примере *погребения № 16*.

На наш взгляд, при археологических раскопках любых человеческих захоронений необходима фиксация положения скелетных останков всеми доступными способами: фотография, рисунок, создание трёхмерной модели, словесное описание. Словесное описание может наиболее точно охарактеризовать все детали положения тела, которые не могут быть переданы с помощью изображения.

Библиографический список

1. *Алексеев В.П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
2. *Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
3. *Данич А.В.* Раскопки некрополя второй четверти XVIII в. при устройстве наружных сетей водоснабжения, канализации, теплоснабжения, наружного освещения здания «Петропавловский собор» по адресу: Пермь, Советская, 1 // Региональные столицы России – точки опоры и роста: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Екатеринбург – Пермь, 20–22 сентября 2023 г.). Екатеринбург, 2023. С. 17–19.
4. *Добровольская Е.А., Сапин М.Р.* Учение о костях – остеология // Анатомия человека / под ред. М.Р. Сапина. М.: Медицина. 1993. Т. 1. С. 38–152.
5. *Зайцева О.В.* Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.
6. *Зайцева О.В., Ражев Д.И.* Возможности реконструкции особенностей первоначального размещения тела в погребениях по обряду ингумации // Вестн. Том. ун-та. История. 2007. № 11. С. 84–89.
7. *Зубов А.А.* Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 189 с.
8. *Корчагин П.А.* Губернская столица Пермь. Пермь: Книжный мир, 2006. 320 с.: ил. (По городам и весям Прикамья).
9. *Куфтерин В.В.* Атлас абрисов костей конечностей детей и подростков для возрастной экспресс-диагностики по материалам Гонур-Депе / отв. ред. Н.А. Дубова. М.: Старый Сад, 2017. 154 с.
10. *Механик Н.С.* Данные о возрастной анатомии ключиц // Труды Воен.-мор. мед. акад. 1948. Т. 1, вып. 2.

11. *Пежемский Д.В.* Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России (г. Омск, 9–12 июня 2003 г.): тез. докл. М., 2003. С. 255.
12. *Пежемский Д.В.* Половозрастная структура населения Петровского конца средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2010. С. 47–55.
13. *Смертин П.Р.* Сопоставление показателей детской смертности в Перми XVIII века по данным метрических книг и палеоантропологических исследований // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 2 (61). С. 162–171.
14. *Brooks S., Suchey J.M.* Skeletal Age Determination Based on the Os Pubis: A Comparison of the Acsadi-Nemeskeri and Suchey-Brooks Methods // Human Evolution. 1990. № 5. P. 227–238.
15. *Chronological Metamorphosis of the Auricular Surface of the Ilium: A New Method for the Determination of Adult Skeletal Age at Death / C.O. Lovejoy, R.S. Meindl, T.R. Pryzbeck, R.P. Menthforth* // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 15–28.
16. *Ferembach D., Schwidetzky I., Stloukal M.* Empfehlungen für die Alters- und Geschlechtsdiagnose am Skelett. 1979. Homo 30. P. 1–32.
17. *Johnston F.E.* Growth of the long bones of infants and young children at Indian Knoll // Am. J. Phys. Anthropol. 1962. Vol. 20. P. 249–254.
18. *Meindl R.S., Lovejoy C.O.* Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 57–66.
19. *Ubelaker D.H.* Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. 1978. 312 p.

Сведения об авторе

Смертин Павел Романович, аспирант исторического факультета, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»; 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24; научный сотрудник, Пермская региональная общественная организация «Археологи Прикамья»; 614113, Пермь, ул. Сапфирная, 12–164; e-mail: paulsmert@mail.ru

Smertin Pavel Romanovich, Postgraduate student of the Faculty of History and Political Science, Perm State National Research University, Perm, Russia; researcher at the Perm Regional Public Organization «Archaeologists of the Kama Region», Perm, Russia; e-mail: paulsmert@mail.ru

Половозрастной состав Петропавловского некрополя

№ погребения / название участка	Пол	Возраст (лет)
2	А) ♂? Б) ?	А) Старше Juvenilis I (≥ 18) Б) Взрослый
3	♂	Senilis (55+)
4	ребёнок	Lacteus (0,5–1)
6	ребёнок	Natus (новорожд.)
7	♂	Maturus II 45–55
8	А) ребёнок Б) ребёнок В) ребёнок Г) ребёнок	А) Lacteus (0,5±3 мес). Б) Infantilis prim. (1,5–2,5) В) Lacteus (0,5±3 мес.) Г) Infantilis prim. (2–3)
9	♂	Maturus II (45–55)
11	ребёнок	Natus (новорожд.)
12 2 инд.	А) ♂ Б) ребёнок	А) Maturus I (30–35) Б) Infantilis I (3–5)
13	ребёнок	Lacteus (0,5±3 мес.)
14	ребёнок	Lacteus (0,5–1)
15	А) ребёнок В) ребёнок	А) Lacteus (0,5±3 мес.) В) Infantilis prim. (2–3)
16	♀	Adultus (30–35)
17	ребёнок	Lacteus (0,5±3 мес.)
18	ребёнок	Natus (новорожд.)
19 3 инд.	А) ребёнок Б) ребёнок В) ребёнок	А) Lacteus (0,5–1) Б) Infantilis prim. или младше ($\leq 1,5$) В) Infantilis prim. (1–3)
20	♀	Juvenilis II (20–25)
21	ребёнок	Infantilis prim. (2–3)
22	ребёнок	Natus (новорожд.)
23	ребёнок	Natus (новорожд.)
24	ребёнок	Natus (новорожд.)
25	♂	Adultus (25–35)
26	♂	Adultus (25–35)
27	ребёнок	Lacteus (0,5±3 мес.)
28	ребёнок	Lacteus (0,5±3 мес.)
29	ребёнок	Infantilis prim. (2–3)
30	ребёнок	Infantilis prim. (1±4 мес.)
Траншея теплопровод 4 инд.	А) ♂? Б) ребёнок В) ребёнок Г)?	А) Maturus I (35–45) Б) Lacteus (0–0,5) В) Infantilis I (3–6) Г) Взрослый
Траншея теплопровод (ТрТеп), участок рядом с погр. № 30 3 инд.	А) ребёнок Б) ♂ В) ребёнок	А) Infantilis prim. (2–3) Б) Adultus (25–35) В) Lacteus (0–0,5)
Траншея водопровод (ТрВ) 4 инд.	А)? Б) ребёнок В) ребёнок Г)?	А) Juvenilis II / Adultus (20–30) Б) Infantilis prim. (3–7) В) Lacteus (0–0,5) Г) Взрослый

Рис. 1. Погребение № 7

Рис. 2. Погребение № 16 (слева). Погребение № 8, индивид «А» (справа)

СОДЕРЖАНИЕ

Н.В. ГРИГОРЬЕВА, М.С. ПАВЛОВА, В.О. ЛЕВАШКО, А.С. НОВИКОВ ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ НА БАЗЕ СТАРОЛАДОЖСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.....	3
О.Е. ХМЕЛЕВСКАЯ МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ ОРЕНБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ В ПРАВОВОЕ ПОЛЕ	17
Л.В. ПОЛОВНИКОВ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В КОЧЁВСКОМ МУНИЦИПАЛЬНОМ ОКРУГЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ОНОЛВЫ В 2018 ГОДУ	25
Е.В. ЧУЙКИНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ПЕРМСКОМ РАЙОНЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ В 2022 ГОДУ	33
Д.А. ДЕМАКОВ ПЕРВЫЕ ИТОГИ РАЗВЕДКИ ПО ЛЕВОМУ БЕРЕГУ р. КОСА В ОКРЕСТНОСТЯХ п. УСТЬ-ОНОЛВА, ПЕРМСКИЙ КРАЙ	42
Д.Е. ВЛАСЕНКО, О.Ю. ЯЧМЕНЁВ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКА УСТЬ-МЕНЗА-14 В 2023 г. (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ).....	48
М.Е. ШМЫРИНА ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ЧЕРДЫНСКОМ РАЙОНЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ В 2023 ГОДУ	56
А.Р. СМЕРТИН ГРУППА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ У д. КУЧИНО В БАССЕЙНЕ р. ЧУСОВАЯ.....	62
Н.С. БАТУЕВА, И.С. ГОЛДОБИН, Л.И. ХАНОВА АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ДРАЧЁВО II В 2023 г.	72
Е.Л. ЛЫЧАГИНА ШЛИФОВАННЫЕ ОРУДИЯ ГАРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО II)	82
А.А. МОЖАЕВА НАКОНЕЧНИКИ С ПАМЯТНИКОВ БОРСКОЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧУСОВСКОМ ПРИКАМЬЕ (К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ).....	93
А.И. БУГАРЧЕВ, А.А. ПАВЛОВ ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ XIII–XIV вв. ИЗ НАХОДОК В АКСУБАЕВСКОМ РАЙОНЕ ТАТАРСТАНА	102
А.В. ДАНИЧ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ САБЕЛЬ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ IX–X вв.	108
П.Р. СМЕРТИН ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ 2-й ЧЕТВ. XVIII ВЕКА г. ПЕРМИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БИОАРХЕОЛОГИИ.....	121

Научное издание

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск XXIV

Сборник научных трудов

Под общей редакцией А.М. Белавин

На обложке – бронзовый подвес сабли из погребения Баяновского могильника

Договор размещения издания в НЭБ eLibrary 697–11/2013. Издание включено в РИНЦ

Корректор – *О.В. Вязова*

Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Подписано в печать 22.05.2024. Формат 60×90/8
Усл. печ. л. 17,0. Тираж ... экз. Заказ № ...

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, каб. 310
Тел. (342) 215-18-52 (доб. 394)

Отпечатано в типографии Издательства
Пермского национального исследовательского
политехнического университета.
Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29, к. 113
Тел. (342) 219-80-33